

ФФ 3 96

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИКА

**Подписывайтесь на журнал
"Приключения, Фантастика"**

Не упускайте своего единственного
шанса - со второго полугодия 1996 г.
ПФ будет распространяться только
по подписке!

На любой почте! Индекс – 70956.
Каталог "Газеты, журналы" стр. 125.
Агентство "Роспечать".

Напоминаем, что со второго полугодия
1996 года мы возобновляем выпуск
научно-художественной библиотеки
мистики и ужаса
"Галактика".

Индекс 73074, стр. 92 в каталоге
"Газеты, журналы" агентства "Роспечать"

Внимание! Только для лиц с устойчивой
психикой и крепкими нервами!

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

фп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Литературно-художественный журнал

3 96

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

9 Aug 11

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юрий Петухов. Меч Вседержителя.</i> Фантастический роман	3
<i>С. Москалев. Гардероб.</i> Фантастическая повесть	138
<i>В. Обедин. Резидент и утроба.</i> Фантастическая повесть	192

Обложка П. Кузьмина
Иллюстрации А. Филиппова

© "Приключения, фантастика"

© "Метагалактика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Розничная цена свободная.

Учредитель, издатель, гл. редактор –
Петухов Юрий Дмитриевич

Рег. номер – 309.

Подписано в печать 10.01.96 г. Формат 84x108/32.
Объем 9 п.л. Бумага тип. 2. Заказ – 1924
Тираж – 23500 экз.

Издательство "Метагалактика" ЛР 060423.
111123, Москва, а/я 40.

ГМП "Первая Образцовая типография"
Государственного Комитета по печати РФ.
113054, Москва, ул. Валовая, 28.

Индекс 70956

Юрий Петухов
Меч Вседержителя.
Роман. Окончание.

***Старый Мир – новые миры –
Черная Пропась.
Надвременье.***

Общиной живет человек. Не рыщет подобно одинокому волку по степям и дебрям. Всегда рядом близкие его: отец, мать, жена, брат, сын — протяни руку и ощутишь тепло, опору и ласку. А нет родных, друг подставит плечо и выручит, согреет вниманием. Не один в мире смертный. И не один в своем собственном теле — всегда рядом надежда и вера. Ибо так было изначально, от зарождения времен, никогда не шел в одиночку рожденный среди себе подобных. Даже изгой, выброшенный родом-племенем за пределы свои, жил не один, зная, что рано или поздно придет тот час, когда его простят родные, прежние, или примут новые — в свою общину. И самый замкнутый и отрешенный отшельник не одинок, ибо творит свой пустынный подвиг ради тех, кого оставил, в болях и страданиях духовных за них. И витязь былинный, идущий на край света, в горестную чужбину пытаться счастья, жив памятью о тех, к кому вернется... А возвращаться не к кому — сожгли дом родной, землю, по которой бегал сызмальства босиком, вытоптали, испоганили, и нет ни общины, ни рода, ни племени.

– Проклятье! – заорал во всю глотку Гуг Хлодрик. И отшвырнул прочь ни в чем не виноватую Ливочку. – Мы влипли как цыплята! Это все ты... Проспал! Недоносок хренов! Наследник чертов!

– Император, – поправил его карлик Цай ван Дау. И перед глазами у него проплыли сиреневые холмы прекрасной Умаганги, витые, вонзающиеся в небо дворцы, сказочно красивые лица крохотных женщин... Цай понял, что не увидит их никогда.

– Проспал!!!

Гуг орал и ярился попусту. Карлик Цай не был ни в чем виноват. Боевая армада Системы вынырнула из подпространства внезапно, ни один локатор ее не засек... да и не мог засечь, негуманоиды шли, скорее всего, через Невидимый Спектр.

Цай ван Дау отвечал за внешнюю безопасность. Но кроме Гуга Хлодрика никто не решался повисить на него голос, потому что от таких вещей ни один из них не был застрахован.

Семьдесят два боевых звездолета выявились из мрака одновременно, будто семьдесят две звезды внезапно вспыхнули в Солнечной системе, зажав в светящуюся сферу черную Землю и все корабли, подвластные горстке уцелевших и сопротивляющихся землян. Это была карательная экспедиция. Гуг не ошибся. Это был их конец!

– Явились, голубчики! – злорадно осклабился Дил Бронкс. Он радовался возможности мстить за Таёку, он не собирался подставлять левую щеку, после того, как его ударили по правой. – Живыми, суки, не уйдете!

– Это мы живыми не уйдем, – поправил его грустный и немногословный Иннокентий Булыгин.

Оборотень Хар задрал морду к ячеистому потолку и протяжно, уныло завыл. От этого воя расплакалась, разрыдалась в голос Лива. И в рубке «Святогора» сразу стало тягостно и тревожно, будто в склепе.

– Тихо! – Гуг ударил огромным кулаком в переборку. – Без паники! У нас хватит силенок потягаться с этой сволочью! Да и Образина уже на подходе, он ударит с тыла!

– И с Пристанища какой-то корабль идет, – вставил Кеша. Только вчера они получили сигнал от Алены и Олега. Никто их толком не знал, Иван мало чего рассказывал, но по сообщению поняли – это идут свои, идут драться с нечистью.

Цай тяжело вздохнул и черная капля выкатилась из его незаживающей раны на лбу. Цай ван Дау понимал, что никто им уже не поможет. Армада взяла их в тиски, в перекрестие семидесяти двух «прицелов», им никуда не уйти, а принять бой – значит, погибнуть в этом бою, как погиб когда-то давным давно легендарный «Варяг» с канонерской лодкой «Кореец». Правда, тем перед боем предложили сдаться. «Святогору» ничего не предложат. Их пришли уничтожить.

Цай знал, что подмоги не будет, никто не поспеет. Поздно! Каратели пришли на более совершенных кораблях, таких Цай прежде не видел, но не трудно было догадаться, что эти уродины по полтора километра длиной каждая, с торчащими во все стороны раструбами, отражателями, пусковыми мачтами, ошестиненные гроздьями хищных и неостановимых защитными полями торпед, заявили не в бирюльки играть.

Система решила покончить с непокорными, с нежелающими делать Игру по ее правилам. И не один Цай это понимал.

Гуг Хлодрик обеими ладонями пригладил взмокший седой ежик на своей массивной голове, набылчился, в последний раз взмахнул руками, сжав до хруста кулаки. И обмяк, поглядел на всех тихим, совсем не буйным взглядом, словно навсегда прощаясь со своим собственным прозвищем. Потом подошел к однорукому, так и не отрастившему утерянной конечности Дилу Бронксу, обнял его, трижды прижался щекой к щекам постаревшего и унылого негра, которого всего несколько лет назад во Вселенной все братки-десантники величали Неунывающим Дилом. Потом молча расцеловался с Иннокентием Булыгиным. Потрепал взьерошенного Хара по кудлато-облезлой голове. Заглянул в бельмастые глаза карлика Цая, потянулся к нему... но наследный император и беглый каторжник отшатнулся, не дал себя обнять. Зато Ливадия Бэкфайер, заплаканная и жалкая, сама подбежала к Гугу, утонула в его медвежьих объятиях.

– Прошу прощения, коли кого обидел в жизни, – прохрипел Гуг Хлодрик, – и вам всем грехи ваши отпускаю. Короче, давай, братва, все по местам – перед смертью не надышишься. Мы последние остались. Нам срамиться нельзя. Умрем с честью!

Гуг был непривычен к высоким словесам. В довершение он просто махнул рукой. И все его поняли. Погибать, так с музыкой. Как бы там ни сложилось, первый натиск отразит сам «большой мозг» «Святогора», системы сработают. Можно было бы и на прорыв рвануть... да время покажет. Гибельная сфера потихоньку сжималась – медленно, страшно, неотвратно.

– Ливочка, – прошептал Гуг, – ты тоже надень скаф, на всякий случай.

– Но я не буду выходить наружу! – воскликнула мулатка.

– Мы тоже не будем, – пояснил ей Гуг, еле сдерживая себя, чтобы не разрыдаться подобно своей возлюбленной, – но они могут зайти сюда.

– Они?!

Гуг кивнул.

А перед глазами у Бронкса снова встало бледное, искаженное мукой лицо его Таёки. Он знал, что делают трехглазые, когда «заходят» на земные корабли и станции, слишком хорошо знал. Дил Бронкс был готов к последнему, смертному

бою. Он ждал этого гибельного сражения, он давно уже мечтал о нем, грезил им.

Иннокентий Булыгин еще с утра надел чистое белье. Каждый день он встречал как последний. Умирать теперь ему не очень хотелось, не все счета были сведены. Да ничего не поделаешь, надо! Кеша проверял оружие, знал, что коли не сгорит в пламени, придется идти в рукопашную. Что ж, не привыкать!

Оборотень Хар полагался на волю случая и верил, что всемогущая Фриада не оставит его, а убьют, значит, так тому и быть, королева пришлет другого, трогги никогда не сдадутся на милость победителя.

Один Цай стоял посреди рубки корявой, уродливой колодой – будто не живое и разумное существо, а пень какой-то. Цай не обижался на Гуга Хлодрика Буйного, тот его ругал прежде и не так. Цай вспоминал свою Умагангу. Не к добру были такие вот воспоминания, ох, не к добру, но разве сердцу прикажешь!

Вышел он из прострации, когда все сидели по местам, готовились к бою, выжидали, с чего начнет противник. Боевые шары, за исключением двух запасных, были подняты по тревоге и висели по бокам от «Святогора» малой защитной сферой, круговым слоем обороны. Первые залпы им предстояло принять на себя.

Цай подошел вплотную к обзорникам. И уставился не на уродов, грозящих погибелью, а в самый конец длиннющей платформы «Святогора», туда, где застило свет звезд черное непроницаемое пятно.

Цай знал, что будет делать. Он тоже имел право на риск. И он уже не думал о тюльпанах и заброшенной планетенке в глуши.

– Ну чего ты стоишь?! – выкрикнул из своего кресла Гуг. – В ногах правды нету, малыш!

– Правды ни в чем нет! – отрезал Цай ван Дау машинально. И медленно пошел к серой переборке, к люкам трубопроводов корабля.

– Куда ты?!

– Прощайте, – еле слышно просипел карлик.

– Да мы уже распрощались, – отозвался Дил Бронкс, – у тебя позднее зажигание, Цай! Живей облачайся в скаф. Похоже, дело начинается... – Дила захватывал азарт, его тянуло в

гибельный водоворот, и он уже переставал реагировать на окружающее.

– Прощайте! – еще раз прошептал Цай ван Дау.

И юркнул в открывшуюся перед ним дверцу.

Через полторы минуты он был внутри своего «черного сгустка» и сидел под огромным черным колпаком в той самой каюте, куда его не пускали козломордый и его холоуи. Сотни раз он вспоминал об этом колпаке, мучительно размышлял о его предназначении... и боялся, всегда боялся доводить мысль до конца – страх, непонятный, леденящий страх сковывал его измученное, измочаленное сердце – страх перед Небытием, и не просто перед неминуемой для любого живого существа смертью, но страх перед той Черной Пропастью, бездонней которой нет, страх перед Черным Океаном вечного безмолвия, страх перед адскими глубинами, откуда и всплыл во Вселенную людей этот сгусток мрака, страх перед самой преисподней. Она могла все... она могла втянуть в себя не одну вселенную не один мир, втянуть безвозвратно, она и готовилась к этому, к поглощению еще светлых миров, она и впустила в миры людей это черное пятно, чтобы... нет! Цай ничего не знал и не мог знать о намерениях потусторонних сил, они творили свое зло во мраке и тайне.

Он сидел с закрытыми глазами. Сидел, зная, что дорога каждая секунда. Но все еще не мог решиться, как не может решиться нажать курок самоубийца, который знает, что после этого нажатия уже ничего не будет – даже пустоты, даже тьмы – ничего! Но в эти мгновения Цай ван Дау не был одинок. Перед ним серыми тенями стояли серые стражи Синдиката, стояли и шипели из-под масок: «Не надо! Не надо!! Не надо!!!» А в руках у них были острые иглы с концами змеящихся проводов, будто стражи собирались вновь пропустить через позвоночник карлика пару-другую разрядов ку-излучения, приносящего жуткие муки. А меж серыми телами и лицами, по земле, в воздухе, над головами копошились омерзительные полупрозрачные черви-довзрывники, и от них исходило непрекращаемое: «Не смей! Не смей!! Не смей!!!» Цай не обращал на них внимания – всеильные и всемогущие... какое ему дело до них! плевать! сто раз плевать! Он видел внутренним взором сиреневые заросли Умаганги и алые поля, заросшие иллерейскими благоухающими розами, из тихих и прозрачных вод Океана Фей вздымались к нежным облакам вьющиеся нежные водоросли, и меж ними играли стайки прелестных златокуд-

рых детей с огромными темносиними глазами. Это были дети умагов – самых совершенных и самых добрых существ во Вселенной. И где-то между ними бегали его мать, принцесса Йаху, это потом она стала королевой при его безумном отце Филиппе Гамогозе Жестоком, это потом в тихий и прекрасный лунный день, когда фиолетовое небо Умаганги освещали две алые луны, ее повесили на боковом трехосном шпиле Имперского Дворца, краше которого не было ничего во всем Мироздании... но это потом, а сейчас она бегала, резвилась, играла с крошечными ангелочками, не подозревая, что пройдет время и она родит чудовище, родит урода, которого не примет ни один из миров и который будет обречен на мучения во всей своей изнурительной и беспросветной жизни, родит от землянина его, карлика Цая ван Дау, наследного императора и горемыку. А потом и это видение пропало. И вырос перед сидящим во мраке его огромный, разъяренный и сумасшедший папаша с волосатыми ручищами, обгагранными кровью, с оскаленным ртом и выпученными дикими глазами. «Я придушу тебя, если ты сделаешь это! – пообещал он со сладострастной улыбкой. – Сам придушу!!!» Цай моргнул – и видение пропало. Ему не страшен был больше этот человек. Ему никто не был страшен. И никаких алых лун больше не существовало, как и прекрасных синих водорослей, как и ослепительного Дворца, как и самой Умаганги. Все было в прошлом.

А в настоящем висели в пустоте, сжимая свое кольцо-удавку, звездолеты Системы. Висели, грозя лютой смертью последним бьющимся за Землю. Висели, не подозревая, как близка к ним самим преисподняя.

Иван не хотел смотреть дальше. Это было выше его не имеющих границ сил. Он перевел взгляд с синего неба на траву. Но ничего не изменилось. Он все равно видел черную Землю, мерцающие звезды, платформу «Святогора» и всю карательную армаду чужаков. На его глазах должно было свершиться неотвратимое и невозможное, на его глазах должны были погибнуть последние из тех, кого он любил на этом свете... нет, есть еще Алена, сын, но они далеко, они ничего толком не понимают, они не успеют придти на помощь... да даже если бы и пришли! все бесполезно!

Он не хотел видеть этого. Но он не мог не видеть!

Исполинская ловушка сжималась. Карателей от жертв отделили всего лишь десятки тысяч верст... Вот полыхнуло пер-

вым залпом. Иван не понял, кем он был выпущен, просто в Солнечной вдруг стало светло... и исчезло сразу три шара из переднего слоя обороны землян. Это начало конца! Они ничего не смогут сделать. Прощай, Гуг! Прощай, Дил Бронке! Прощайте, Кеша, Цай, Лива, Хар... Прощайте! Вы стояли до последнего! Вы бились по силам своим, а потом сверх силы... Неизбежное вершится!

Иван увидел вдруг, что сгусток тьмы, висящий за кормой «Святогора», отделился от платформы и поплыл, засты мерцающие звезды, прямо к вытянутым уродинам трехглазых. Цай! Он увидел все сразу. И сидящего под огромным колпаком карлика, и новый залп, полыхнувший огнем, но затухший с еще пятью шарами-звездолетами, сгоревшими в его пламени. И мокрые лица Гуга и Дила, которые ничего не понимали, которые готовились умереть в сражении.

Первые семь кораблей Системы канули во мрак черного сгустка, будто их втянуло туда гигантским магнитом. Еще пять выписали немыслимые пируэты, но тоже пропали в непроницаемой тьме. Это было невероятно. Но это творилось прямо на глазах. Иван похолодел от ужаса. Он увидел. И он уже знал. Карлик Цай ван Дау, странное существо царственных кровей, беглый каторжник, рецидивист, убийца, непревзойденный спец по межпространственным связям, мученик, испытывавший на своей шкуре все пытки ада, его друг и брат, карлик с огромной, всеобъемлющей душой исполина, не обмолвившись ни словом с теми, кого он сейчас спасал ценою своей жизни, не просто шел на лютую и безвестную смерть, но губил свою бессмертную душу, давая власть над чужаками самой преисподней, втягивая через черный сгусток в бездны ее океана боевые корабли трехглазых, бросая их в такую бездонную и страшную пропасть, из которой никто и никогда не выбирался, в которую суждено было кануть и ему самому...

Остальные звездолеты ринулись врассыпную. Видимо, и на их бортах поняли, что дело оборачивается совсем иначе, чем было замыслено, что Игра пошла по чужим правилам, а значит, им несдобровать. Одни, извергая снопы пламени из огромных дюз, уходили из Солнечной другие ныряли в подпространства – бежали! бежали!! бежали!!! Но не могли бежать! Черный сгусток вытягивал их ото всюду, тянул к себе незримыми нитями, заглатывал, отправляя в пропасть возмездия... Не прошло и получаса, как с карателями было покончено.

И «клякса», темень, не пропускающая света звезд, начала съезживаться, уменьшаться, тускнеть, уходя вслед проглоченной добыче. Это были последние секунды. Гуг с Дилом, Кеша и Хар что-то кричали, вопили, орали, тыча руками в обзорники, ничего не понимая... Иван видел их ошарашено-пустые лица. Но он видел одновременно и большое, бледное лицо Цая ван Дау. Оно было странным, необычным и просветленным – на нем не было всегдашней гримасы страдания и боли. Оно было добрым и всепрощающим Цай уходил из жизни, уходил на вечные уже муки и скитания в океане мрака умиротворенным и понимающим, к у д а он уходит.

– Прощай! – прохрипел Иван вслух, зная, что никто его не услышит.

Слезы лились из глаз. И Иван не мог их остановить. Он желал, страстно желал сейчас лишь одного – быть рядом с Цаем, хотя бы на время, на миг! Он проклинал свою долю, свой жребий. Ему было муторно и горько.

Но никто не слагал с него крестной ноши.

– Я хочу туда! – выговорил он истово, зная, что его слышат. – Я хочу умереть с ними!

И он не ошибся. Его слышали.

– Ты еще успеешь умереть, – ответил волхв из-за спины, – но перед этим ты успеешь и сделать кое-что. Не печалься о друге, он сам выбрал свою долю – а это удел немногих.

– Да, ты прав! – как-то сразу смирился Иван. И обернулся.

Седовласый волхв парил над землей не касаясь ее ступнями, парил в призрачных лучах заходящего, но еще пробивающегося сквозь листву солнца.

Иван протянул руку. И рука прошла сквозь одежды, сквозь тело, не ощутив ничего кроме пробежавших по коже мурашек и легкого тепла, будто летним ветерком обдало.

Глаза волхва стали глубокими, нездешними.

– Ты видишь меня, – сказал он приглушенно, – и слышишь. Но нас разделяют тридцать тысячелетий...

– Не может быть, – непроизвольно выдохнул Иван.

– Может, – спокойно ответил волхв. Потом добавил еще тише: – И ты меня уже начинаешь понимать, верно?

Иван отрицательно покачал головой. Но вымолвил совсем другое:

– Да! Я начинаю понимать тебя.

– Ты способный ученик. Ты быстро освоишь премудрости наши, – сказал волхв, – но помни, чем быстрее это случится,

тем раньше ты вернешься в свои миры. Подумай, желаешь ли ты этого?

– Да! – без промедления ответил Иван.

– Тогда коснись меня.

Иван вытянул руку, и она уперлась в твердое, литое плечо волхва, продолжавшего парить в воздухе. Иван не знал, что и думать. Волхв не мог лгать. Но и перенестись из глубин тысячелетий сюда одним махом он не мог...

– Только так и преодолевают толщу времен, – сказал седовласый, – одним махом. Сразу!

Иван склонил голову, потом заговорил – быстро, пытаясь объяснить что-то не волхву, а скорее, самому себе:

– Чтобы преодолеть двести с липшим лет, мне пришлось ровно столько же ребенком пролежать в анабиокамере космонавтера. Потом я трижды возвращался во времени, это называлось Откатом, я так и не смог разобраться, в чем там дело, я попадал во временную петлю... И никогда не мог перемещаться через года по своей воле. Но я слышал много раз о возвратах в прошлое, у меня были кое-какие вещицы из будущего – меч, зародыши, яйцо-превращатель, шнур... я знаю, что Система – это мир земных и инновселенских выродков XXXIII-го века, что они возвращаются к нам для игры, тешить свою умирающую плоть... значит, и ты из будущего?!

– Нет, я не из будущего, – смиренно ответил волхв, выслушав ученика, не прерывая его, – я из того, что есть.

– Не понимаю, как это?!

– То, что есть на самом деле, а не мираж и не призрак, оно есть, оно существует везде сразу, одновременно: и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Перемещается по осям только та часть, что осмысливает себя и желает быть именно в этой точке времени и пространства, а не в другой.

– Ты разыгрываешь меня, – с сомнением протянул Иван. И снова коснулся упругого плеча.

– Тебя не удивляет, что люди перемещаются в пространстве – и порой мгновенно, – невозмутимо пояснил волхв, – почему же тебя удивляет, что они могут перемещаться во времени? Не ломай себе голову. Ты просто младенец в люльке. Способный младенец и толковый. Ты постиг многое, но ты не научился ходить. Не пугайся, трудно делать лишь первые шаги... Дай мне руку!

Иван исполнил волю учителя.

И Священный лес исчез.

Они стояли под лучами восходящего солнца на плоской крыше невысокого дома. Под ними были другие крыши то ли крохотного городка, то ли крепости. Все остальное тонуло в бурлящих потоках стремительных вод. Потоки клокотали, пенились, вздымались фонтанами вверх и уносили из городка-крепости неимоверное количество грязи вместе с какими-то дико орущими, ругающимися и визжащими грязными людьми.

– Смотри туда! – волхв указал рукой в сторону восходящего солнца.

Там, возле огромной запруды, возведенной за ночь, стоял русобородый человек, стоял спокойно, без крика, без визга. Его было еле видно отсюда. Но у Ивана защемило сердце. Брат!

– Мы сейчас в 1341-ом году до Рождества Христова, – сказал волхв, не выпуская Ивановой руки, – а вот это все и есть «авгиевы конюшни», понимаешь меня?! По мифам не очень-то и древних греков, Геракл лишь выполнял волю некого царька Авгия, вычищая от навоза его загаженные конюшни. А на деле навоз был в головах и душах этих вот людишек, ты видишь их, грязь и подлость, ложь и мерзость покрывали метровыми слоями его покои... Наш князь Ярослав за гордыню и буйный нрав свой был советом старейшин послан в усмирение и услужение к нижайшему из нижайших, к дикарю Авгию. Но он был сметлив, он сразу понял, как надо чистить эти «конюшни». Гляди!

Вместе с руганью, воплями, грязными угрозами и грязными людьми бурлящая вода вымывала из града-крепости грязь наносную, и начинали белеть стены, колонны, отражалось в чистом мраморе восходящее солнце, оживало обиталище людское, в кое суждено вернуться чистым и омытым, не унесенным в болота мутным потоком. Высокий, плечистый, сероглазый князь в одних холщовых штанах и наброшенной на плечи львиной шкуре, с развевающимися по ветру русыми, длинными волосами, открыто и дерзко шел в город. И теперь Иван хорошо видел его мужественное русское лицо, окаймленное светлой короткой бородой. Он видел витой синий крест-солнцеворот, украшавший грудь богатыря и простой деревянный посох в могучей руке. Ярослав искупал провинности, оружия с доспехами ему не полагалось.

И все это было настоящим, неподдельным, исконным. Иван не мог не верить. Они одним махом перенеслись на ты-

сячи лет, они перенеслись из Старого Мира в земное прошлое... Невероятно!

– А теперь сам вернись обратно! – сурово приказал волхв.

И отпустил Иванову руку.

В тот же миг все закружилось, завертелось перед глазами, сдавило горло. Но Иван не поддался, он запрокинул голову, с силой сжал веки, будто стоял в Священном лесу и слушал шелест листвы. Туда! Назад!

Ноги подкосились, и он упал в траву. Упал, боясь раскрыть глаза, но чуя терпкий дух, несущий здоровье и силу.

– Вот видишь, младенец, ты сделал свой первый шаг, – тихо прозвучало над головой.

Теперь дни шли незаметно, летели один за другим. Иван постигал то, что прежде могло ему показаться волшебством, сказкой. И постигая, он понимал, что ничего реальнее и осязаемей в жизни нет. Это было как проходить до сорока лет с черной повязкой на глазах, а потом снять ее. Он делал свои первые шаги – падал, ушибался, отбивал бока и ребра, но шагал, шагал и шагал все дальше от люльки. Волхв не всегда сопровождал его. Но Иван каким-то вообще непонятным чутьем чувствовал, что кто-то из Рода с ним рядом, всегда рядом, что ему не дадут разбить себе голову и сломать хребет. Его учили плавать, бросая в воду над самым омутом, над водоворотом, но не убирали далеко руки, способной вытянуть обратно. Он проникал в такие глубины прошлого, когда еще не было человека и землю сотрясала тяжкая поступь динозавров. Он разжигал костры с лохматыми и молчаливыми охотниками на мамонтов, ел полусырое мясо. Он осаждал Трою вместе с бритоголовыми и чубастыми дружинниками Ахилла а со стен этой самой неприступной в тогдaшнем мире крепости неслась едкая русская брань – брат шел на брата, но не подло, не из-за угла с ножом, а грудью в грудь. Он собственными глазами видел как свирепый и легкий на расправу князь Ахилл за излишнее «хитроумство» изгнал из войска и отправил куда подальше счастья искать легкого совестью грека Одиссея. Он стоял насмерть в ущелье плечом к плечу с тремя сотнями спартанских витязей. Он шел по знойным пустыням с чудо-богатырями Александра Филиппыча, завоевывая полмира одним только неистовым духом росским. Он бежал, преследуя недавних братьев своих германцев, по тонкому льду Чудского озера и ждал сигнала в засадном полку на поле Ку-

ликовом. Ему не было преград, он начинал понимать, что такое жить вволю и дышать полной грудью... Но они, учителя, все считали его ребенком, которому нельзя идти туда, куда можно взрослым. Незримая стена отделяла Ивана от будущего. И потому, живя в полную волю и дыша всею грудью, он был связан и по рукам и по ногам.

Он всегда возвращался в Священный лес, чтобы упасть в чудесную траву, чтобы захлебнуться напоенным жизнью воздухом. Так его учили. И так он делал, ощущая себя уже не человеком, но полубогом.

И только мрак и тяжесть жизни возвращали его дух в брренное тело.

Друзья гибли один за другим. И он должен был все видеть. Измученный, постаревший, но не сдающийся Гуг-Игунфельд Хлодрик Буйный тяжело переживал смерть своей любимой Ливадии. Сердце мулатки, истерзанное черными магами на черных мессах, измученное предчувствиями, не выдержало. Она умерла в постели, рядом с ним, на обожженном в боях «Святогоре». И Гуг не стал ее хоронить на Земле. Он повелел шестиногим сжечь маленькое и почти невесомое тело Ливочки, пепел собрал в вазу и отправил его в бесконечные скитания по Вселенной в черном бутоне. А сам все пил и пил свой ром. Уже пришли на подмогу Алена с Олегом. Вернулся к черной, неузнаваемой Земле Хук Образина с миллиардами зародышей троггов-убийц. Но не было видно просвета в конце туннеля.

Гибель Хука потрясла Ивана.

Еще не умещалось в сердцах то чудесное и горестное вызвание из смертной ловушки, что даровал им Цай ван Дау ценой своей жизни. Они ожили. Они обрели надежду. Еще бы, каратели сгинули в бездну, а их силы возросли: один исполнский Варрава чего стоил! да и огромный корабль из Пристанища! Они воспряли, насколько вообще можно было воспрять в таком положении.

Иван все видел. Он рвался к ним, рвался душой. Но не мог преодолеть барьеров плотью своей – возврата в настоящее пока не было. Его берегли. Для чего-то более важного... А там, на Земле, никто никого не берег – там дрались, не щадя жизнью, дрались в крошечном аду, изо дня в день. С прилетом Хука Образины они первым делом вывели с базы на орбиту сто восемьдесят шесть летающих батарей круглосуточного

боя – и дело сразу пошло веселей, поверхностные слои пропахивали почти безостановочно, никакая нечисть, ничто живое не смогло бы выдержать такой обработки. В черном небе стало меньше крылатых гадин, зато черная земля кипела, бурлила, клубилась, пылала и клокотала.

– Наша берет! – скалил осколки зубов Дил Бронкс. Улыбка у него выходила вымученная, жалкая. Но он снова начинал улыбаться.

– Еще чуток нажать на гадов, – твердил Кеша, стуча черным кулаком по колену, – и от них одно мокрое место останется. Всей силой надо!

И они били, давили, жгли всей силой, будто вознамерились прожечь насквозь этот гигантский червивый плод, называвшийся прежде Землей. Никто не вспоминал уже и не думал о растерзанных телах и загубленных душах... надо было просто уничтожить нечисть! надо было победить!

Глеб с Аленой ввязались в драку с ходу, с налета. Они еще мало чего понимали, но черная Земля ужасала их, а шар был послушен, могуч, негоже при таком раскладе сидеть без дела.

– Все вытравим! Под корень! – радовался Хук. Свежа еще в памяти его была непокоренная, дерзкая Гиргея.

Ну, а когда «поле было вспахано», Гуг Хлодрик дал добро – и на «посевную» пошли Иннокентий Булыгин с Харом и, разумеется, сам главный сеятель Хук Образина. Двенадцать суток они с шестиногими «муравьями» на семи шарах сновали с Варравы на Землю и обратно, вбивали контейнеры во все норы и дыры, во все входы и выходы, врубали их на разморозку, и снова гнали на космобазу за новыми емкостями с троггами-убийцами. Два шара-корабля нечисти удалось слизнуть направленными фонтанами лавы. Остальные светились от перегрева, работали круглосуточно.

Дил Бронкс с Гугом, потягивающим ром из пыльных бутылок и мрачно кривящим губы, прикрывали сеятелей с одной стороны, Алена с Олегом с другой.

А в черном небе гадины начинали убивать друг друга – люто, злобно, беспощадно, с истерическим зудом и визжанием. За считанные дни-ночи зародыши, принявшие облик крылатых тварей, расправились с тварями настоящими, а потом канули в лабиринты – продолжать свой кровавый труд.

– Все! Крышка им! – потирал руки Хук Образина. – Через недельку прокалим огоньком все внутренности, чтоб и духу гадского не осталось. Да пошлем вызов по закоулкам, будем

людишек уцелевших собирать да заново заселять Землю-матушку. Наша взяла!!!

Хук вел себя как сумасброд, он хохотал, прыгал, махал руками. За последний год в кошмарных войнах, в кровище и рукопашных, в дыме, газе, под броней и на броне он натерпелся такого, вобрал в себя столько дикого, страшного, невместимого в одного человека, что теперь, когда победа была близка, его распирало, разрывало... Кеша был сдержанней. Но и он повеселел – поскорей бы завязать с бойней, передохнуть, сколько ж воевать-то можно, сызмальства, почти без перерывов, тяжело, но забрезжило вдалеке-то, забрезжило.

В последний рейд они ушли вдвоем, ежели не считать посмурневшего оборотня Хара. Тот ходил за Кешей как приклеенный, но в дела не встревал, похоже, и «посылочки» с родной Гиргеи его не радовали. А может, и что другое было, Хар ведь всегда чуял заранее. Чего он там чуял?!

Последнюю дюжину контейнеров с троггами решили забить поглубже, в бывшую тихоокеанскую впадину, зиявшую черным бездонным зевом посреди пустой и жуткой котловины выжженного, испарившегося океана.

– Засадим им кол осиновый в задницу! – радовался Хук Образина.

Хар тихо выл. А Кеша нацеливался – пробойный залп должен был обрушиться в самое тонкое место, которое, как известно, рвется. Кеша был старым воякой, опытным, уж он-то не промахнется.

– Ну, давай! – поторопил Хук.

– Обожди, еще малость!

Кеша выверил точку. Да и шарахнул со всей силы, аж Хар передернулся по-собачьи, будто из воды вылез.

– Пошли, родимые!

Хук, не раздумывая, выпустил контейнеры в черных бутонах – и они канули в дыру вместе со всей следящей и передающей аппаратурой. Из почти не приметного жерла ударило вверх пылающей магмой, да мимо, нечисть была слепой и бестолковой.

– Давай, на снижение! – приказал Хук. Он здесь был за старшего.

Кеша покачал головой. Но выполнил приказ. Они сели в котловину, наблюдая, как лезет изо всех дыр и щелей рогатая, перепончатокрылая, мохнатая и слизистая, дрожащая, трясущаяся нечисть, как гонят ее зародыши, еще маленькие, но раз-

растающие, неуправляемые, алчные, прожорливые. Никто на всем свете не мог так расправляться с чудовищами Пристанища, с погаными гадинами... трогги-зародыши будто специально были созданы для такой работы. Почему будто? Кеша поймал себя на промелькнувшей мысли, никаких «будто», их для того и выращивали. Теперь он понимал, как соплеменники безобразно-величественной Фриады, расправились со всемогущими, всесильными земмоготами.

А мерзость и дрянь все лезла и лезла – убиваемая, раздираемая, жалкая, без надежды, в безумии, преследуемая и настигаемая.

Они видели на полторы мили вниз. И везде творилось одно и то же.

А Хук Образина, которого лет двадцать назад звали Хуком Красавчиком, бесшабашный и удачливый космодесантник-смертник, списанный, спившийся, уже похороненный в помойном баке, но возродившийся и прошедший с боями половину земного шара и пол-Вселенной, выплясывал какой-то варварский танец, бил себя кулаками в грудь и хохотал. Победа! Это он принес им победу!!!

Хук трижды выскакивал из шара на грязную залитую обледеневшей слизью поверхность, палил из лучеметов в черное непроницаемое небо, вопил от избытка чувств и запрыгивал обратно, лез к Кеше обниматься, целоваться, трепал несчастного Хара по загривку и снова хохотал.

– Добивают последних! – комментировал спокойный и невозмутимый Иннокентий Бульгин происходящее на обзорниках. – Вглубь пошли, дубасят почему зря! Нам бы так!

В подземных норах и впрямь творилось жуткое смертоубийство. На силу и злобу нашлась еще большая сила и злоба, просто непомерная, чудовищная. Но трогги не обращали внимания на распятых, повешенных, раздавленных голых и бритых людей в ошейниках, они их не замечали – их добычей были другие, они гнали нечисть вниз, в пропасть, где копошилось что-то непонятное, то ли каша, то ли жижа, то ли расплавленная в лаве порода.

– Все! Последний рывок!

Хук вдруг замер с разинутым ртом. Это был исторический, эпохальный момент – сейчас они должны были добить последнюю свору гадюк, загнать ее, зудящую, бьющую хвостами, щупальцами, лапами, грызущуюся и визжащую, в смертный капкан, под кору земную. Еще немного... Хук ви-

дел, как первые твари-гадины замирали перед шевелящейся жижей, пытались рвануть назад, но их сталкивали, вбивали в жижу напиравшие сзади... и они не выдерживали, падали, растворялись в шевелящемся месиве, то ли их разъедало, то ли они сгорали... ничего не было понятно.

– Победа!!!

Последние гадины канули в сумеречной массе. Накатили на жижу трогги. Остановились. Попятились. Но программа, заложенная в их изменчивые тела, пересилила страх – и они ринулись в гущу. Это была отчаянно смелая атака, это был бросок грудью на амбразуру, на пулемет... Трогги метались, бились разъяренно, остервенело, нанося удары по чему-то невидимому и непонятному... тонули в жиже.

– Дай приближение! – потребовал Хук.

– Дальше некуда, – огрызнулся Кеша. Но все же выжал еще немного.

И тогда они увидели крохотных черных паучков, ползающих в жиже. Эти пауки впивались в троггов, ползли по ним, облепляли, изгрызали и топили их... но ни в какой не жиже, не в месиве, а в целом океане точно таких же, крохотных, копошащихся живой непомерной массой пауков. Зрелище было жуткое.

Кеша с отвращением плюнул под ноги, скривился.

– Мать моя! – выдохнул ничего не соображающий Хук. А шевелящаяся паучья жижа ползла, напирала, поднималась вверх по пробитым снарядами шахтам и дырам, пожирала несдающихся, сопротивляющихся троггов, заполняла собою все пустоты и полости, и не было ей ни конца ни края.

– Сколько у нас осталось контейнеров? – тупо спросил Хук.

– Нисколько, – ответил Кеша.

Хар облизнулся длинным языком, зевнул и положил свою вытянутую морду на лапы. Хару было все ясно. А когда ему было все ясно, он скупчал.

– Будем бить, чем под руку подвернется! – решил поблестевший Хук. – Но победы своей, кровной, не упустим!

Кеша только крякнул по-мужицки и выматерился про себя.

Били они всеми силами, всей мощью боевого звездолета. Лупили торпедами, снарядами, ракетами, дельта-гранатами, жгли огнем, плазмой, жгли излучениями и лиловыми сгустками, про которые они знали лишь одно, не дай Бог попасть в

такой! Били четырнадцать часов без передыху! Из дыр, из провалов и воронок вздымался к черному небу черный жирный дым – будто тысячи вулканов чадили во мрак ночи. Расползающиеся густые перья дыма парили над котловиной, опали грязной сажей на бывшее океанское дно, на отмели, рифы, пики, хребты. Но ползла изнизу страшная шевелящаяся жижа, ползла, и не было ей конца – сама измученная, истерзанная и униженная Земля выдавливала из своего нутра миллиарды миллиардов черных трясущихся, алчных пауков. И уже не сажа и дым заполняли котловину – как в прилив поднимались черные, густые, живые воды, заполняя собой глубокие впадины и впадины поменьше, доползали до мелководий, тянули черные дрожащие языки к берегам. Это было по-настоящему страшно.

– Пора отчаливать! – прохрипел наконец выдохшийся, измотанный до полусмерти Кеша.

– Не-е-ет!!! – засипел в ответ Хук. – Победу мы не упустим! Нет!!!

Он был в полнейшем безумии. Он весь трясся, дергался, глаза лихорадочно блестели и не могли остановиться на чем-то одном. Он метался по рубке висящего над паучьим океаном корабля, рвал на груди комбинезон, скрипел зубами, Ругался и бледнел все больше.

– Ну, хватит! – решил наконец-то Кеша. И уже хотел было дать команду на взлет.

Но Хук вышиб его из кресла, пнул ногой. Заорал:

– Трус! Предатель!! Гад!!!

Кеша промолчал, не полез в драку. Он видел, что Хук Образина совсем спятил. Ему было даже жаль этого заморыша, так и не вернувшего прежней десантской стати, истреппавшего себя по жизни. Победа! О какой еще победе можно было говорить! Они расстреляли весь боезапас звездолета. А пауков стало больше, и они теперь выжрут всех зародышей, всех троггов по всей планете. И старая Фриада увидит своими глазами, как убивают ее надежду... не только ее. Хар лежит поленом, недвижно и тихо, но он все передает, он будет верен королеве до последнего часа. Кеша сидел на полу и видел, как Хук бьется головой о спинку кресла, слышал, как он рычит, хрипит.

Хука надо было связать. Иннокентий Булыгин не успел этого сделать. Он только успел подумать... Но было поздно.

– Твари! Падлы!

С бешеным ревом, багроволицый и безумный Хук Образина влез в скафандр, схватил в обе руки по бронебою и, истерически, зловеще хохоча, бросился в мембрану люка.

Надо было бежать следом, но Кеша знал, бесполезно, он плюхнулся в кресло, врубил обзорники, настроился на выскользнувшую из рубки фигуру. И только тогда понял: Хук так и не смог поверить, что дело проиграно! что это полное поражение!

Кеша видел, как из шара вырвался во мрак земной ночи черный бутон, как он замер над бескрайним, черным, шевелящимся океаном, как откинулись два выносных сегмента, как выскочил на несущую плоскость безумный Хук Образина с бронебоями.

– Вперед-е-ед!!! – оглушительно прогрохотало из динамиков.

Хук выстрелил дважды из обоих стволов – ослепительные молнии разорвали жуткую темень. После этого он подался назад всем телом, будто решаясь на что-то роковое, и ринулся вниз, беспрестанно паля в шевелящуюся черную жижу.

– Впере-е-ед!!! – донеслось снизу.

И все разом стихло.

Хук исчез, будто его и не было. Он не нашел сил поверить в поражение. Он так и умер – победителем.

Иван сам готов был броситься вслед за несчастным. Иван все понял – так было и раньше, так было и всегда: мало кто из их десантной братвы доживал до старости, половина погибала, другая – сходила с ума, в этом была их участь. Вот и Хука не стало. Кто следующий?!

Три дня он не пользовался своим чудесным даром, бродил по темным дебрям Священного леса. Потом он сказал сам себе – хватит!

И в лунном сиянии безлунной ночи пред ним вырос седовласый волхв. Лицо у него было старое и усталое. Иван понял, почему. Они отдавали все ему – свои силы, умение, знание, веру, жизнь. И они умели уставать, стариться... он как-то не думал раньше об этом, а сейчас сердце вдруг сжалось. Они не жалели себя. И он не жалел их. Так и бывает, сильные и мудрые не ищут жалости.

– Вот теперь ты готов, – сказал волхв. Иван склонил голову.

И Священный лес пропал.

Он стоял в поле под синим небом и белыми пушистыми облаками. Старик-священник, батюшка, глядел на него подслеповато и грустно, будто они не расставались. И Иван понял, что спор их стародавний и бесконечный окончен, что никогда они уже не будут говорить о месте человека и о звездах, обманчивых и далеких.

– Тебе пора. Иди! – тихо сказал батюшка и пригладил седые волосы.

– Куда? – спросил Иван.

– На Землю, куда же еще, – старик улыбнулся потаенно и ободряюще, будто провожая близкого своего на битву или в последний тяжкий путь, – иди, она ждет тебя!

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЧЕРТЫ

Часть четвертая

Земля – Зангезея. 2486-й год.

Горечь утрат лишает веры. Судьба не бьет один раз – нанесла удар, жди другого, третьего... последнего. Иногда и первый может стать последним, и счастлив тот, кто не выдерживает его, уходит в миры лучшие – подальше от утрат, горечи, ударов судьбы и ожидания. Но закрыты радужные двери иных миров для стойкого и выносливого. Ему нечего ждать от грядущего и неведомого, ему суждено познать и рай и ад еще в земном пути своем. И идет он сквозь утраты, и каждая новая больше прежней, и горечь уже невыносима... а он все идет, ибо верит.

Завидуют избранным званые и праздные, люто, тихо и упорно завидуют, растрawляя пылающую в черных душах гордыню, видя внешнее и не желая знать сокрытого. Много их, званых! Много ждущих и алчущих, простирающих руки и жажущих объять ими все зримое. Много ищущих тронов и венцов, славы и почестей, богатств земных и власти. Но нет среди них готовых подставить плечо под тяжкий крест и пойти в гору в граде насмешек и плевков, пинков и ругани. Много берущих. Но мало дающих... И приходит время бури, приходит день, когда не остается в тленном мире героев и богов, когда все роздано, и все свершено, и остались только берущие, алчущие, жажущие, готовые пожрать друг друга, растерзать, спихнуть в пропасть, утопить в собственных нечистотах – таковы они есть, таковы были, незримые среди дающих и созидающих, но оставшиеся одни будто в наготе. И приходит сила, питавшая и напоившая их извечно, и дает алчущим и пожирающим их истинное обличие, достойное их – и ужас спускается на землю. Нет уже ни судьбы, ни ударов ее, ни утрат, ни горечи – есть кишение алчущих и изжирание кишаших кишашими. И лишь лишенный разума и глаз обвинит незримую силу за то, что дала видеть прежде невидимое и тайное сделала явным – ибо слепа та сила, страшна, жестока, но не лжива она, подносящая зеркала к пожирающим друг друга. И не в ней вина, не в ней беда, всесущей и сокрытой до времени, но извечной. А лишь в них, берущих друг от друга и изгрызающих себе подобных, ненавидящих и преисполненных черной зависти, двуногих и разумных до времени бури, но обращающихся в червей и змей с уходом созданных по Образу и Подобию.

Достойны ли спасения губящие себя? Никто не знает ответа... Но истекает все дальше от огонька мерцающей свечи еще один из миров, и приближается, тесня Свет, грозя загасить свечу в Черной Пропасти, ползущая, неотвратимая, извиwающаяся бесконечной змеей Черная Черта, пожирающая вселенные, пристанища, преисподнии и океаны смерти, пожирающая свет и тьму и само Мироздание, черта незримая и неосязаемая, проходящая в душах людских и убивающая их, вытесняющая из душ мерцание свечи, погружающая во мрак, губящая. Есть ли души у обретших свой истинный облик? Есть ли они у червей и змей?! Оберегающий Свет не задает себе вопросов, ибо раз поддавшись сомнению и презрев недостойных, начинает уподобляться им сначала в малом, потом

в большом, а потом и ползет уже червем среди червей. Избранный вершит труд свой. Несет крест, снося удары, тяготы и утраты, снося все и терпя, преодолевая тернии на пути своем. И если он, познавший на земных дорогах и рай, и ад, прошедший через мытарства и страдания, не теряет веры, крест его тяжкий обращается мечом праведным и разящим.

Олег потихоньку привыкал к своему новому положению, к неизменности тела, к черной земле внизу. Первое время у него было такое ощущение, будто его посадили в каменный мешок без окон, без дверей. И мешком этим был он сам. Человек! Обычный, смертный человек. И нечего дергаться, мало ли чего было, мало ли, что он мог десять раз в минуту поменять обличие и в бесконечной цепи воплощений и перевоплощений властвовать над покорной и жалкой биомассой. Это все в прошлом. Зато он кое-что и обрел. Никогда в голове не было столь ясно, а в груди столь легко. Прежде и днем, и ночью, всегда что-то маленькое, шевелящееся давило в затылке, копошилось, грызло, кусало, не давало покоя и отдыха, изнуряло и влекло куда-то помимо его воли – он почти свыкся с ним, терпел, и только сейчас понял, что такое быть по-настоящему свободным. Олег привыкал быть человеком.

Ивановы друзья встретили их не слишком радостно, встретили буднично, как еще двоих обреченных, пришедших, чтобы умереть вместе с ними – радости было маловато. Гуг Хлодрик похлопал Олега по плечу, предложил выпить рому. Олег покачал головой. Говорить было в общем-то не о чем. И они разошлись по своим кораблям. Алена сразу поняла, кто тут главный, кому следует подчиняться и чьи приказы выполнять, без этого никак нельзя. Она при расставании строго поглядела на сына. И тот не стал перечить, хотя ему и самому хотелось пожить своей головой. Да, видно, короткие дни шальной свободы перехода от Пристанища к Земле миновали и пришли будни... Одно Олега не устраивало: их обреченность, они все как один, все до последнего собирались умереть здесь, на Земле. Олег совсем не хотел умирать. Он только родился на свет после бесконечного блуждания в потемках Пристанища, зачем ему умирать?!

Они с Аленой пролетали на своем шаре над поверженной в прах Россией, когда она вдруг сжала его локоть – сильно, до боли, и прошептала:

– Он там!

– Кто? Где? – не понял Олег.

– Иван!

Огромный шар, будто Луна, нависшая над черными обледенелыми московскими развалинами, замер в мрачном небе. Мертвый город. Мертвая земля. Здесь не было даже нечисти, только тлен и прах.

– Он там! – повторила Алена. – Видишь?!

Олег с трудом рассмотрел что-то поблескивающее неярким блеском среди черноты, гор пепла и провалов. Локаторы и щупы ничего особенного не показывали, скорее всего, мать просто устала, ей мерещилось желаемое, мерещилось от перенапряжения, от бесконечной нервозности, переживаний, страхов... только сейчас он начинал понимать, что ей пришлось вынести, будучи обычной смертной, в Пристанище... ведь она не была ни оборотнем, ни зургом, она прожила вечность в аду! и осталась двадцатипятилетней! Нет, лучше не вспоминать, лучше не думать о прошлом!

– Живо полезай в бот, и вниз!

– Может, лучше взрезать из силовых?! – засомневался он.

– Я тебе врежу!

Алена поднялась из кресла, юная, стройная, прямая. Теперь она точно знала – он там, сердце не обманешь. Он обещал вернуться. И он вернулся!

– Не теряй времени!

Своды были бесконечно высоки. Лишь две свечи горели под ними. Но служба, бесконечная служба во спасение заблудшего люда земного шла в Храме Христа Спасителя.

Под иконами стояло человек двенадцать, не более, стояли высохшими мощами, тенями, колеблющимися в неровном свете свечей. Служка подошел к Ивану. Вытаращил запавшие, горящие болезненным огнем глаза. Он еле держался на ногах, изможденный и бледный. Тонкая желтая кожа обтягивала скулы, губ не было, один провал рта.

– Ты?! – изумленно спросил служка.

– Как видишь, – ответил Иван.

Еще минуту назад он стоял под синим небом Старого Мира. И вот он здесь... В этом невидимом и неприступном граде Китеже. Служба идет, но как мало их осталось!

– Почитай, все померли, – сказал служка, словно угадав Ивановы мысли. И добавил с недоумением и почти ужасом: – А тебя ничего не берет.

– И не возьмет! – подтвердил Иван.

Отсчет времени прошел, и теперь он не мог медлить. Без суеты, без спешки, без торопливости ему надлежало исполнять свое дело. Пора! Долгие годы он искал, мучился, строил планы, сам разрушал их, шел в потемках и снова искал выхода, искал ответа... Теперь он знал, что ему делать. Совершенно точно знал. И уже никто и ничто на свете не могло его остановить.

– Прощай! – сказал он, направляясь к огромным дверям.

– Стой! Нельзя туда! – забеспокоился служка, кинулся за Иваном. – Погибнешь ведь!

Иван ничего не сказал, только обернулся на ходу и улыбнулся изможденному человеку с горящими глазами.

Он вышел во мрак и темень, в стужу ледяной мертвой пустыни – безоружный, беззащитный, в грубой серой рубаше с расстегнутым воротом, с развевающимися по ветру русыми волосами, прямой, сильный, всемогущий, воплощающий в себе всех живших на этой земле россов.

Он видел огромную луну-шар, висевшую высоко в небе. И он все уже знал. Он ждал.

Какая-то безумная шестиметровая крылатая, восьмилпая, зубастая и шипастая гадина с истошным ревом бросилась на него из-за развалин черной зубчатой стены. Но не долетела двух метров... Иван даже не коснулся ее, он лишь вскинул руку – и гадина рухнула замертво, только земля вздрогнула под многопудовой тушей.

Бот опустил ся метрах в двадцати от Ивана. Из него выскочил сын – растерянный и обрадованный. Иван еще раз поразился, как Олег похож на него! невероятно! правда, лет на двадцать моложе, но копия!

– Отец!

Иван обнял сына, прижал к себе. Сердце дрогнуло в предчувствии непонятого и страшного. Но он отогнал тревоги. Он собственным телом ощущал сыновнее тепло. Это они с Аленой спасли своего единственного, изгнали из него бесов. И теперь он поможет им.

– Мать ждет, – сказал Олег.

– Да, я знаю. Пойдем.

Алена встретила его со слезами на глазах, вцепилась в кисти рук.

– Не пущу! Никуда больше не пущу!

Иван не вырывался и не говорил ни слова. Он сам был готов разрыдаться. Он сам страстно, неистово желал остаться с ней, с любимой, ничего не видеть вокруг, никого не замечать, наслаждаясь долгожданной близостью и покоем, которого они так и не обрели. Обретут ли когда-нибудь? Может, да, а может, и нет. Во всяком случае, не сейчас.

– Нам пора, Алена! – сказал он ей шепотом, на ухо.

– Нам?!

– Да. Не грусти. Мы скоро вернемся. И не лезь в пекло за этими головорезами – и Дил, и Гуг Хлодрик ищут смерти... а ты должна жить. Ведь мы вернемся!

– Правда? – Алена вытирала слезы. Она уже не держала Ивана. Она верила ему и все понимала.

– Правда! – ответил Иван.

В правительственных катакомбах Сихана Раджикрави не оказалось. Олег облазил все закоулки, но так никого и не нашел. А Иван сидел у экранов и смотрел сквозь смежающиеся веки, как трехглазые добивают последних смельчаков. Он мог выйти туда, наружу, и остановить монстров, оставить от них мокрое место. Но это ничего бы не изменило, это лишь продолжило бы затяжную и кровавую агонию – водопад не усмиришь подставленными ладонями, даже если их тысячи, и лесной пожар не забросаешь сухими ветками. Затаптывать надо первый язычок пламени. Затыкать – источник темных вод.

И все же братва не сдавалась, дралась лихо. Тут и там валялись уродливые трупы негуманоидов, воинов Системы. Бесшабашная Зангезея продержалась долго. Дальше самого Синдиката, от которого давно уж и след простыл. Но всему приходит конец... Нет! Так нельзя! Иван собрался, уставился на серебристый шар, из которого перли ордой трехглазые, представил его сгустком мерзости и грязи, сдавленной, сжатой с чудовищной силой, спрессованной в этот сферический объем... надо только высвободить его, лишить оков, обессилить «силу»... вот так! Шар разорвало, будто в его внутренностях было заложено с десяток термоядерных бомб. Океан пламени залил обзорные экраны, выжигая с поверхности Зангезеи всех подряд: и правых и виноватых, и героев и трусов, и монстров и людей.

Иван скривился. Слаб человек. Опять он не выдержал. А что толку?!

А толк был.

Голос Первозурга прозвучал из-за спины недовольно и хрипло:

– С чем пожаловали?!

Иван не обернулся. Он все понял: Сихан следил за ними, он был где-то неподалеку, подглядывал, подслушивал, боялся... да, именно боялся, он теперь всего боится – он! полубог! творец! – а этот дурацкий взрыв просто переполнил чашу его терпения. И все равно, прежде следует здороваться.

– С добром, Сихан, – сказал гость, – будь здоров!

Первозург не ответил. Он ждал.

– Я выполнил свое обещание, – все так же тихо выговорил Иван.

– Неправда!

– Я убил оборотня!

– Он здесь, в катакомбах!

В это время Олег вынырнул из потайного люка, ведущего в нижние ярусы. Да так и замер с раскрытым ртом, глядя на высокого сухопарого старика с темным, почти черным лицом и светлыми глазами.

– Вот он! – закричал Первозург.

– Да, это мой сын, – спокойно пояснил Иван, – он такой же человек как и я. Ты можешь убедиться в этом. Оборотень мертв!

– Ты сохранил свое детище... – как-то опустошенно и безвольно протянул Сихан Раджикрави, ему не надо было убеждаться в чем-то, он видел все насквозь, знал, что Иван не врет. Но ему было трудно смириться с неизбежным. – Ты сохранил свое детище... но ты хочешь, чтобы я убил свое?!

– Да! – твердо сказал Иван. – Ты дал слово!

– Слова – воздух, дым, они ничего не стоят. Ты был дорог мне, я все помню, ты спас меня тогда... другой не стал бы рисковать жизнью ради дряхлого старца, другой на твоём месте, Иван, даже не стал бы раздумывать, и меня бы давно не было на этом свете... – Сихан Раджикрави говорил очень медленно, будто каждое слово весило по тонне, он говорил с трудом, выдавливая из посиневших губ тусклые и сиплые звуки, – я должен быть благодарен тебе, и я благодарен... Но мне проще убить тебя, Иван. И этого... тоже. Гораздо проще!

Он не встал с кресла. Он лишь поднял голову и уставился на Ивана пронизывающим тяжким взором. От этого взора сердца смертных сразу же переставали биться, наступало удушье, жуткая смерть, это был взор самой костлявой. Но

гость смотрел в его глаза... и не думал умирать, он даже не изменился в лице. И тогда Первозург собрал всю свою силу, способную сжечь целый мир, обратить в пепел тысячи восставших против него, он обладал этой сверхъестественной силой, которой никто не мог противостоять. И он должен был смести вставшего на его пути, осмелившегося указывать ему. Потоки испепеляющей, страшной, разрушительной энергии обрушились на незваного гостя.

Но Иван даже не шелохнулся. Ничто его не брало.

– Хватит, – сказал он примиряюще, – ты ведешь себя неучтиво!

Обессиленный, опустошенный, выдохшийся Первозург уронил голову на грудь. В Пристанище, на Полигоне, он еще потягался бы с этим наглым русским, там были неисчерпаемые колодцы свернутой энергии. Но здесь мочи больше не было.

– Ты многому обучился, пока мы не виделись, – прохрипел он еле слышно.

– Да! – Иван не стал спорить. Он больше не хотел ждать: – Мы зря теряем время. Ты сделаешь это, Сихан!

– Нет!

– Сделаешь! – Он ткнул пальцем в сторону сына. – Ты видишь его? Он стал человеком. И ты сейчас станешь!

– Олег!

– Я все понял, отец!

В руке у сына, стоявшего у серой стены, в пяти метрах за спиной Первозурга блеснуло лезвие сигма-скальпеля. Сын был в десантно-боевом скафе, увешанный с ног до головы оружием и боеприпасами, он основательно подготовился к вылазке, в отличие от своего отца, сидевшего все в той же серой рубашке с расстегнутым воротом, безоружного, открытого... Он подошел ближе, ухватил Первозурга за подбородок, сдвинул его левой рукой и уже занес правую, намереваясь распороть затылок.

– Нет!!! – истерически заорал Сихан. – Не смей! Во мне нет червя! Я не оборотень и не вурдалак! Вы с ума посходили... я бог!!!

– Врешь! – выдавил Иван. – Никакой ты не бог! Ты самозванец! Ты ремесленник, возомнивший себя творцом! Ты думал создать новый, более совершенный мир, а создал преисподнюю – ты привел ад в земные миры! Ты и тебе подобные выродки! Я думал, ты все понял, надеялся, что ты исправишь

ошибку, раскаешься! Нет! Ты цепляешься за свое поганое детище... Ты не творец! Ты убийца! Убийца всего живого! всего невыродившегося!

– Неправда! – завизжал Сихан Раджикрави. Он извивался в кресле и не мог вырваться из железной руки Олега.

– Правда! Это ты обрек на муки сотни тысяч подобных мне! – закричал тот. – Это ты лишил нас жизни среди людей и бросил в скопище червей и гадин! Ты!! Я убью его!!!

– Нет!

Иван перехватил руку сына. Если бы тот нанес смертный удар, все погибло бы безвозвратно... Первозург не смог бы выжить, он не успел бы переселиться в другое тело – Иван с Олегом заблокированы, никого рядом нет – это было бы концом.

– Поздно! Поздно, – хрипел Сихан, задыхаясь, – я ничего уже не смогу исправить. Пристанище сильнее меня! Понимаешь, оно давно уже вышло из-под контроля, это оно убьет меня! У нас ничего не получится!

– Не получится?!

– Да! Надо было раньше! – взмолился седой, высохший и еще недавно всемогущий старик. – Мы опоздали. И я уже не могу убить свое детище. Это оно убьет всех нас. Надо было раньше!

Иван смотрел прямо в глаза Первозурга. И он видел, что тот говорит правду. Значит, он готов. Значит, он созрел – и уже не откажется от своих слов. Значит, пришло время.

– Встань! – приказал он старику. – И ты иди ближе!

Олег подошел вплотную, стоял, обжигая Первозурга глазами, не убирая сигма-скальпеля. Иван схватил за руки – одного, другого, сдавил так, что лица исказились от боли, притянул к себе. Пора!

Серые стены и обзорники правительственных зангезейских катакомб вздрогнули, пропали в налетевшем отовсюду тумане. Пол ушел из-под ног. Закружилось, завертело, затрясло, будто разверзся внезапно под ними проснувшийся вулкан. Обдало огненным жаром, а потом бросило в холод... и ударило каменными плитами в ступни.

Полигон. Год 3089-й, июль.

Они стояли посреди сферической белой комнаты поперечником в пять метров, уставленной по стенам светящимися тускло панелями и рядами гибких подрагивающих труб. Слева, на низком сером столе-кубе виселось нечто многослойное, просвечивающееся, похожее на два галовизора, поставленных друг на друга. Дверей и окон вообще не было.

Олег недоуменно смотрел на отца.

Первозург трясся и часто моргал, вид у него был совершенно ошарашенный.

– Все! – выдавил из себя Иван. – Раньше некуда. Как и было заказано! – Он попытался улыбнуться, но улыбка не получилась.

– Этого не может быть, – запричитал Сихан Раджикрави, – этого просто не может быть! Это наваждение! Пустите меня!

Иван выпустил его кисть. И Первозург тут же бросился к столу, ткнул пальцами в основание уродливой конструкции. И прямо в воздухе перед их глазами высветилось синим приятным светом: ноль-ноль часов одна минута 14 июля 3089 год.

– Проклятый, черный понедельник! – застонал старик и обхватил голову руками.

– Ничего не понимаю, – растерянно произнес Олег. Он держал навскидку лучемер и парализатор, готовый к отпору.

Иван его успокоил.

– В этот день Полигон свернулся и превратился в Пристанище. В этот день он вышел из-под контроля земных вырожденков... и все началось! Мы перенеслись в самое начало этого черного понедельника, сынок. И мы должны успеть! Мы не дадим ему свернуться! Бунта вурдалаков не будет, понял!

– Будет! – выдавил чуть слышно Сихан. – Мы не успеем...

Он плакал, мутные слезы текли по дряблым смуглым Щекам. Он столько трудов, сил, надежд, себя самого вложил в свое детище... и теперь он же должен его уничтожить. Уничтожить?! И тут до него дошла простая, невероятно простая мысль, не доходившая почему-то раньше – ведь он сам, замурованный, закодированный, был свернут вместе с Полигоном и ушел с ним в бесконечное странствие по чуждым вселенным! Он неотделим от Полигона! Убивая свое детище, он убьет себя – непременно убьет, вне всяких сомнений. Все это отразилось на лице Первозурга.

И Иван понял. Ему стало жалко древнего старца, рожденного через много веков после гибели Земли, рожденного в совсем другом земном мире – старец прожил бесконечную жизнь, но ему хотелось пожить еще немного. Слаб человек! И не годится он на роль бога!

– Хватит ныть! – выкрикнул Иван и встряхнул Первозурга за плечо.

Тот быстро пришел в себя. Еще раз взглянул на светящиеся цифры – было уже шесть минут, они теряли время.

– Это моя комната, мой кабинет на Полигоне, – признался Сихан. – Тысячи лет прошли, а я все помню...

– Тысячи или миллионы? – переспросил Иван.

– Или миллионы, – эхом отозвался Первозург. – А мы опять опоздали! Полигон запрограммирован на саморазвитие, его невозможно уничтожить!

– Значит, его надо перепрограммировать на самоуничтожение! – потребовал Иван.

– А защита, а системы контроля – они бесконечно дублируют друг друга. Они вперед уничтожат нас!

Иван не сдавался. Не затем он сюда пришел.

– В любой механизм можно запихать гайку меж шестерней, чтоб его разнесло к чертовой матери! – стоял он на своем.

Сихан Раджикрави грустно улыбнулся, ссутулился.

– Это не механизм, уважаемый, это вселенная вселенных...

– Я его сейчас пристрелю! – вмешался Олег.

– Не надо, – старик поднял руку, – не тратьте зарядов, все равно не убьете... через восемь с половиной часов Полигон замкнется и уйдет в иное пространство. Это такая махина, такая силища, что ее не смогут остановить даже все звездные флоты Земли и Федерации... Мы создавали новые, лучшие миры, мы создавали сверхвселенную и позаботились о ее неуничтожаемости. Можно разрушить, взорвать, сломать, перепрограммировать малые, очень малые части Полигона в пределах планет, созвездий... но их тут спрессовано несчетное число. Вы же знаете, это был секретный проект, Полигон создавался сорок лет... в XXXI-ом веке! Вы представляете, что это такое? Сверхпроект! – От волнения Первозург снова перешел на «вы» с Иваном. Сына его он попросту не замечал. – Сверхпроект! Метагалактика Сиреневый Октаподус-IV. Полтора миллиона созвездий и галактик свернули в систему взаимосвязанных пространств, создали цепи гирлянд-лабораторий, связали с многомерными Страшными Полями и Волшебными

Мирами, запустили программы выращивания миллиардов сверхразумных существ... Воплощение несуществующего! Богочеловечество высших порядков! Новая всемогущая раса! Полигон невозможно уничтожить, как невозможно уничтожить Мироздание.

Иван все это слышал и прежде, и потому пропустил мимо ушей. Зацепился за одно слово.

– Мы?! – переспросил он.

– Что – «мы»? – не понял Первозург.

– Ты сказал, что вас было много... ты и в прошлый раз говорил об этом, я правильно понял?

Сихан Раджикрави похолодел, глаза его сузились и стали остекленевшими, бессмысленными. Он понял намек. Этот русский собирается вернуться еще на несколько десятков лет... и тогда произойдет страшное, невозможное. От отпихнул ствол, упирающийся ему в грудь. Зло посмотрел на Олега. Вспомнил свое слово. Да, он обещал взорвать изнутри Полигон, он знал коды.

– Ладно, – выдавил старик, – мы попробуем. Пойдем!

Он покопался в столе, вытащил какие-то странные штуковины, похожие на вьющиеся трубки, заполненные розовой жидкостью, достал черную коробочку. Потом подошел прямо к стене – и в ней образовалась дыра чуть выше его и чуть шире. Иван с Олегом последовали за ним.

Коридор в этой части Полигона был по меньшей мере странным – вместо пластика прямо на полу, под ногами росла густая сочная трава, верх был голубой и бездонный, по правую и по левую руку торчала сплошная череда изогнутых стволов, перевитых лианами. Когда Иван попытался дотронуться до одного из них, нащупал лишь холодную шершавую стену. Морок! Мираж! Но трава самая настоящая. Он даже сорвал одну травину, рассмотрел ее.

– Будьте осторожны, – предупредил Сихан, – сейчас выйдем на шлюз. Там охрана. Они уже ведут вас, с самого начала. Они все видят и все слышат...

– Их уже нет там! – оборвал его Иван.

После первого же слова он включил сквозное зрение, увидел прозрачный шар и в нем пару двуногих тварей с глазами, но без носов и ртов. Он убил их на расстоянии, волевым усилием, как учили убивать волхвы Старого Мира, коша ничего больше не остается делать.

– У меня не было другого выхода, – пояснил Иван, – они собирались заблокировать нас

– Плевать! – отрезал Сихан. – Этих тварей здесь пруд пруди. Пошли быстрее!

Они ворвались в прозрачный пузырь, прорвав стены-мембраны, тут же сомкнувшиеся за ними. Олег навел было ракету лучемета на тела гадин, собираясь сжечь их. Но Сихан остановил его.

– Спокойно! – Он вытащил из чего-то аморфного три серых студенистых комочка, один проглотил сам, другие заставил проглотить Ивана и его сына.

– Теперь по периферийным отсекам нам обеспечен проход, никто не остановит. Центр уже заблокирован, прорываться бесполезно!

Иван попробовал просветить этот бесконечно удаленный отсюда «центр», но ничего кроме туманного, расплывающегося ядра размером со среднюю галактику не увидел. До него начинало доходить, что дело они взвалили на свои плечи неподъемное... Но уж очень не хотелось идти на второй, запасной вариант, от одной мысли о котором Первозург чуть не отдал концы на его глазах. Надо рискнуть! Надо попробовать! Проклятый черный понедельник! Осталось восемь часов. И скоро внутрь Полигона войдет Алена... нет, она уже давно здесь, но не та, с которой он знаком, а совсем другая, еще ничего не подозревающая, не прошедшая через века страданий и мучений, не имеющая сына, чужая... Не это сейчас главное. Хватило бы сил. Здесь не Старый Мир. Здесь он каждую минуту растрчивает драгоценную белую энергию, и ее не соберешь слишком много в обители «богочеловеков» – искусственно выращенной нечисти.

И все-таки их засекли. Олег успел дать три залпа из лучемета и бронебоя в обтекаемый шар, который несся по трубоходу с другой стороны, он бил прямо сквозь мембрану. А Сихан уже делал первый шаг в тенеты паутины. За ним шагнул в провал Иван. Олег прыгнул в фильтры, когда три изуродованные пламенем, но не убитые твари ворвались в пузырь. Они опоздали совсем немного.

– Мы в узловой точке, – наконец прошептал Первозург.

Иван огляделся. Он видел в полном мраке. Старик не лгал. Но это была узловая точка одного из бесчисленного множества ярусов Полигона.

– Не годится! – отрезал Иван. Он не имел права размениваться на мелочи. Нетрудно сокрушить этот ярус, перевернуть его вверх дном. Но для Пристанища это все равно что комариный укус для исполинского хомозавра с Иргиза. – Будем пробиваться в центр.

– Они уничтожат нас!

– И тебя?

– И меня! Они уже вышли из-под контроля. Тогда я не знал этого... а сейчас знаю! – Первозург горестно вздохнул: — Эх, если можно было повторить жизнь!

– Вот мы ее и повторяем.

– Нет. Это совсем другое. Тогда я был богом, я летал на крыльях вдохновения, я парил в таких высях, какие вам и не снились. Теперь я жалкий червь...

– Просто тоща у тебя были шоры на глазах, вот и все, – парировал Иван, – а теперь повязка спала. Мы обязаны прорваться в центр!

Олег молчал. Он не узнавал когда-то родного и единственного для него мира, Пристанища. Да и в самом деле, Полигон еще не стал Пристанищем, для этого должны были истечь века, тысячелетия. Но Олег на себе испытал зло мира воплощений, его передергивало при одной мысли о гнусном и вертлявом черве в затылке. Он готов был сокрушить этот мир, он жаждал его сокрушить.

– Я попробую провести вас на максимально близкое расстояние, – мрачно согласился Сихан. – Держитесь за меня.

Он вытащил свои трубки с жидкостью, вложил в тут же вобравшие их темные пазы на уровне груди. Иван вцепился ему в предплечье. Олег ухватил за кисть.

– Вперед!

Какая-то мягкая, жидкая местами масса облепила их, лишила зрения, слуха и понесла невесть куда, сквозь пространства и миры. Тела пронизывала мелкая, противная дрожь. И не было конца движению. Иван не отпускал жилистого, твердого предплечья и знал, что все будет в порядке, что Сихан Раджикрави не посмеет их загнать в ловушку. Этот старик уважает силу, и он почувствовал ее в Иване, и не столь уж он плох, они были обязаны друг другу многим... Движение закончилось ударом о упругую, непроницаемую стену.

– Все, – прошипел Первозург.

– Нет, не все! – отозвался Иван.

Теперь пришла пора ему пускать в ход свое умение. За ним стояли не сатанообразные «богочеловеки», а самые настоящие боги и герои, в нем бурлила белая энергия Одина и черная сила Кришны, его взгляд мог становиться всепрожигающей алмазной молнией Индры, в нем самом жила мощь подлинных богов, его могучих и непобедимых предков. Всего три мгновения ушло у Ивана, чтобы зажечь во мраке пред собою солнце яриев – ослепительная вспышка открыла им путь вперед. Первозург отшатнулся от Ивана, пораженный и потрясенный. Он, гений XXXI-го века, не мог постичь загадки этого странного русского, далекого от него и полудикого пращура XXV-го века.

Они ворвались в ядро Полигона. И сразу попали в ловушку, в капкан силовых полей защитного слоя. Их вскинуло вверх, сдавило, сжало, лишило возможности шевельнуть рукой и ногой. Полигон защищал себя от непрощенных гостей. Он их не убивал лишь потому, что был бессмертен и всемогущ, ему не было нужды казнить вторгшихся и нарушивших его покой, он обращал их в биомассу – Первозург знал это, и никакие охранные датчики не могли уже помочь.

– Врешь! – прохрипел Иван. Он видел дорогу вперед. Он видел самое сердце свернутого мира. И остановить его было невозможно.

Неимоверным усилием он разорвал путы незримых полей, подчинил их себе и заставил нести вперед, пробивая преграду за преградой. Сын ничего не мог взять в толк. Да и Первозургу начинало казаться, что все происходит помимо их воли. Он твердил коды, молил об избавлении от ужасов заключения в замкнутом мире, ужасов, которые он пережил однажды и не хотел переживать во второй раз. Их несло вихрем. А за спиной рвались, взрывались, падали препоны, преграды, затворы и барьеры. Они прожигали слой за слоем. И никто не мог их остановить. Сихан Раджикрави дрожал крупной, рваной дрожью. Он один знал, что у Полигона нет никакого сердца, вернее, у него были тысячи сердец, разбросанных по разным пространствам, уровням и измерениям. Но он теперь уже сам хотел верить, что у русского все получится, он заставлял себя верить, ибо другой поворот сулил непредсказуемое...

– Вперед!

Они ворвались на гребне незримого урагана в огромный округлый зал без пола и потолка. Зависли в тягучем, напоенном зудом воздухе. Первозург понял все сразу. Поздно!

– Что это?! – удивился Олег. Он не был допущен к высшим таинствам Пристанища и он растерялся, вздымая свое оружие.

– Брось эти игрушки, – тихо посоветовал ему Иван. – И смотри все время назад, чуть что, предупредишь.

Посреди зала, тоже прямо в воздухе висел свившийся спиралью огромный червь, черный, но при этом прозрачный и невероятно гадкий. Сихан точно помнил, что таких они не выращивали в вивариях-лабораториях Полигона. Червь медленно и ритмично извивался, пульсируя и зудя. А вокруг него висели в дрожащем мареве тринадцать студенистых трясущихся тварей с множеством длинных извивающихся щупальцев.

– Господи! – просипел Первозург. – Как они могли проникнуть сюда?!

Иван заглянул ему в глаза. И все стало ясным для обоих. Выходцы из черных миров пробрались на Полигон, прежде, чем он свернулся. И это стало приговором.

Испепеляющее пламя вырвалось из распростертых рук Ивана, из его открытых ладоней. На миг червь пропал из виду. И тут же вновь появился. Он изгибался, извивался кольцами, распрямлялся, бился в судорогах, но не желал издыхать. И тогда Первозург вытащил свою черную коробочку и направил ее матовой гранью на выходца из inferno. Лиловый луч пронзил червя. Это стало его концом. И началом чего-то более жуткого и необоримого. Из всех стен, тысячами, десятками тысяч, будто прорывая тонкие пленки, стали врываться в зал скользкие, бесформенные гадины – воплощающиеся по своим программам вурдалаки. И не было им края, не было числа.

– Сколько осталось?! – выкрикнул Иван сквозь зуд.

– Пять с половиной!

– Все! Не успеем!

Теперь для Ивана было абсолютно ясно, что игра не стоит свеч. Поздно! Надо уходить, пока целы. Пока Пристанище не всосало их навечно. Они пришли поздно. Надо придти раньше. Вот и все!

Но перед этим он должен был сделать еще кое-что. Он не мог уйти просто так. Для этого надо было отвлечься хоть на секунду. Надо было увидеть.

– Прочь отсюда!

Они вырвались наружу через ту самую дыру, в которую проникли в зал. В суете, шуме, гомоне и панике надо было уйти от преследователей хотя бы на время.

– Я даю тебе шанс! – сказал Иван, глядя прямо в глаза дрожащему Сихану Раджикрави. – И четыре часа времени. Ты должен взорвать изнутри, распрограммировать основные «мозговые центры». Ты должен это сделать. Ты знаешь все ходы-выходы, ты пойдешь без нас, никто тебя не остановит, ты владеешь кодами... Понимаешь, это твоя последняя надежда!

– А вы?! – спросил еще не верящий своим ушам Первозург. Они его отпускали. Они дарили ему жизнь – долгую, бесконечную...

– У нас есть свое дело! Не будем болтать попусту. Через четыре часа – на этом месте!

– Я все понял, – Первозург опустил глаза.

Олег сбил прыгнувшего сзади андроида, размозжил ему голову прикладом. И почти без задержки саданул вперед из бронебоя, потом еще раз и еще. Он пробил путь. И они успели прошмыгнуть в черную затягивающуюся скважину, они бросились в нее будто изо дня в день торили этот путь. Первозург ушел трубопроводом, его не надо было учить перемещаться по Полигону.

– Он обманет тебя! – раздраженно прокричал прямо в ухо отцу Олег.

– Я знаю, – ответил Иван на бегу. – Но обманет он не меня, а себя, запомни это, сынок! И не вспоминай!

Они остановились за седьмым поворотом от проклятого зала-ловушки, замерли возле цилиндрической прозрачной трубы, в которой ползали серые кольчатые личинки. Олег отвернулся от трубы, он знал, что это такое. И он бы без раздумий выпустил все заряды из бронебоя в зародышей зургов, если бы эти заряды могли пробить прозрачный металл.

– Стой! Не дергайся! – попросил Иван. – Мне надо сосредоточиться на минутку.

– Зачем?! – в душу Олегу начинали закрадываться нехорошие подозрения.

– Молчи! Потом узнаешь!

Иван уже погружался в знакомое и напряженное состояние. Он начинал видеть. Далеко. Бесконечно далеко! Она была на другом конце Полигона, в смотровых отсеках, куда еще пускали людей, за тысячи световых лет отсюда. Он нико-

гда не видел ее такой – в длинном темно-сером балахоне с черной бахромой, в черной повязке на лбу, удерживающей густые светлые волосы, среди таких же молодых и беспечных... их вели куда-то, что-то показывали. И она улыбалась, она была совсем юной. И ее глаза играли огнем жизни, они не спали, совсем не спали. Иван уже знал, что он разорвет еще одну временную петлю – нет, в нем самом ничего не изменится, все, что с ним было, останется в нем и при нем, но они... Он поглядел на Олега с тоской и болью. Его не будет? Нет! Не надо бояться. Он обязан ее спасти! Она погибнет, там, около Земли, погибнет вместе с Гугом, с Дилом, с Кешей в их нескончаемом сражении. Он не уберег Светлану! Ее смерть на его совести, и ничего уже не изменишь. Он виноват, только он! Второй раз ошибиться нельзя. Алена должна жить, пусть без него, все равно должна. И он сделает это!

– Вот гады! – Олег еле успел срезать лучом подкрадывавшихся нелюдей. Он умел обращаться с обитателями Пристанища.

Но задерживаться на одном месте не стоило.

– Я вижу шлюз, – прошептал Иван. – Надо бежать, только тихо, без шума. Нас не хватит на всех этих тварей!

Три шахты они преодолели одну за другой, перебегая по трубоходам, на четвертую пробивались с боем, прожигали мембраны, крушили переборки. К шлюзу прорвались через груды трупов, выволокли из бронированной ячейки одного из перевозургов, хлипкого бородатого типа с кривым, перебитым носом и большими ушами. Тот сразу понял, что шуток с ним шутить не будут и раскодировал агрегат переброски. Где-то за пленкой завыл натужно гипертрофид Д-статора, задрожал плавящийся воздух... Их вышвырнуло прямо на титановые настилы-мостики, по которым четверо андроидов тащили упирающихся и визжащих женщин, тянули, позабыв все правила поведения с людьми, раздавая тумаки направо и налево, заламывая руки. Все было понятно, Полигон закрылся, ему нужна биомасса, через несколько часов он замкнется в себе, в собственном искривленном пространстве и уйдет из Вселенной. Они успели вовремя!

– Не жалей гадов! – крикнул он Олегу.

И сам бросился с кулаками на андроидов. Тут он не мог крушить все подряд, тут требовалась ювелирная работа. В считанные секунды Иван перебил нелюдей, посбрасывал их с головокругительной высоты.

– Иди за мной! – приказал он Алене.

Но та вырвала свою руку из его ладони. Она ведь еще не знала его, они еще не познакомились даже.

– Мама! – выдохнул в лицо девушке Олег.

Та поглядела на него как на слабоумного, улыбнулась.

– Хватит! – заорал во всю глотку Иван. – Какого дьявола!

Он вспомнил, как в огромной пещере исполинское чудовище жевало, перемалывая в месиво женские голые тела, как сочилась с мерзких губ густая алая кровь, как оглушительно громко ударилась об пол откушенная голова... Они еще не знали, что все это будет, будет с ними, что уже готовы анабиокамеры, готовы гигантские холодильники, что сборища «исполнителей Предначертанного» жаждут новых жертв, и что жертвами этими будут они... Он не мог полагаться на второй вариант – а вдруг не пройдет! вдруг не получится! что тогда?! Нет, только сейчас! Только наверняка!

– Отец! – захрипел Олег. – А как же... я?! Иван все понял сразу.

– Крепись, сын! – процедил он. – Ты уже есть! С тобой ничего не случится! Ты есть!!!

Он подхватил Алену на руки и бросился по мосткам к приемному люку. Обезумевшие от страха женщины бежали вслед за ним, нерасторопных подгонял Олег. Слезы текли из его глаз – еще никто на всем свете не испытывал того, что испытал в эти мгновения он. Отец никогда не встретится с матерью. Вот сейчас, через считанные минуты их пути разойдутся навсегда – отец вернется в XXV-й век, а она останется в XXXI-ом, а это означает одно – он никогда не родится, он исчезнет, его не будет, и все уже решено!

– Быстрее!

Они выбили еще двоих андроидов из трубохода, затолкали в машину женщин. Рванули по бесконечно длинной трассе. Алена билась, ругалась, ничего не хотела понимать. Никогда Иван не видел ее такой молодой и такой разъяренной... а ведь совсем недавно она прижималась к нему, спрашивала с надеждой в голосе, молила глазами. И он ей ответил: «Правда!» Он обманул ее.

Шестислойные внешние ворота были заблокированы, пришлось применять чрезвычайные меры. Иван еще раз добрым словом помянул волхвов Старого Мира, своих старших братьев, что пришли ему на помощь.

Они вырвались наружу, едва не задев оплавленных краев дыры.

Космолет, на котором прилетели практикантки, висел во мраке, до ближайшей планеты была пропасть пространства, даже мерцающий свет звезд не доходил сюда. Иван шел на трубоходе с сигналом СОС. Их втянули в приемный отсек без разговоров. Как мало оставалось времени, как хотелось пройти по этому кораблю будущего, осмотреть его, пощупать своими руками, как страстно желалось не выпускать ее, Прекрасную Елену, из объятий.

– Слаб человек! – прошептал Иван сквозь слезы. И она сразу успокоилась, перестала вырываться.

– Зачем вы это сделали? – спросила она, глядя исподлобья, угрюмо и обиженно.

– Потом узнаешь! – ответил Иван грубо, понимая, что, чем меньше ей доведется узнать, тем легче будет жить, а ведь ей еще предстояла очень долгая жизнь.

На командира космолета он не стал тратить времени. Он говорил не с ним, а с его мозгом, напрямую, не говорил, а приказывал: «Немедленно на Землю! Исполнять приказ!» Олег ждал снаружи, в крохотном шлюпе, ему самому не нужен был и шлюп, но сын мог погибнуть в пространстве. Командир ушел в рубку.

А Иван притянул к себе Алену, которую и звали-то вовсе не Аленой, и даже не Прекрасной Еленой, это в скитаниях по Пристанищу они придумали ей, беспамятной, сбежавшей от палачей из анабиокамеры, новое имя. Но он не стал спрашивать, как ее зовут.

– Прощай, Алена, – прошептал он ей в ухо, прижимаясь мокрой своей щекой к ее щеке, – все это было, правда! И я вернулся! А теперь опять ухожу. Прощай!

Он приник к ее губам в долгом поцелуе. И теперь его слезы мешались с ее слезами. Она ничего, абсолютно ничего не понимала, но плакала навзрыд.

– Прощай! – глухо сказал он в третий раз. Оторвался от нее. Пошел прочь.

– Сумасшедший!

Она смотрела ему вслед. Она понимала, что никогда и ничего не узнает про этого странного человека. И все же он был ей не чужой, вот это она узнала наверняка.

Они успели отчалить, прежде, чем космолет нырнул в подпространство. И Олег напомнил:

– У нас осталось сорок три минуты. Но не стоит возвращаться. Он не придет.

Иван пропустил слова сына мимо ушей. И сказал ни с того ни с сего:

– Когда-то, чтобы пробраться из внешних слоев в Чертоги Избранных Пристанища, мне понадобилась вся жизнь...

– Теперь мы успеем за эти минуты! – осек его Олег.

Иван вздохнул и сокрушенно посмотрел на сына, что тот мог понимать в жизни, сосунок! Ему тоже не хотелось возвращаться в чертову ловушку. Но он сам назначил встречу.

С расстояния полутора миллионов верст Полигона вообще не было видно, слишком близко. Полигон чудовищно велик, а большое видится на большом расстоянии. Иван казался сам себе микроскопической букашкой, которая зависла над бескрайней плоскостью. А за плоскостью была бескрайняя вселенная. Что делать букашке в чужой вселенной?! Он давно решил этот вопрос для себя. Нечего! Но чтобы не ошибиться, букашка должна познать и чуждый ей мир... Да, они все называли его амебой, тлей, комаришкой, слизнем. Может, он и был таким... когда-то. Теперь он иной. Теперь он знает, что все вопросы решаются на Земле. Прав был батюшка, прав! Но он обязан дать шанс тому, кого уже спас однажды.

– Смотри!

Иван поднялся из кресла управления, подошел к мембране, застыл перед ней... и серая плоскость начала выгорать, будто ее снаружи прожигали плазмометом. Забрало Олегова скафандра моментально защелкнулось, спасая его от удушья – воздух вырывался из шлюпа со свистом и воем.

– Отец, ты спятил?! – заорал он.

Иван повернул голову и подмигнул. После этого голыми руками разодрал края оплавленной брони – и как был, в растегнутой рубашке, черных кожаных штанах и сапогах, без защиты, без скафа и даже без самой простенькой маски на лице вышел в открытый космос.

Олег бросился за ним следом. Первое, что промелькнуло у него в голове: отец решил покончить с собой, после прощания с его будущей матерью. Допустить этого никак нельзя было.

Но он ошибся.

Иван стоял на обшивке шлюпа, возле жуткой дыры. И пристально смотрел в сторону Полигона. Он ухватил Олега за твердую и холодную перчатку, притянул к себе, обнял за плечи и спросил:

– Ну, сынок, скажи, что ты видишь там?

– Ничего, – машинально выговорил Олег, еще не веря своим глазам, и глядя больше на живого – здорового отца, чем туда, вниз, в тускло чернеющую неестественную бездну Черной Пропasti, – ничего, кроме шлюзовых ворот, вон они! – Он ткнул пальцем в то самое место, откуда они совсем недавно вырвались. Ворота эти торчали неестественными и лишними в пустоте, человек, ничего не знающий, принял бы их за космический мусор, невесть как оказавшийся в этой глухомани. Зато с другой стороны высвечивались десятки кораблей обеспечения, станции слежения и много всего прочего, непонятного, но впечатляющего.

Иван смотрел только в сторону Полигона.

– Когда ты увидишь этот омут, ты станешь таким как я. И мы уйдем в Старый Мир... потому что у нас никого не осталось в новых мирах, понял?

Сын промолчал. Он ничего не понял. Бездна была пуста, в ней нечего было видеть. Но он не сомневался, что отец видит. И он верил ему.

– А теперь пойдём!

Отец с силой оттолкнулся ногами от бронированной обшивки, срываясь с матового бока шлюпа, увлекая Олега вниз, в кошмарную черную пропасть. Тот даже не успел испугаться... Они падали на черную, мутно прозрачную плоскость, которую видели не все, они падали в рукотворный ад, созданный обезумевшими в стремлении к совершенствованию выродками-гениями XXXI-го века. И у них не было ни малейшего шанса на спасение, как нет такого шанса у смертного, падающего в пасть раскаленного светила.

– Ну и пусть! – прохрипел Олег. – Помирать, так помирать! Значит, так суждено!

– Погоди помирать-то, – тихо отозвался Иван.

По всем законам естества, его не должно было быть слышно в пустоте космоса. Но Олег отчетливо слышал каждое слово, он даже видел, как трепетали у отца ноздри, словно тот дышал... в вакууме, как поблескивали глаза... хотя их давно должно было вырвать внутренним давлением. Да, видно, прав был говорливый Хук Образина, который за день перед смертью рассказал Олегу о том, что отец его был заговоренный, что он еще давным-давно, в одиночном поиске у гиблого коллапсара продал душу какому-то вселенскому дьяволу и пото-

му смерть его не берет. Но это была обычная десантская байка... или нет?

– Много будешь знать, скоро состаришься! – скороговоркой сказал Иван.

И Олег окончательно убедился – он умеет читать мысли.

– Сколько осталось?

– Двенадцать минут, – ответил сын.

Они падали в незримую бездну все быстрее. Створки гигантских ворот приближались стремительно. Так падать было просто невозможно. Олег пристально поглядел на отца. Тот был спокоен и грустен, длинные волосы развевались, толстая жила на шее подрагивала... нет, он не был похож на самоубийцу.

Когда ворота должны были разбить их в лепешку, не оставив и мокрого места, Иван сдавил руку сына... и их снова закружило, завертело, обдало клубами то ли пара, то ли тумана. И вышвырнуло прямо в трубу с мягкими перистыми стенами, ту самую, что одной из тысяч пульсирующих артерий вела к залу. Олег не удержался на ногах и покатился кубарем вниз, к широкому проходу, где они уславливались встретиться с Первозургом. Иван торопливо побежал за ним, зная, что Сихан Раджикрави уже ждет.

И через несколько шагов, выскочив из-за поворота и придерживая сына, остолбенел.

У полуживой, дышащей стены стояли два Сихана. Один был чуть моложе, полнее, и губы его еще не заимели синюшного оттенка, и глаза были чуть с косинкой... но это были не двойники, и не близнецы – это были два Первозурга.

Иван понял все сразу.

– Ты нашел его?! – спросил он у высокого и худого Сихана.

– Да!

– И ты ему все рассказал?!

– Все! – резко выкрикнул полный и косоый. – И мы придумали кое-что другое! Мы не будем уничтожать наше детище!

– Что же именно? – поинтересовался Иван. Такого оборота он не ожидал. Беспечность! И доверчивость! Нет, он совсем не изменился, это натура, это характер, недаром ему все долбили постоянно: «простота хуже воровства!» Надо было следить за Сиханом, он мог его видеть везде, повсюду. А он доверился, понадеялся. И вот пришла расплата.

– Мы изменим программу, потом, в странствии! Мы сделаем из них сверхлюдей, и никакого бунта не будет, – с напором говорил косой, – и Мироздание узрит новую Вселенную! Лучшую! А ты... ты немедленно уберешься отсюда со своим отродьем! Мы помним добро... но время пошло!

– Вот как, – равнодушно выдал Иван, – все уже решено? без нас? за миллиарды землян, которые будут погибать в адских муках?! за все человечество, состоящее из обычных людей?!

– Хватит болтать!

– Действительно, болтать хватит, – сказал Иван.

И резко выбросил вперед кулак, намереваясь сбить с ног косого.

Ничего не вышло, рука наткнулась на невидимую преграду.

– Еще одно движение, – сказал худой, – и мы не выпустим вас отсюда. Проваливай, Иван! Мы сами разберемся с тем, что создано нами!

Олег вскинул лучемет. Но Иван остановил его взглядом. Иван мучительно искал решения, он совсем не ожидал, что и на его силу найдется сила. А раз так, надо было, как это ни горько, уходить. Если они дадут уйти! Ведь в запасе у него был второй вариант, и Первозург знал о нем, по крайней мере, догадывался. Проклятый XXXI-ый век! И не знаешь, чего от него можно ожидать! Иван всматривался в лица вырожденков, точнее, в два лица одного и того же вырожденка. На них невозможно было прочесть ничего, будто окаменели. Но он-то знал, что сейчас это страшное существо, которое нельзя назвать человеком, злорадствует, убеждаясь в своем всемогуществе, презирает дикаря, неандертальца, сунувшегося из своей первобытности учить его, бога, гения далекого будущего, первотворца.

Им, близнецам-двойникам, никто не мешал. Не лезли андроиды, нелюди, киберы, не зудели, распуская щупальца медузообразные гадины... никто. Значит, они были в своем доме, они нашли общий язык и Полигон услышал их. А он тут чужак, больше того, смертный враг.

Иван собрал все свои нетелесные силы, чтобы сокрушить защитное поле. В какой-то миг ему показалось, что оно уже поддалось... но тут же выросли новые слои. И он все понял: Полигон обладал чудовищно огромной энергетикой, в нем таилась мощь тысяч галактик, спрессованная, ждущая своего

часа, питающая всю эту вселенскую громадину. И они не пожалеют никаких затрат, никакой энергии, чтобы остановить его...и убить! И-эх, простота хуже воровства!

– Ты все правильно понял, Иван! – медленно, выговаривая каждый слог, процедил худой, тот, который обязан был ему жизнью. – И все же я даю тебе возможность уйти. И не думай о погибающих людишках, они не стоят того. Пусть Земля сгорит в дьявольском пламени, пусть сгорит Вселенная, не жаль. Мы уже создали новую. И теперь мы выправим все ошибки... и ты еще сам захочешь к нам, в обновленное Пристанище, ты будешь проситься. И я тебя пушу. Но сначала ты должен созреть, ты должен будешь увидеть жизнь другими глазами, не смертного слизня, но богочеловека, стремящегося стать самим богом. И ты поймешь нас! А теперь уходи!

Иван опустил глаза. Созреть! Старые разговоры, прежние басни. Он уже слышал это, и не раз. В Системе. В Системе? Точно! Первозург говорил сейчас с ним старческим, дребезжащим голосом Мертвеца-Верховника, Великого Переустроителя Мира! Круг замыкается... а он еще надеялся, он пытался переубедить Сихана Раджикрави. Разве можно переубедить выродка, сознающего, что его жизнь и его путь – вырождение, неизбежное, страшное, ужасное при его же всемогуществе. Это они создали Систему. Это они ушли туда, скрестившись с выродками Иной Вселенной. Может, он сам сейчас не знает этого, скорее всего, не знает – но это его удел, его не видимая сейчас цель. И все уже было! Кольцо времени замыкалось не однажды. И это он, выродок-властитель, бессмертный и многоликий, восседал на троне и издевался над ним, Иваном, называя слизнем, амебой, комаром, случайно залетевшим в форточку и которого просто лень прихлопнуть. Они снова заставили играть его по их правилам! Но они забыли, что он уже не тот, что он совсем другой, что он видит и слышит, что он знает! А значит, у него есть сила сокрушить их!

– Пойдем отсюда! – сказал Иван сыну.

– Он снова обманет тебя! – не выговорил, а почти просто-нап Олег.

– Не посмеет. Пойдем.

Иван повернулся спиной к Первозургу, раздвоенному временим.

– Пойдем, Олег, – он потянул сына за руку, еще не зная, куда им теперь идти, лишь бы подальше от этих подлых и лживых выродков.

Они сделали не больше пяти шагов по мягкому полуживому полу, когда в спину Ивану ударило что-то острое, прожигающее, приносящее адскую боль. Он резко обернулся. И увидел худого и смуглого Сихана Раджикрави, направляющего на него черную коробочку с плоскими матовыми гранями. Барьеры Вритры и щиты Гефеста включились сразу, заковывая Иваново тело в непробиваемый панцирь. Но совсем рядом, глядя прямо ему в лицо стекленеющими глазами, оседал Олег, его единственный сын, родная кровиночка. В этих глазах, Алениных глазах, была растерянность и надежда, в них Иван видел ее, оставленную у Земли, на корабле, одну, оставленную с верой, что он, Иван и ее сын, вернуться, и обманутую, растворившуюся в небытии, возвратившуюся к исходу, ничего не понимающую, рыдающую, шепчущую: «сумасшедший» и не узнающую его, своего единственного любимого, избавителя, спасителя и предателя. Да, это были ее глаза. И его!

Иван тигром бросился назад, налетел на барьер, упал, разбил в кровь лицо. Поднялся. И поглядел на Сихана. Тот стоял мрачный, трясущийся, с отвисшей губой – он уже видел свое будущее. Зато косой улыбался, он был молод в сравнении с самим собою, явившимся к нему из будущего и прошлого, и он почти ничего не понимал, он улыбался.

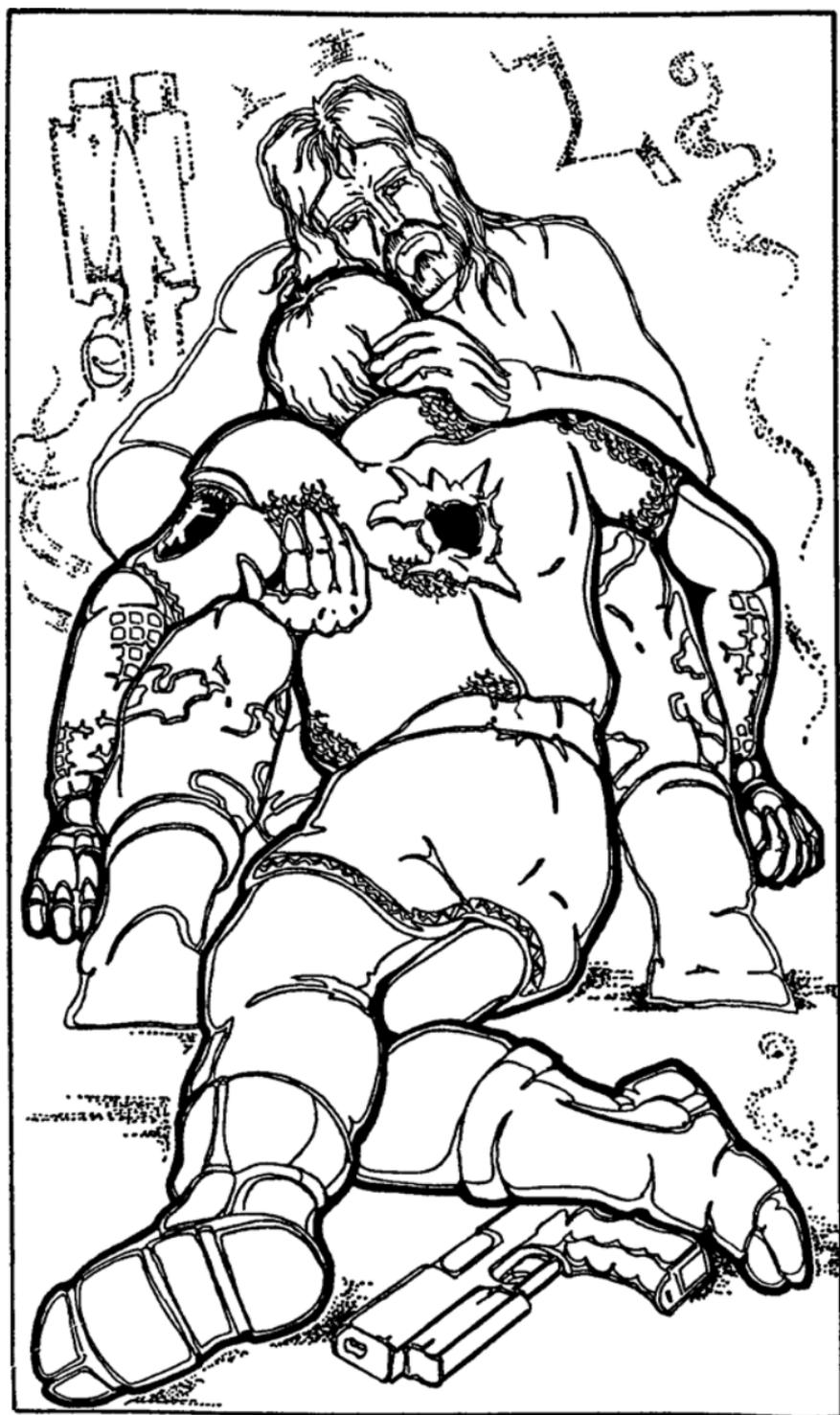
Иван промолчал. Теперь слова были не нужны. Он вернулся к сыну, содрал с него скафандр. Поздно. Олег был мертв. И не было с собой ни чудесного яйца-превращателя, ни регенераторов, ни анабиокамеры... да если бы и были, уже поздно, они пропороли ему всю спину и грудь насквозь, через скафандр... Иван разорвал рубаху на груди сына. Крестик висел черным оплавленным комочком железа. Ничего. Значит, и это надо вынести. И это! Он опустился на колени, притянул к себе мертвое тело, прижал голову к груди, еще раз заглянул в глаза и прикрыл их веками.

С обеих сторон на него надвигались дикие, невообразимые твари с пульсирующими шарами в лапах и черными коробочками. Пламя и плазма бушевали вокруг него, смерть и ужас.

Они не могли его убить.

Но и он не мог больше оставаться здесь.

На переход ушло много сил. И Иван потерял сознание. Он очнулся посреди ледяной пустыни, прижимающим к себе тело

сына. И все вспомнил. Земля! Он на Земле, в своем времени. А Полигон ушел. И Первозург ушел!

Пошатываясь и оскальзываясь на грудах смерзшегося пепла, с Олегом на руках, он добрал до массивных, почерневших и обледеневших ворот Храма.

Служка открыл не сразу. Пришлось долго стучать, звать.

Бесконечная служба шла. Но теперь под ликами стояло лишь пять почти бестелесных теней.

– Похороны его! – попросил Иван, опуская тело на мрамор плит.

Служка посмотрел с недоверием на покойника, покосился на Ивана, хотел возразить что-то, но не посмел.

– Хорошо, – смирился он. – А ты куда? Ведь твой же, по-ди...

– Мой! — отрезал Иван. И пошел к дверям.

Ледяной ветер охладил его, усмирил дрожь. Иван запрокинул голову, уставился в черное страшное небо. И этого было достаточно. Он уже знал, что не ошибся, что шар-звездолет растворился без следа, он теперь там, на Полигоне, где и был в XXXI-ом веке, и никакой Алены нет, и она растворилась, будто и не было... один сын только остался. Остался, чтобы лечь навечно в землю, в погибшую русскую землю.

А еще он увидел, что Гуг Хлодрик с Кешей и Харом не сдаются, бьют нечисть, что Дил Бронкс плюнул на дела земные и ушел на «Святогоре» в Систему – ушел мстить и умирать.

Ничто его не задерживало тут.

Ну что ж, он не хотел второго варианта. Они сами его вынудили.

Земля. Объединенная Европа.

Год 3043-й, август.

Зеленая ветвь ударила в лицо. Иван отшатнулся. Упал в траву. Высоко над головой шумели кроны деревьев. Священный лес?! Он протер глаза руками. Нет. Самый обычный лес, просто ухоженный донельзя, чистенький и густой. Они насадили лесов по всей Европе, по всему миру. Они очень любят себя и берегут... Ивану припомнилось, как он впервые попал в шар, еще тогда, в Спящем мире – шар показал ему Землю XXXI-го века, и он не узнал родной планеты – сплошная зе-

лень, куда ни кинь взгляд, и еще – белые нити, переплетающиеся, разбегающиеся, опутывающие планету. Никаких городов, никаких заводов и фабрик. Да, они хорошо тут устроились, им нет дела, что совсем скоро будет создан Полигон, что он уйдет в чужие пространства и вынырнет из Черной Пропasti на шесть веков раньше, в XXV-ом столетии от Рождества Христова, вынырнет, чтобы не было этого безмятежного будущего у безмятежного люда.

Никто не сможет затворить пред тобою двери!

Хорошо было сказано. Но сначала надо найти эту дверь. Голова у Ивана была чугунной, пылающей. Потерять друзей, потерять жену, сына... и не остановиться, не передохнуть, только вперед. Ну и пусть! Он уже достаточно отдыхал. Теперь пришла пора драться сверх силы. Но с кем?!

Он не мог ошибиться. Где-то здесь таилось жилище Сихана Раджикрави. И он найдет его, какими бы умниками ни были эти выродки будущего. Он медленно прощупывал пространство перед собой, поворачиваясь по солнцу. Лес, лес, лес повсюду... Наконец он ощутил тепло – опушка, крохотная опушка, вздыбленная куполом земля, поросшая густой травой, ни входа, ни выхода.

Иван пошел быстрым шагом к этому зеленому «куполу». Прорвал два слоя полевой защиты. Бояться. И они, всемогущие, кого-то и чего-то все время бояться... хотя какой он сейчас всемогущий, он еще даже не перевозург!

– Ну, держись, друг любезный!

Иван ступил на мембрану, скрытую сочной травкой, преодолел сопротивление, буквально вдавился внутрь. И тут же коротким ударом сломал хребет четырехрукому домашнему андроиду-охраннику. Он не собирался церемониться. Андроид рухнул на деревянный пол, будто подкошенный.

Внутри было светло, как и снаружи, хотя Иван не видел ни одного окна, вокруг было только дерево, самое настоящее, натуральное, никаких пластиков, никакого металла и прочей дребедени. Заботливые. О себе заботятся!

Он проломил одну стену, потом другую. И оказался в большой комнате, которую заливал солнечный свет. Иван невольно приподнял глаза и увидел, что потолка нет, прямо над головой синее небо, то самое, из-под которого он только что погрузился в «купол» – и земля, и трава, и все прочее служившее этому логову крышей, были прозрачными, мало того, они пропускали даже легкий, теплый ветерок снаружи. Но

Иван был уверен, что они не пропустят сюда дождь и даже снаряд, пущенный с орбиты, поле было непрошибаемым. В таком обиталище можно жить и не дрожать от шорохов.

Наверное, именно поэтому хозяин дома не оторвался от своего занятия и не поглядел на ворвавшегося незнакомца.

Да, Иван, умевший прошибать барьеры, непреступные для снарядов, был для этого человека, для Сихана Раджикрави пока еще незнакомцем. И когда тот наконец поднял глаза, они у него начали расширяться от удивления.

– Спокойно, – сказал Иван, – и не думай дергаться! Он подошел ближе, уселся на настоящий грубосколоченный деревянный стул, закинул ногу на ногу.

Сихан Раджикрави и не думал дергаться. Наоборот, он застыл в оцепенении над разложенными по столу светящимися объемными схемами. Изумрудно-серые глаза его немного косили, особенно левый, в коротком и густом бобрике проглядывала седая прядь, Сихан был еще молод. И он ни черта не понимал, это было написано на его припухшем от долгой работы и бессонных ночей лице.

– Вы говорите странно, – прошептал он, видно, от изумления потеряв голос, – с каким-то неземным акцентом. Кто вы?

– Я твой судья и твой палач! – без обиняков выдал Иван.

– Палач?! – последнее слово перепугало Сихана до полусмерти. До него дошло, что незнакомец пришел не шутки шутить.

– Я сказал, не надо дергаться и вопить на весь мир о помощи! – процедил Иван совсем глухо и зло. – Все мыслеуловители заблокированы, системы связей разрушены, ты в своей берлоге как в склепе, выродок!

– Чего же вы хотите? – с трудом выдавил из себя позеленевший Сихан.

– Я хочу, – медленно, с расстановкой сказал Иван, – чтобы таких гадин, как ты, не было на свете!

Он бросил на стол оплавленный нательный крест сына.

– Что это?!

– Не узнаешь?!

Там, на черной и мертвой Земле прошлого, Иван надел на холодную шею Олега свой крест, целый. А этот комочек обожженного железа он с тех самых пор сжимал в кулаке, он еще не мог до конца поверить в случившееся, поверить в чудовищную подлость. Но самое страшное заключалось в том, что он не послушал сына, пропустил его последние слова ми-

мо ушей. «Он снова обманет тебя!» Сейчас это звучало как предупреждение.

– Нет! – Сихан не посмел коснуться креста.

Иван горько усмехнулся. Смешно было требовать от этого ублюдка признания в преступлении, которого тот не совершал. Пока не совершал.

– Над чем ты работаешь? – спросил он, переходя к делу.

– Зачем это вам?

Иван посмотрел прямо в косящие глаза собеседника, посмотрел, не оставляя тому надежды.

– Если ты еще раз переспросишь меня, я сверну тебе шею, – процедил он. – Отвечай!

Сихан Раджикрави начал судорожно водить руками по схеме, видимо, не зная, с чего начать, как объяснить профану вещи не доступные даже узкому кругу специалистов. Потом решился:

– Это... это совершенно безобидные исследования, – зачастил он, будто оправдываясь, – искусственные объемы, искусственные существа, реконструкция фантазий, которыми люди переболели когда-то... как бы вам это объяснить.

– Воплощение несуществующего?! – подсказал Иван.

Хозяин жилища вздрогнул и ответил дрожащим голосом:

– Да... откуда вам известно? – и тут же испугался еще больше, запричитал: – Это отвлеченные работы, фундаментальные, теоретические... они не представляют интереса, никакого практического интереса ни для одной из фирм ни для одного концерна!

– Отвлеченные, – задумчиво повторил Иван.

– Да!

– И у вас есть коллеги, которые занимаются тем же?

– Конечно... это просто игра ума, тренинг, понимаете ли. Мы иногда собираемся вместе, образно говоря, складываем то, что получается у каждого, в общий котел – и наш мир, нереальный, потусторонний, оживает на экранах, мы начинаем видеть свое творение, это очень интересно, это заряжает нас, заставляет искать дальше, воплощать... – Сихан говорил все больше и больше распаясь собственной речью, пытаясь убедить незнакомца, что дело идет только об игре... игре ума и фантазии, и ни о чем больше, – нас двенадцать человек, в основном, молодые еще ребята, по сорок-пятьдесят каждому, это наше развлечение и для нас это лишь забава, мы в шутку

стали называть себя зургами, для смеха, понимаете, вот и все... я могу показать вам проекции, пожалуйста, хотите?

– Нет! – оборвал словоизлияния Иван. Он ничего не хотел видеть. Он уже все видел на белом свете и за его пределами. – Что означает это словечко – зург?

– Жаргон, простой жаргон ученой братии, – снова зачастил Сихан, – мы сами иронизируем над собою, называя себя в шутку богами-творцами, так это можно перевести. Я ни в чем не виноват, чтобы меня судить! Ну скажите же, что и вы пошутили, ну какой вы палач... это же шутка?

– Нет, это не шутка, – мрачно изрек Иван, – из-за вас я разучился шутить.

– Из-за нас?!

Иван поморщился, давая понять, что дальше он не собирается развивать тему.

– Где они живут?

– Кто?!

– Ну эти, ваши друзья, зурги?

Сихан занервничал еще больше. Потом вдруг уселся в кресле с откидной спинкой, съежился, набычился, одеревенел и стал больше походить на Первозурга, чем прежде.

– Ладно, мы к этому еще вернемся, – сказал Иван. – А сейчас отвечай, чем ты занимаешься кроме воплощений несуществующего, только коротко и ясно?!

– Я программирую Волшебные Миры, – на выдохе выпалил Сихан.

– Развлекаетесь все?

– Это другие развлекаются в них, я работаю. Я люблю работать! Я одержимый своей работой! – сорвался косоглазый бог-творец. – Что вы хотите от меня?!

Иван забарабанил пальцами по столу, тяжело вздохнул.

– Все верно, Полигон будет проектироваться и создаваться под вывеской Волшебных Миров, в созвездии Сириусового Октаподуса, тебе это ни о чем не говорит... а потом будет бунт вурдалаков, будет сквозной канал из инферно, выползни и черная Земля.

– Я могу вызвать врача, вам помогут, – довольно-таки нагло предложил Сихан Раджикрави, и обычный смуглый румянец вернулся на его щеки.

– Врач здесь не поможет, – совершенно серьезно ответил Иван. – Я хочу рассказать тебе кое-что...

И он рассказал. Создатель игровых миров, перевозург и хозяин этого жилища сидел с отвисшей челюстью, не зная, что ему делать: то ли плакать, то ли смеяться, то ли попробовать еще раз дать мысленно команды, попытаться вызвать службы безопасности. Незнакомец явно знал слишком много об их проектах, но то, что он городил было похоже на невыносимо страшную сказку, рассказываемую на ночь, и эта сказка не могла быть правдой, никогда, ни при каких обстоятельствах.

– Значит, вы заявили из прошлого? – спросил он, когда Иван закончил.

– Да, и ты это сразу определил по акценту, вспомни!

Сихан Раджикрави снова позеленел. Внутренний голос внезапно, безо всяких причин на то, сказал ему: все, что поведал незнакомец, правда! неполная, усеченная, обрезанная... но правда! этот тип не умеет шутить и не умеет лгать.

– Ты все сейчас увидишь сам.

Иван придвинулся вплотную, обхватил голову Сихана ладонями, сдавил виски с такой силой, что тот застонал, и в упор уставился в изумрудные разбегающиеся глаза.

Почти сразу мгла объяла перевозурга, накатило черное мутное пятно. И он увидел. Зловещий безжизненный шар приближался, наваливался всей исполинской тяжестью: внизу что-то горело, рассыпаясь искрами, взрываясь, обрастая клубами дыма, уродливые тени рассекали черный воздух, гортанно клокотали, шипели, рвали друг дружку в клочья и падали наземь, в пепельную наледь и кипящую лаву, а в черных котлованах копошилась черная, поблескивающая мириадами злобных осмысленных глаз, безмерная масса, пауки, ползущие, копошащиеся друг в друге, вызывающие ужас, пожирающие уродливых тварей, падающих в них из черных небес...

– Вот оно, воплощение несуществующего, – глухо просипел Иван. – Затем я и пришел, чтобы оно не воплотилось. Я мог бы убить тебя сразу, но я хотел, чтобы ты знал, за что умираешь, Первозург! Мы слишком много с тобой говорили, мы часами вели умные беседы там, в будущем твоём, и нам больше не о чем говорить, я не люблю повторяться!

Иван вытянул руку над столом ладонью вниз. И светящиеся схемы засветились еще ярче, потом полыхнули и начали выгорать – не прошло и минуты, как на почерневшей столешнице осталась лишь горстка пепла.

И вот тоща Сихан испугался по-настоящему. Он затрясся будто в лихорадке, упал на колени и, огибая стол, пополз к Ивану – жалкий, омерзительный, безъязыкий. Он молил о жизни одними лишь своими огромными изумрудно-серыми, выпученными глазищами, от смертного страха они даже перестали косить.

– Встань! – потребовал Иван.

Он не нуждался в унижении этого мерзавца, который еще и не подозревал даже, какой он мерзавец, он просто исполнял свой долг.

Сихан не встал, отчаянно тряся головою и пытаясь проблещать что-то невнятное.

– Значит, говоришь, вы частенько собираетесь вместе? – отрешенно спросил Иван.

– Да... да... – закивал угодливо перевозург, еще не ставший Первозургом.

– И ты помнишь день, час, когда это было в последний раз?

В комнату сквозь пролом вполз изуродованный андроид, он еще был жив, пытался приподнять голову со свисающим на прожилках глазом, и ударял ей о доски пола. Да так и замер у пролома замертво.

И это повергло хозяина в ужас. Он бросился к ногам Ивана, стал тыкаться лицом в сапоги, целовать их, лизать, сипеть с захлебом нечто невразумительное.

Выродок! Иван отпихнул двуногого червя. Сейчас ему самому с трудом верилось, что он чуть не погиб, спасая эту гниду там, в будущем, которое для всех других не будущее, а прошлое, не верилось, что он вынес его из Пристанища в своем мозгу, доставил на Землю, дал возможность воплотиться, обрести тело. Всегда их кто-то спасает, и всегда они жалуются на судьбу, всегда ноют, плачутся, а сами норовят ударить в спину... выродок! Это из-за него и еще дюжины таких же червей должна была погибнуть Земля, превратиться в черный червивый плод?!

Иван ухватил перевозурга за плечи, приподнял, встряхнул, ударил спиной о деревянную переборку, чтобы пришел в себя.

И тот почти пришел. Глаза вновь стали осмысленными, в них появилась надежда.

– Я все... я все сделаю, что прикажете, – залепетал Сихан.

Его гость и не сомневался, что он сделает все. На этот раз переход был мгновенным, всего-то на две недели назад.

Иван почувствовал, что он уже не стоит, а сидит на широком и мягком диване, сжимая локоть Сихана Раджикрави. Помещение было раза в три больше давешней комнаты. В креслах и на диванах сидело больше десятка людей. Все смотрели на площадку у высокой, уходящей в черное звездное небо стены. В помещении было сумрачно, и на Ивана не обратили внимания.

А на площадке в объемных галалучах, более реальный, чем любое настоящее существо, расхаживал фантом высокого лилового монстра с длинными, до колен ручищами, отвисшей челюстью и мутными глазами. Монстр был гадок, но чем-то непонятным он внушал страх и уважение. Сидящие довольно кивали, переговаривались и временами направляли на монстра черные трубочки – вспыхивали радужные свечения, и в монстре что-то менялось: то он становился шире, массивнее, то вдруг наклонялся к сидящим, приседал и ощеривался, при этом в мутных глазах его загорался недобрый и настоороженный разум.

– Это они? – шепотом спросил Иван у перевозурга.

Тот склонил голову.

– Все?

– Да, тут собрались все, – просипел Сихан, – здесь сейчас лучшие умы Вселенной, за ними будущее...

– У них нет будущего, – отрезал Иван. Он уже чувствовал, как идут по лучевым коридорам в помещение андройды-охранники, заметившие появление чужака. Плевать на них. Иван прощупывал логово, пытаясь нащупать его «мозг», а в таком доме обязательно должна была быть система управления и «мозг». Он обнаружил его двумя этажами ниже, за биотитановой переборкой. И подавил усилием воли. Пришла пора действовать наверняка, без сбоев.

Андройды ворвались в помещение бесцеремонно, переполошив сидящих. Они увидели Ивана, бросились на него. Шестерых пришлось прикончить сразу, несколькими молниеносными ударами Иван расшвырял нелюдей. Бил он сильно и надежно, чтобы не встали. Других двоих он усыпил, навев ладонями сильные поля на их искусственные мозги, потом бросил обоих на диван, пригодятся.

Все произошло очень быстро. Он ожидал шума, криков, паники... но сидящие «боги-творцы» будто в каменные изваяния превратились, они просто оцепенели от неожиданности,

ни один не встал со своего места. Зато дюжина пар глаз уставилась на Ивана.

– Все входы-выходы заблокированы, – сказал он негромко, но твердо. – Поэтому попрошу без суеты.

Он прошел сквозь искрящиеся лучи, дотронулся рукой до монстра – тот был вполне осязаемым, он даже вздрогнул от прикосновения и очень тихо, нутряным рыком зарычал на Ивана.

– Кто вы такой? – очнулся наконец самый смелый.

Иван выразительно поглядел на хлипкого кудрявого человечка с белым ободом на лбу. И тот сразу осел, заерзал, принялся оглядываться на других, будто ища поддержки. Но не нашел ее. «Лучшие умы» были трусоваты. Даже не верилось, что такие решатся согнать в холодильники тысячи людей, биомассу. Иван переводил взгляд с одного на другого и поражался пустоте смысленных, подвижных, поблескивающих неистовым огоньком темных и влажных глаз – все они были разными, выпученными, вдавленными, широко и узко поставленными, косящими и близорукими... но все они были одинаковы разумной живостью животного. Двунogie! Им нельзя было отказать в уме, таланте, одержимости в достижении цели и даже жертвенности в погоне за ней, Иван все видел – это не люди из толпы, таких мало, совсем мало, даром именно они нашли друг друга и замкнулись в своем кругу, не выходя из множества других. Вурдалаки! Это они и есть сверхразумные вурдалаки, ненавидящие всех вокруг и желающие выстроить мир под себя. Новые расы! Новые вселенные! А прежних – в топку, навозом в поля, консервантами в холодильные камеры! Препные для них только биомасса! Иван все видел. Эта дюжина пар глаз, невероятно пытливых, шустрых, бегающих, пылающих, отражала сейчас напряженную работу дюжины мозгов под черепными коробками. Нет, в их головах еще не елозили, не копошились крохотные вертлявые черви. Это они сами станут червями-зургами, сами размножат себя в миллионах гадин и вопьются в затылки каждому живому существу в их новой вселенной, в этом лучшем из миров. А потом они возжелают большего... и преисподняя им поможет. Она всегда помогает тем, кто является в мир людей ее тенями, она помогает созданным не по Образу и Подобию, потому что она сама есть ад вырождения, и они ее черные демоны. Иван не отрывал глаз от сидящих, теперь он видел их всех вместе, одним многоголовым и многолапым спрутом, страшной и

гадкой гидрою. Неужели и у таких могли быть матери, жены, дети?!

– Вы жаждете сверхреальности? – спросил он неожиданно. – Вы ищите совершенства? Что ж, сейчас вы останетесь один на один с этим совершенством!

Он поднял руку, и искрящиеся галалучи вошли в нее быстрым пучком. Монстр на площадке сразу стал блеклым, серым и вонючим. Он вскинул лапы, прикрывая свои мутные глаза. Потом сделал шаг, другой, боязливо обошел Ивана, будто чуя в нем силу большую. И еще медленнее, с опаской подошел к ближнему из сидящих в креслах.

– Не-ет!!! – завизжал тот.

Вскинул свою уже бесполезную трубочку. Вскочил, пытаясь ускользнуть. Но не успел. Не обращая ни малейшего внимания на истошные вопли жертвы, мутноглазый монстр, свернул ей голову, попробовал было укусить, впиться кривыми зубами в плечо, но тут же отбросил обмякшее тело, наступил на него когтистой ногой и завыл, торжествуя, задрвав к черному обманному небу разверстую пасть.

И вот тут началось. Оставшиеся «боги» повскакали с мест, сгрудились за большим диваном, на котором оцепенело сидел Сихан Раджикрави, заголосили, закричали, заорали. Двое пытались поднять охранников, но те спали крепко, не добудишься.

– Вам что, не нравится ваш Адам, боги?! – громко спросил Иван.

Ему не было жаль убитого. Он давно переступил через черту жалости, особенно к таким выродкам. И если поначалу он еще сомневался, с кем имеет дело, то теперь все сомнения пропали. Первозурги, перепуганные, истерически визжащие, но ничего толком не понимающие, отталкивали друг дружку, стремясь спрятаться за чужими спинами, ругались, тряслись, плевались... Сейчас они очень походили на стаю гнусных, омерзительных обезьян. Да, Ивану припомнилось, как его учили давным-давно, как ему рассказывали про бабуинов, про стаю и ее законы, которые, по мнению, всезнающего серьезного ментора, ничем не отличались от законов человеческих, написанных. Бабуины! Скоты! Умные, талантливые, одержимые, гнусные и подлые! Они ничего не поймут. Они, и впрямь, невероятно толковые и смышленные. Но они не поймут, почему их надо убивать, немедленно и беспощадно, пока они еще не заложили Полигона, пока тот существует лишь в

их гниющих, пузырящихся черной пеной мозгах... Сначала он хотел объяснить им хотя бы перед смертью, в чем их вина. Теперь он передумал. Чумным животным, даже если они двуногие, если они несут смерть всем кроме себя, ничего невозможно объяснить, с ними надо разговаривать иным языком.

Иван ослабил волевые путы, коими он сдерживал монстра. И тот бросился на породивших его. Иван видел насквозь его мутный, самосовершенствующийся, сверхразумный, но еще находящийся на почти нулевой стадии мозг. Там царила ненависть к этим двуногим, издевавшимся над ним, причинявшим жуткие боли своими черными трубочками. Мутноглазый не понимал, что его совершенствовали, что ему желали блага, что из него творили в неистовом экстазе богочеловека новой расы сверхлюдей, он просто люто и беспощадно ненавидел мучителей. И никто его не сдерживал.

Иван выдернул за руку из скопища Сихана Раджикрави. Отвел в сторону, сам уселся в кресло, наблюдая за неистовой и отвратительной бойней, а его бросил рядом, на пол, он не хотел вот так, запросто позволить монстру уничтожить этого пока еще человека.

– Смогут ли восстановить проект по их схемам и наброскам другие? – спросил он мрачно.

– Исключено, – простонал сквозь слезы Сихан Раджикрави. Он сейчас сам хотел бы умереть. На его глазах рушилось все, ради чего он жил последние тридцать лет. Все!

Монстр добивал последних выродков. Те носились по помещению – тихие, осипшие, обезумевшие, растерявшие лоск и смышленость. На какой-то миг Ивану стало жалко их, обреченных и беспомощных. Но перед глазами встало измученное лицо Глеба Сизова, его шея с ошейником, тысячи обреченных, бритых, распятых, беспомощных голых людей в подземельях. И он закрыл глаза.

Когда все было кончено, Иван встал. Подошел к андроидам, безмятежно спящим в лужах крови, посреди искалеченных трупов. Нелюди-охранники вскочили перед ним навтыжку, будто и не было сна.

– Этого выпустить, – приказал Иван, чуть кивнув головой на усталого и растерянного монстра, забившегося в угол подобно дворняге и скулящего. – И все сжечь, не оставляя следа. Все! Сами сгорите последними.

Через десять минут, уже идя темным ночным лесом, он обернулся. Сихан Раджикрави плелся следом, ссутулившись,

хромая на левую ногу и все время оглядываясь на полыхающее позади зарево.

Иван посмотрел в упор на перевозурга. И сказал:

– Ты все знаешь. Ты сам решишь свою судьбу!

Он еще долго сидел на траве. И не смотрел в ту сторону, где Сихан Раджикрави, уже не трясущийся, спокойный и даже деловой, мастерил себе петлю из разодранной блузы.

Когда его тело перестало дергаться под низкой, дрожащей ветвью ели, Иван подошел вплотную, убедился, что жизнь ушла навсегда из черного гения, так и не сумевшего создать свой, лучший мир. И коснулся его груди ладонью. Распыленные молекулы канули в черную пропасть, чтобы уже никогда не собраться вместе.

Иван вздохнул горестно. Олег ошибся, этот несостоявшийся бог, больше подходящий на роль новоявленного Иуды, не сумел его обмануть.

С Полигоном было покончено, покончено было с Пристанищем... Иван долго смотрел на оплавленный крест, лежавший на его ладони. Потом расправил грубую стертую местами веревку, повесил крест себе на шею, прижал рукой к груди. Крест не охлаждал кожу, будто хранил еще сыновнее тепло.

Сын и Алена... было две жены, теперь ни одной. Слишком большая цена за Пристанище.

Земля – Система – Земля.

Год 2486-й, апрель, май. Обратное время.

Не знает человек своих сил. И в этом спасение его. Слабый тщится не изжить себя прежде времени, рассчитывая тлеть в слабости своей вечно. Но силы его уходят неизжитыми, нерастраченными, а вечность смеется над ним, скаля желтые зубы и глядя из пустых глазниц. В бессилии рожденный уходит в бессилие и тлен.

Рвет жилы и изнуряет себя сверх сил своих сильный, будто поставил себе целью познать, есть ли предел ему и властен ли он над пределом тем. И падает, изнуряя себя с разорванным сердцем... или бежит за оком умирающий, изнывающий, все претерпевающий и начинающий постигать, что не ему дано мерить силы свои и не ему определять пределы. Но упокоившись, умирает в покое, сытости и неподвижности, порождая

недоумение и пересуды – истлел изнутри несгоравший в огне да в пламени.

Слаб человек слабый. Слаб человек сильный. Из праха вышли – в прах уйдут, не оставив памяти о себе. Ибо непаметны слабость и сила, изжитая втуне. Род людской помнит выживших, ибо о них слагают предания и им поют славу. Их имена и лики остаются в книгах. Имена не слабых и не сильных, но выживших. И не помнит род людской, кто прокладывал дорогу, кто мостил мосты и торил пути, выжившие проходят по спинам погибающих героев, одолевших врага и вершивших победу... кто помнит о тех, невыживших?! Люди? Нет. Никто кроме Бога!

Возвращение изнурило Ивана. Он сам не знал, сколько времени проспал на каменном полу, уронив лицо на гудящие, большие руки.

Служка в черном растормошил его, запричитал по-бабьи:

– Чего ж ты на холодном-то улегся, мил человек, вставай давай, пойдем, там у меня застлано на лавке, вставай!

Иван долго глядел на него спросонья. Потом пробурчал:

– Нет уж, ты сперва меня на могилку своди. Потом греться будем.

– Какую еще могилку? – не понял служка.

Иван махнул рукой. До него дошло: все страшное, горькое и радостное, и сын, и его смерть, и могила, все прошло в той жизни, в этой никто о нем с Аленой и знать не знает, и слыхом не слыхивал. Ничего не поделаешь, меняя прошлое, меняешь и будущее с настоящим. А ежели прошлое пришло из будущего, по петле, тем более. Ну и слава тебе, Господи! Алена осталась в своем XXXI-ом веке. Сын просто... просто не родился, он никак не мог умереть, значит, и печалиться не об ком. Иван прижал ладонью к сердцу оплавленный крестик. Тот был холодным, почти ледяным. Ну и пусть, он один будет помнить Олега. Этого достаточно! И хватит рвать жилы! Хватит изводить себя! Покой и соразмерность. Вот главное! Старый Мир живет в нем, как живут все миллионы пращуров, братьев и сестер его Рода! Пора выходить на свет белый. Жертвы не были напрасны. Там теперь все иначе... можно было бы спросить этого бородатого в черном, но лучше своими глазами увидеть. Никакой нечисти на Земле нет, и быть ее не должно, ибо он уничтожил Пристанище, не дав ему народиться, а преисподняя может войти на Землю только из Пристанища. Господи, неужели все?!

Он сомнамбулой поплелся к огромным дверям.

– Куда ты?! – закричал служка и ухватил Ивана за рукав.

– К людям, – ответил тот запросто.

Служка вытаращил глаза, побледнел еще больше, затряс подбородком.

– Ты чего? – спросил Иван.

– Нету... нету там никаких людей! Запомнил ты...

Иван попытался улыбнуться. Но не сумел.

– А кто ж там тогда?

– Ты и впрямь беспамятный! Или больной... Демоны там. трехглазые да пауки. Позавчера приходил твой безрукий с псом поганым, говорил, еще хуже стало, дохлого уродца шестипалого приволок с крыльями как у стрекозы...

Иван поморщился, соображая, что к чему, и вновь обретая способность в и д е т ь . Но машинально переспросил:

– Выползня, что ли?

– Какого еще выползня, не слыхал про таких. Уродца он приволок, каких в подземных заводах при прежнем еще Правителе выращивали, много их всяких было, разве всех упомянешь. Да только я обратно выкинул дохлятину, грех во храме эдакую держать-то! – Служка еще долго что-то говорил, размахивал руками, крестился, вздыхал.

А Иван стоял с расширенными и остекленевшими глазами. Ему не надо было выходить наружу, чтобы узнать обо всем. Он видел Землю. Но не черную и мертвую. А серую, уныло-непроницаемую, задавленную толстым слоем клубящихся, низких, мрачных туч. По этой неприкаянной земле, среди дымящихся развалин опустошенных, разрушенных до основания городов и селений ходили, шныряли, ездили на уродливых решетчатых бронеходах трехглазые, брыластые, завешенные пластинами, чешуйчатые негуманоиды – воины Системы. Они лезли во все щели и дыры, в надежде разыскать уцелевших людей и тут же предать их долгой и мучительной смерти. Но чаще они натыкались на уродцев, что выращивали генетики-экспериментаторы, на самых невероятных и диковинных звероловлюдей и монстров. Оголодавшие в подземельях твари набрасывались на трехглазых сами, схватки были то короткими, то затяжными, но почти всегда верх одерживали посланцы Системы. Молодых здоровых женщин убивали и терзали не всех, некоторых запихивали в капсулы звездолетов, вывозили, Иван знал, куда. Других приспособляли тут же, по заброшенным подвалам и подземкам, развешивая их по

стенам, подводя морщинистые хоботы под их животы, накачивая всякой дрянью... А ведь Светлана, бедная, несчастная, погибшая лютой смертью Светка, рассказывала ему, что видела своими глазами Вечную Марту – та была мертва! да, Вечная Марта умерла и успела превратиться в высохшую мумию, а ведь ей было обещано вечное блаженство! Теперь таких март было на самой Земле пруд пруди! Иван скрежетал зубами, стонал. Он уже знал, что то же самое творится по всем планетам, освоенным людьми, на многих было и того хуже. Нет выползней, нет студенистых гадин, нет тварей из Пристанища и их черной мощи, черной силы вырождения, нет... он уже было подумал, что нет и Черного Блага, но вовремя осек себя. Черное Благо было и до прорыва сквозных каналов! Вот в чем разгадка. Пристанища нет. Нет тайной двери из него в мир людской. Но вырожденки никуда не подевались! Они ушли в Иную Вселенную. Они, скрестившись с тамошними вырожденками, породили Систему. И они вернулись назад во плоти трехглазых! Только так. А на что он надеялся? Серая, безнадежная Земля! Продолжение Большой Игры! А он... он убрал лишь одного из игроков.

– Очнись! Что с тобой! – служка трепал Ивана за плечо.

– Все в порядке, – наконец выдал тот.

– Это от голода, так бывает, – успокоил сам себя служка.

И перекрестил Ивана.

– Это от слабости, – поправил его очнувшийся, – слаб человек.

– Воистину слаб! Откуда силы-то взять?!

Иван кивнул. Он не стал объяснять служке, что смертный может вобрать в себя все силы земные и небесные, может повелевать телами, душами, полями и материями, гасить и зажигать светила, но все равно – все равно! – он остается человеком, слабым человеком! Ибо сила не в силе... она в чем-то ином, чему еще нет названия, и что стоит за той самой Черной Чертой, незримо разделяющей в душе каждого такие же незримые, но сущие миры... Разве можно вообще это объяснить! Нет! Да и не время. И нет повода отчаиваться, просто надо довершать начатое, так всегда и бывает – ни один гвоздь не становится последним, всегда после него сама жизнь заставляет забивать еще один, и еще... Черное Благо? Вырожденки! Синклит! Эх, если бы он знал расклад раньше!

Гуг Хлодрик встретил Ивана, будто они и не расставались – набычившись и угрюмо глядя из-под седых взлохмаченных бровей.

– Чего пожаловал? – грубо поинтересовался он.

Иван подошел к Кеше, обнял его, прижался щекой к щеке. Кешу смерть не брала, будто он был заговоренным, уж на что дозврывники считались мастаками по части «барьеров» и всего прочего, связанного с человеческой тленностью, а и они обмишурились, не на того нарвались. Жив и здоров был рецидивист, беглый каторжник, ветеран тридцатилетней Аранайской войны Иннокентий Булыгин. И даже вся черная и недобрая жизнь не изменила чувствительного Кешу.

– Ты уж прости нас, – прохрипел он еле слышно прямо Ивану в ухо.

– Нечего за всех каяться! – отозвался Гуг.

Но Иван, будто ничего и не слышал, подошел и к нему, сдвинул в объятиях. Гуг не выдержал, пустил слезу. Раздражение и угрюмость были явно напускными.

– Погорячились мы, Ваня, – прошептал он, ломая медвежьей хваткой Ивановы ребра. – Да теперь уж какая разница – что с тобой, что без тебя, хана всем!

Иван их с трудом отыскал. Он прошупывал небо, космос. А Гуг с Кешей и облезлым оборотнем Харом, который впал в спячку, прятались в подмосковном бункере, уцелевшем еще с двадцать первого века. Прятались и материли на чем свет стоит сдуревшего Дила Бронкса, который на «Святогоре» ушел в Систему мстить вырождакам. Их шары посбивали, поуничтожали – еле сами выжили. Трехглазые были покруче безмозглой нечисти и воевать умели, и травить дичь, гнать ее на выстрел. Короче, остались у Гуга с Кешей сигмамет на двоих, пара броневоев, парализаторы да старенький списанный бронеход, много не навоюешь.

– Лучше б я на каторге сдох! – тужил Гуг. – Зря ты меня, Ваня, выгацил с Гиргеи. Это мне все за Параданг! Так и надо! Собаке – собачья жизнь. Гореть мне в аду синим пламенем за безвинно загубленных!

Иван слушал да кивал. А потом вдруг без тени улыбки сказал:

– Хочешь искупить грех?

Гуг скривился.

– Шутить изволишь? Я старый разбойник, Иван, чтобы со мной шутки шутить. Эдакие грехи-то не искупаются, столько

душ спровадил я со свету: и Чарли Сая, и Кира с братьями Лосски, и рыжую Еву, и Пера Винсента, и Бахметьева Севку, кореша... всех помню, по ночам они ко мне ходят. Только с Ливой и был просвет, пока жили да спали вместе, она их не допускала в мой сон, да вот померла, Бог прибрал. А ты все шутишь, нехорошо!

– Пускай скажет! – вклинился Кеша. Он почуял, что шутками и не пахнет.

– Возьмем логово зверя, игра сделана! – убежденно сказал Иван. – Мне одному не осилить...

– Ослабел, Ванюша? – Гуг осклабился.

Иван встал, подошел к бронетитановой стене бункера, ткнул кулаком, пробил ее насквозь, на все полметра, так, что Кеша глазам своим не поверил, подбежал, заглянул в дыру и застыл возле нее истуканом. Гуг тоже подошел, пригляделся, потом саданул кулачищем в броню и взвыл от боли.

– Верно про тебя говорят, – пробубнил он, потирая ушибленную руку, – черту ты душу продал, Ваня!

– Был бес в душе, теперь нет его, – просто ответил Иван. Рассказывать им обо всем не имело смысла, все равно не поверят, сочтут за чокнутого, и тогда пользы от них не жди. Но чтобы как-то оправдаться сказал: – Люди добрые обучили кой-чему.

– Вот это другое дело, это понятно тогда, – степенно согласился с Ивановыми доводами Кеша. И спросил: – А где логово-то?!

Бронеход пришлось оставить. Поначалу Иван и Хара не хотел брать, какой от него толк, одна обуза. Но Иннокентий Булыгин помрачнел, насупился, и Иван не счел нужным его обижать. Силы уходили, их еще хватало, чтобы перевернуть пол-Вселенной, но они были не те, что в Старом Мире, когда он шутя и играючи переносился из эпохи в эпоху. Слаб человек! Верно было сказано.

Переход получился сумбурным и бестолковым. В последний миг Хар отвлек Ивана жутким, предвещающим недоброе воем, тут же съежился, затих. Но всех четверых вынесло не в отстойники Большого Антарктического Дворца, а на три яруса выше, в отсек подзарядки андроидов караульной службы. Иван это сразу смекнул, когда увидел две сотни застывших в нишах торчком синюшных тел. Андроид не человек, особенно спящий... андроид выполняет программу всегда. Две сотни

пар глаз открылись как по команде. Чужаки! Не было во всем Дворце и окрестностях ни одного живого, полуживого и вообще двигающегося существа, не имеющего своего кода и своего датчика, каждый находился под контролем следящих систем. Все чуждое, проникшее извне, подлежало обездвиживанию или уничтожению.

– Попались, – прохрипел Гуг Хлодрик Буйный радостно, предчувствуя хорошую потасовку.

Иван знал другое, охранники видят только его друзей, сам он для них пустое место. И единственным верным ходом было бы оставить Гуга с Кешей здесь, сколько продержатся, а самому немедленно идти к «серьезным», ради них он прибыл сюда, в 2472-ой год, год тишины и спокойствия. Но одно дело теории да замыслы, другое жизнь. Андроидов слишком много. Он мог бы убить их всех сразу, в считанные секунды, но тогда не получится с «отвлечением внимания», тогда придется менять всю тактику. Нет!

Иван поднял руки – и ближайшие двадцать нелюдей упали, опрокидываясь на спину: все внутри их искусственных мозгов было стерто, они превратились в ничто, в неодушевленную неразумную плоть.

– Стой! Не шали! – взревел вдруг медведем Гуг Хлодрик, у которого отбирали ратную забаву.

Огромный седой викинг неожиданно легко прыгнул вперед, ухватил ближнего к нему охранника за грудки, подбросил, поймал за ноги и принялся дубасить им прочих.

Кеша пока не вязывался, он стоял с сигмаметом наизготовку, ждал, не появится ли кто снаружи, вооруженный. Хар сидел у его ноги и рычал.

– Ну, держитесь, сколько сможете! – выкрикнул Иван. – Без меня не помирать!

Он уже в и д е л покои выроdkов. Он знал, куда ему идти. И чем дольше продлится эта драка, тем лучше для него. Подантарктический Дворец! Еще целенький и невредимый. Еще не сокрушенный глубинным зарядом с орбиты. Все верно! Тогда Дворец-то сокрушили, а выроdkи сбежали, успели... они всегда успевают, во всем и везде. Шустрые!

С первозургами в будущем ему повезло, он сумел застать их всех. С «серьезными», которые были лишь теньями подлинных властелинов Земли, прикрытием Синклита, он оплошал. И опять ему первым подвернулся круглолицый с перебитым носом. Он лежал на огромном мягком ложе в собствен-

ной спальне, утопая в гравиматрасе. Иван приблизился вплотную, и ему вспомнилось, как трещали шейные позвонки в его ладонях. Он уже убивал круглолицего. Что ж, придется еще раз осквернить себя.

За полсекунды до того, как ложе ушло в мгновенно образовавшийся провал, в потайные нижние ниши, Иван успел сдернуть спящую тушу на холодный иргизейский гранит пола. Он не повторил прошлой ошибки.

Круглолицый был здорово пьян, а может, накачался наркотиками. И потому он ни черта не соображал, Ивану пришлось хлестнуть его ладонью по щекам слева направо. Он не собирался расправляться со спящим.

– Да я сейчас... – гневно начал было круглолицый на старонемецком.

Но Иван немедленно охладил его, бросив лицом в гранит и ухватив рукой за жирный загривок, пытаясь нащупать что-то в затылке.

Самого выродка придавить и распылить не составляло труда. Но черви были из других миров, их хранили инфернополя, их не распылишь, их надо давить – каждого в отдельности, беспощадно... сколько раз они ускользали от Ивана, и в Пристанище, и в иных местах, ведь он тогда, много лет назад, уже убил Авварона, но выскользнул червь, ушел... и все началось сначала.

Изо всех щелей и дыр, сверху, снизу, сбоков убивали самого Ивана. Системы слежения, охрана, автоматика, все уже давным-давно сработало: десятки стволов и раструбов испускали в него смертоносные заряды и лучи. Но убить его было невозможно. Пока.

– Говорите, что вы хотите, я сделаю все, абсолютно все! – сдавленно сипел круглолицый, чувствуя, что пришло время расплаты. – Я озолочу вас, дам власть, женщин, корабли, острова, что хотите...

Иван нащупал наконец крохотную твердую змейку. Он! Еще даже не прогрыз черепную коробку, не просочился, не прополз в мозг. Тем лучше. Он сдавил пальцы и выдрал червя вместе с куском кожи и жира.

– Ау-грх-aaa! – завопил круглолицый.

И тут же смолк с переломленным хребтом. Иван не стал распылять всевластного ублюдка, ему и так не ожить, надо беречь Белую Силу!

Охрана, сообразившая, что чужака на расстоянии не возьмешь, бросилась на Ивана со всех сторон, разом. И так же отлетела от него – искалеченная, и предсмертно хрипящая, ни хрена не соображающая. Ничего, поделом и ей! Иван разглядывал крохотного, совсем малюсенького червячка, извивающегося в его руке. Алые глазенки прожигали бешеным огнем ненависти его серые, широко раскрытые глаза, готовы были испелить. Но не могли. Иван не спешил, хотя надо было спешить, ведь другие «серьезные» уже оповещены, приняли особые меры, до них будет трудно добраться... кому это трудно? Только не ему! Он рассматривал червя. И думал: как же эти мелкие, ничтожные твари преодолевают незримую Черту, как им удается просачиваться из преисподней в мир людей, закрытый для них наглухо, намертво, закодированный от них и заговоренный всеми Силами Света. И все-таки они проникают. Сквозные каналы? Ретрансы и направленно-лучевые инфернополя?! Потом. Не сейчас! Он раздавил округленькую головку червя, отбросил пададь, брезгливо вытер пальцы о багряную, под стать императорской, тогу круглолицего. Бросил на жертву последний взгляд – ей повезло, она отошла в свет иной без потусторонней гадины в себе, может, Господь ее простит, Господь всепрощающ.

Иван встал. Швырнул к стене уцелевшего охранника, не андроида, живого, накачанного до безумия парня в скафе, вырвал из рук лучемет, отбросил в сторону.

В следующие покои он шел открыто, пробивая себе путь ударами кулаков, морщась, когда его обжигали плазмой и сигмаизлучениями, кривясь от разрывных пуль, отскакивающих от кожи, ломая острейшие клинки, нацеленные в грудь. Он переступил через барьер, и он не хотел таиться. Он шел вершить правосудие...

Но покои – и одни, и другие, и третьи, оказались пусты. Трусые! Они опять сбежали! Не выйдет. Ничего у них не выйдет. Он разыщет их и накажет. По справедливости!

– Да отстаньте вы! – прохрипел он в досаде, когда из-за поворота, сзади на него набросились сразу трое громил с бронебоями. – Хватит!

Он обратил их в пыль, в труху. И шагнул в люк, захлопнул за собой бронированную крышку толщиной в ладонь. Сосредоточился. И увидел их. Никуда они не сбежали. Они, вероятно, смекнули, что не бежать надо, а давать отпор... вот они! Иван явственно различал огромный сферический зал с

гидрополем, большой, слишком большой для людей круглый стол, светящийся изнутри черным пламенем. Черное Солнце! Он вспомнил все сразу. И зудение, и миллионы дрожащих в черных лучах шупалец, и сливающиеся измерения... Да, вокруг стола, будто зачарованные, сидели оставшиеся серьезные и молчаливые: старик с лохматыми бровями и ясным взглядом серых выпученных глаз, щеголь в старинном запашном костюме с большой алмазной заколкой в галстук из искрящейся парчи, еще один старик, одутловатый и сумрачный, в черной мантии и маленькой черной шапочке на затылке, какой-то обрюзгший тип с свиным лицом. Как быстро они проснулись, оделись, собрались вместе. Странно. Только очень серьезная причина могла заставить их сделать это. Значит, они узнали? От кого? Как? Почему?!

Снаружи били, колотили, пытались ворваться к нему в камеру, уже начали прожигать броню. Но Иван не отвлекался.

Теперь он видел, как из тягучего сгущенного воздуха над круглым столом начинали проступать все четче очертания огромной трясущейся, дрожащей, трепещущей студенистой твари со множеством длинных отростков, вытянутых к сидящим вокруг. Иван видывал и таких, много, они властвовали над черной мертвой Землей и таились в ее покровах, в ее глубинах, управляя выползнями и прочей нежитью. Но откуда такая гадина могла взяться здесь, в 2472-ом году, когда Пристанище было еще в странствиях, когда ему не должно было быть выхода в мир?! А откуда взялись черви?! Все оттуда же! Вот они, подлинные властители Земли! «Серьезные» и Синклит лишь тени, слуги, исполнители. А правили эти! Всем правили – и Объединенной Европой, и Всеамериканскими Штатами с их Особой Исполнительной Комиссией, и Мировым Сообществом, и Федерацией, и даже, косвенно, через своих холуев-властителей Великой Россией, всеми ее землями и планетами, всем ее людом. Вот она – разгадка могущества и всеислия Тайного Мирового Правительства. Власть из преисподней! Черный Мир бился веками, тысячелетиями – и он нашел выход на Землю... а значит, все огромное, непостижимо сложное, чудовищное, и уже сокрушенное Пристанище было лишь частью системы, частью той же Преисподней. Иван сдавил голову ладонями. Земля лишь часть Пристанища. Так ему внушали. А Пристанище лишь видимая, надводная часть огромного айсберга, скрываемого черными водами Океана Смерти! оно лишь маленькая радужная и всевидящая головка

дракона, змея многоглавого, следящего за всем сонмом миров Мироздания, но сокрытого в таких мрачных и немислимых глубинах, что и представить нельзя. Какая трагедия!

Он вспомнил про Гуга и Кешу. Надо идти им на помощь, потом будет поздно. Выродки подождут, и гадина зудящая подождет.

Иван ворвался в ад побоища, когда в нем ничего понять было невозможно – маленькая кучка андроидов зверски избивала, истребляла, раздирала в клочья целую армию других андроидов, людей, биоробов, киберов. Причем, изничтожаемых было в три раза больше, чем поначалу. Сотни четыре трупов валялись на полу повсюду и в самых жутких позах. Иван остыл, сообразив, что его вмешательства не требуется. Но Гуга и Кешу он увидел не сразу. Оба лежали среди искалеченных тел возле самой стенки с нишами, Хар зализывал распоротую Кешину грудь. Гуг сипел, хрипел, пучил глаза. Из рта у него стекала струйка крови. Ни Гуг, ни Кеша не могли вымолвить ни слова, умахались, уработались, Иван это сразу понял.

Зато оборотень Хар провыл в лицо:

– Загида! Он вышел... и он погиб. Я теперь один. И владычица отказалась от нас. Я оглох, ослеп, я не вижу ее!

Иван присел рядышком, отпихнул обрушившееся на него тело вертухая.

– Правду, говорит, – подтвердил, еле ворочая языком Кеша. – Вот они, трогги Загиды, бьют гадов!

Иван вспомнил все сразу: тогда, в момент высшего перенапряжения всех сил, не смея не выполнить порученное, храня «отца троггов» Иннокентия Булыгина, оборотень Загида свернулся в гранулу, затаился в Кешином теле. Теперь он вышел, он увидел своим нутряным взором, что приходит Кешина смерть. И он вышел на погибель. Он вынес с собой оставшиеся капсулки зародышей. И они довершат начатое. И вообще, все вместе, и Кеша, и Гуг, и Хар с Загидой, наделали здесь такого переполоху, что весь Дворец на ушах стоял. Проще его было глубинным зарядом заранее раздолбать, до исхода выродков... Нет, не проще, ведь тогда в руках Ивана не было всей мощи Великой России, да и черви все равно бы ушли, вселились бы в других, может быть, и в него – он был близок к этому, тогда, после переворота, недаром Авварон зубоскалил и ехидничал. «Он внутри тебя!» Лгал бесеныш. Шестое Воплощение Ога Семирожденного! Гнусь! Мерзость! Из-

за этой мерзости, чтобы познать ее тайну, погиб в проклятушем Дворце, в его развалинах отважный и дерзкий Сигурд. Да и прочие, в конце концов, погибли из-за того же. Замкнутый круг.

– Ну и подставил ты нас, Ваня, – просипел Гуг, пытаюсь приподняться на локтях. Потом выдохнул облегченно: – Зато душеньку отвели! Спасибо тебе за приглашение на прогулку!

Иван улыбнулся – впервые за много дней. Трогги-андроиды добивали вертухаев всех мастей. И сами ложились костьми. Прав был Хар.

– Мне теперь только умереть, – просипел оборотень. Он сейчас больше походил на вытасченную на берег вялую и плавникастую рыбину, чем на «зангезейскую борзую».

– Терпи, Харушка, прорвемся, – начал его успокаивать Кеша и закашлялся. Ему было тяжело без внутреннего защитника, посланного королевой Фриадой. Но Кеша умел выносить тяжести и невзгоды.

– Ну, ладно, продержитесь еще немного! – попросил Иван. – А я скоро вернусь.

Он знал, что, хоть и прозрачен он для всех локаторов и щупов Дворца, но по реакциям окружающих, по его «работе» за ним следят, не спускают пристальных глаз, держат на прицеле. Ну и пусть. Сейчас он сильнее их. И пока силы не покинули его, надо действовать.

Он возник в сферическом зале в тот миг, когда длинные прозрачные щупальца уже касались голов и шей сидящих за светящимся черным огнем столом из иргизейского гранита. Клыкастые и языкастые гиргейские гадины тарачили свои кровавые глазища из-под абсолютно прозрачной поверхности гидропола – руки иной вселенной, погибшей от Большого Взрыва. Черви! Да, именно черви, управляемые червями! Не в них сейчас дело. Он успеет раправиться со всеми. Важно не дать уйти студенистой твари.

Иван с ходу перешел в Невидимый Спектр. И невольно замер.

Вместо медузообразного спрута над столом висела тьма, просто сгусток мрака. Он и ожидал этого. Но... но надеялся увидеть иное. Преисподняя! Это она!

– Прочь!!! – испустил он беззвучный крик.

Ему не надо было выбирать из пространства Белую Силу, теперь она жила в нем самом. Но он понимал, что эта тварь, этот сгусток, совсем не то, с чем запросто расправлялись они

на черной Земле, там были тени, там были копии настоящих выходцев из преисподней. С этой так легко не обойдешься. Он почувствовал, как дрогнул мрак под напором Белой Силы, как начал истекать... да, он не убивал тварь, он не мог ее убить, он лишь изгонял ее. Изгонял, несмотря на отчаянное сопротивление, борьбу – она уходила в преисподнюю, в миры иных измерений, заряжая силой сидящих вокруг черного стола. Сейчас, в Невидимом Спектре, эти тени еле просматривались, лишь черви в их головах мерцали тусклым, зеленоватым свечением. Прочь!!!

Иван вырвался на свет, под своды зала. И увидел, что зудящая тварь растворяется в воздухе, уходит. Он пересилил, превозмог ее.

Но и сидевшие зачарованными вдруг поднялись. Увидели его.

В отвратительных, преисполненных брезгливостью и гордыней лицах не было страха. Выродки больше не боялись мстителя. Они были сильны. Им не нужна была никакая охрана, никакая служба слежения. С четырех сторон, растопырив руки, они пошли на Ивана. Страшные своей уродливостью и кажущейся немощью, будто восставшие из прогнивших могил мертвецы.

Иван не стал выжидать. Он прыгнул к щеголю с алмазной иглой, ударил кулаком в подбородок, ударил в полсилы, достаточной, чтобы остановить мчащийся на всех парах бронеход. Щеголь отшатнулся назад, ослабил, щеря редкие зубы. И снова пошел на Ивана. Потусторонняя тварь не напрасно накачивала их.

Кольцо сжималось.

– Сейчас ты сдохнешь, слизень! – прошипел с нечеловеческой злобой ясноглазый старик, с которым они вели долгие беседы, когда Иван был распят на плахе, он все помнил, особенно этот чистый, незамутненный, но потусторонний взор.

Старику и достался второй удар. Иван бил ногой в живот. Потом добавил косым ударом в висок. Рано они его хоронить собрались.

– Получай, гад!

Старик упал на колени, выплюнул кровавый комок. Но тут же встал, кинулся на Ивана. Он не смог сбить его с ног, Иван устоял. Но другой старец, сбросив с себя черную мантию вцепился острыми, невесть откуда появившимися у него когтями в Иваново горло. Сила в старцах была нечеловечья.

Они отвлекли его. А обрюзгший, с свиной рожей, ударил в затылок. Щеголь ухватился за волосы, рванул назад, пытаясь сломать шею.

И все вместе рухнули на черный, прозрачный гидропол.

Теперь Иван отбивался изо всех сил. И не мог отбиться. Каждый в отдельности из «серьезных» был слабее его. Но вместе они брали верх. Они валили его снова и снова, начинали терзать – если бы не щиты Гефеста и барьеры Вритры, они давно разорвали бы его в лоскуты. Но острые когти вырождков начинали пронзать и защитные покровы. Иван задыхался. Бой стоил ему чудовищного напряжения. Он наносил ответные удары как в глухую стену, не причиняя вреда вырождкам. Он был готов уже звать на помощь. Но кого? Кто мог ему помочь?! Иди, и да будь благословен! Никто не закроет перед тобою открытой двери! Память прожгла мозг.

Но в этот момент его снова сбили с ног, навалились не весом четырех старческих тел, а всей тяжестью преисподней. Это было пределом. Это было боем за гранью возможного.

И все же Иван успел ухватить ближнего к нему, ясноглазого старца за затылок, собрал всю силу оставшуюся, послал ее в руку свою, в пальцы и, с хрустом раздавив череп, выдрал из головы ясноглазого здоровенного толстого червя, не выжидая ни мгновения, не разглядывая, сплющил будто в стальных тисках головку с алыми глазищами, и отшвырнул от себя труп. С одним было покончено.

– Уйдет! – прошипел другой старец, в шапочке.

И упал отброшенный. Иван уже поднимался на ноги, вставал, пошатываясь и обливаясь кровью. И на силу, сила нашлась! Теперь он знал, как их можно бить. На всякий случай демонстративно раздавил тельце уже дохлого червя каблуком. И пристально поглядел на обрюзгшего.

Он уже собирался покончить с ним, когда услышал за спиной, над черным столом зудение: из марева и плавящегося воздуха начинали проступать очертания здоровенной гадины с трясущимися отростками, эта была втрое больше прежней, отвратительней и гаже. И пришла она во Дворец, в этот жуткий зал смерти, не для того, чтобы просто поглазеть.

В отчаянном прыжке Иван успел сбить с ног обрюзгшего, повалил его, сам ощущая, как сзади наваливаются двое оставшихся, как начинают рвать его когтями, бить. И все же он раздавил череп, выдрал еще одного червя, чуть поменьше первого... Воздуху не хватало. Его душили, выдавливали гла-

за, разрывали. А зудящая тварь медленно приближалась, чтобы накрыть своей черной тенью.

Иван раздавил червя. Отбросил.

И успел прохрипеть:

– До встречи!

Тело еще слушалось его, оно растворилось под когтями и лапами, ушло на другой ярус, где сидели, привалившись к стене Гуг и Кеша.

Они поначалу не узнали истерзанного Ивана. А потом, через секунду, Кеша повел глазами на нечто непонятное и жалкое.

– Хар помер, – сказал он.

Иван вздрогнул. Еще одна смерть. Но плакать не время.

– Надо уходить! – прошептал он.

– Куда?

– Назад, в бункер! Хара сожги!

Кеша встал. Он был готов уйти, но рука не поднималась расправиться с останками оборотня, ставшего за годы скитаний верным ему другом. Гуг Хлодрик сам вскинул лучемет.

– Мир праху его, – сказал он.

Полыхнуло сиреневым пламенем, и осталась лишь горстка пепла, но и она взметнулась под струей воздуха, развеялась среди сотен трупов, в месиве и крови.

– Уходим!

Иван крепко ухватил друзей за запястья, притянул к себе. Их облепило серым липким туманом, когда в помещение ворвались старец в черной шапочке на затылке и щеголь с алмазной иглой, вслед за ними плыло в зудящем воздухе студенистое чудовище.

– До встречи! – еще раз прохрипел Иван, уходя из Дворца Синклита, уходя из 2472-го года от Рождества Христова.

Два дня они лежали в бункере, зализывали раны.

На третий Иван решился. Иногда, как и сейчас, в и д е т ь для него было страшнее, чем идти самому на смерть. Он долго оттягивал этот час. Но дольше тянуть было невозможно.

– Как там наш черный Дил сейчас? – вспомнил вслух Кеша, лишившийся сразу двух помощников, Хара и Загиды. – Ушел горе мыкать!

Система была далеко. Но Иван сумел настроиться. Сумел уйти из мира земного. То, что ему пришлось увидеть, не при-

бавило радости. Часа четыре он молча смотрел в серую стену. Потом сказал глухо:

– Нету Дила. Погиб!

– Как это? Откуда ты знаешь?! – не поверил Кеша.

Но Гуг Хлодрик поглядел на того сурово. Он знал, что Иван не врет. Он хотел услышать правду.

– Дил пробился в Систему, – поведал Иван. – Уклонился от боя с флотами, проскользнул к обиталищам вырожденцев, этих бессмертных старцев. Он успел выжечь половину гадюшника, половину змеиного гнезда, он совершил невозможное...

– Ну что ты как на панихиде! – перебил его Кеша. – Не тяни!

– Они вышвырнули его в Осевое и взорвали там вместе со «Святогором». От него не осталось даже дыма, как от твоего Хара! Но не это главное, Кеша, не это! Главное, что он переиграл их! Он заставил играть по своим правилам на их поле! Это я был там жалким и беспомощным комаришкой! А он ворвался в Систему ястребом. Он сам пошел на смерть.

– Мы все смертники! – вставил Гуг Хлодрик и как-то особенно тоскливо заглянул Ивану в глаза.

– Сплюнь! – машинально отозвался тот.

Он много мог рассказать о последнем часе Дила Бронкса, Неунывающего Дила. Но в этом часе было столько страшного, не описуемого словами, что Иван не стал терзать души друзей. Их осталось трое, всего трое. Но уже в том, что они продержались дольше всех прочих землян, была их победа.

Часа полтора они молчали. Кеша с Гугом пили водку, поминали черного Дила, весельчака и балагура, тысячи раз ходившего по самому краю, остепенившегося было... и сорвавшегося в пропасть. Дил отомстил гадам за свою Таёку. Сторицей воздал им.

Потом Кеша задремал.

А Гуг Хлодрик встал, потянулся, напялил полускаф. И сказал:

– Пойду разомнись немного.

– Не ходи, – попросил Иван. Ему было тревожно. Он все время прокручивал в мозгу ход последней операции. Он не мог допустить подобного в будущем. Иначе какой он Меч Вседержителя, иначе он – жалкий неудачник! пустое место!

– Нет уж, Ванюша, не отговаривай, – стоял на своем Гуг, пристегивая чехол сигма-скальпеля к бедру, – мы как вернулись из логова, ни разу и носа не высовывали наружу. А там,

небось, повеселее стало. Надо поглядеть. Да может, и за Дила покойного кому голову сверну набок, тоже дело!

Иван не нашелся, что сказать. Надо было идти вместе со старым приятелем. Но надо было и подумать кой-над-чем. В Старом Мире все было просто и ясно, там голова работала лучше планетарного «мозга» – четко, быстро, молниеносно оценивая обстановку и принимая единственное решение. Сейчас ему казалось, что снова спешка губит дело. Почему его потянуло именно в этот 2472-ой год? А почему не на десять лет раньше, не на пять позже?! Почему он не решается идти к истокам... и где их искать? может, с начала времен, а может, после Божественного Дыхания и разделения на людей и двуногих? Но тогда еще ничего не было. Слишком рано! А он хотел надежно, наверняка, чтобы свернуть голову уже созревшей гидре, чтобы не дать зарождающейся гадине обмануть его, выскользнуть из рук мстителя, пойти другим путем, поползти другой тропкой. До него начинало доходить, что не было такого дня, когда сразу, настезь раскрылись двери и каналы из мрака на Землю, в белый свет – преисподняя просачивалась постепенно, прокалывая тончайшие, волосяные ходы, проникая поначалу не в мир телесный, но в души. Да, именно по этому Черная Черта и проходит сквозь души людские, рассекая их и пронзая. Но из души не вырвется в дрожащем мареве расплавленного воздуха потустороннее чудовище, ему нужен лаз пошире! Где начало этого лаза? И когда был заложен Дворец? Все делалось в тайне, но теперь для него нет тайн. Для него одно остается загадкой – где именно начинает действовать причинно-следственная связь, какое звено из страшной, бесконечной цепи он должен вырвать, чтобы цепь оборвалась, чтобы выродки, а вместе с ними и созданная ими Система канула в бездну небытия. Вот вопрос вопросов. Чуть раньше во времени, и цепь нарастает новым звеном, не обрывается, а лишь видоизменяется, ведя к тому же, а может, и еще более страшному концу. Чуть позже – и звено уже несокрушимо, об него можно обломать зубы... А силы таят. Сроки исходят. Скоро он станет обычным смертным, не наделенным благодатью Творца и волей изблюбленных чад Его, созданных по Образу и Подобию. Он не имеет права метаться туда-обратно. Он может уйти только туда, вниз, вглубь, в века и годы... Вынесет назад, хорошо. Нет, стало быть, такова судьба. Но он не сможет уйти один. Он не

сможет бросить здесь, в серой гиблой пустыне, где властвуют трехглазые и пауки, Гуга и Кешу.

– Пойду погляжу, где там Гуг пропал, – просипел, будто уловив ход Ивановых мыслей, заспанный и отекший Иннокентий Булыгин.

Иван кивнул. Он все думал свою думу. Не ползти по следу. Но подняться в выси! Лишь тогда он узрит истину. Ведь он ее уже знал... и вот, растерял в суете, среди смертей, боли и пожаров.

Кеша вернулся быстро. Сгорбленный, с трясущейся челюстью и безумными глазами. Голос у него дрожал, да и какой это был голос, сил্পый шепот:

– Он там... там! – цедил Кеша.

Иван вскочил на ноги. Еще не понимая ничего толком, но чувствуя, что случилось непоправимое.

– Пошли!

Наружу он выскочил как был, в серой распахнутой рубашке, штанах и сапогах, безоружный, взвинченный, Кеша плелся за ним, указывая рукой из-за спины.

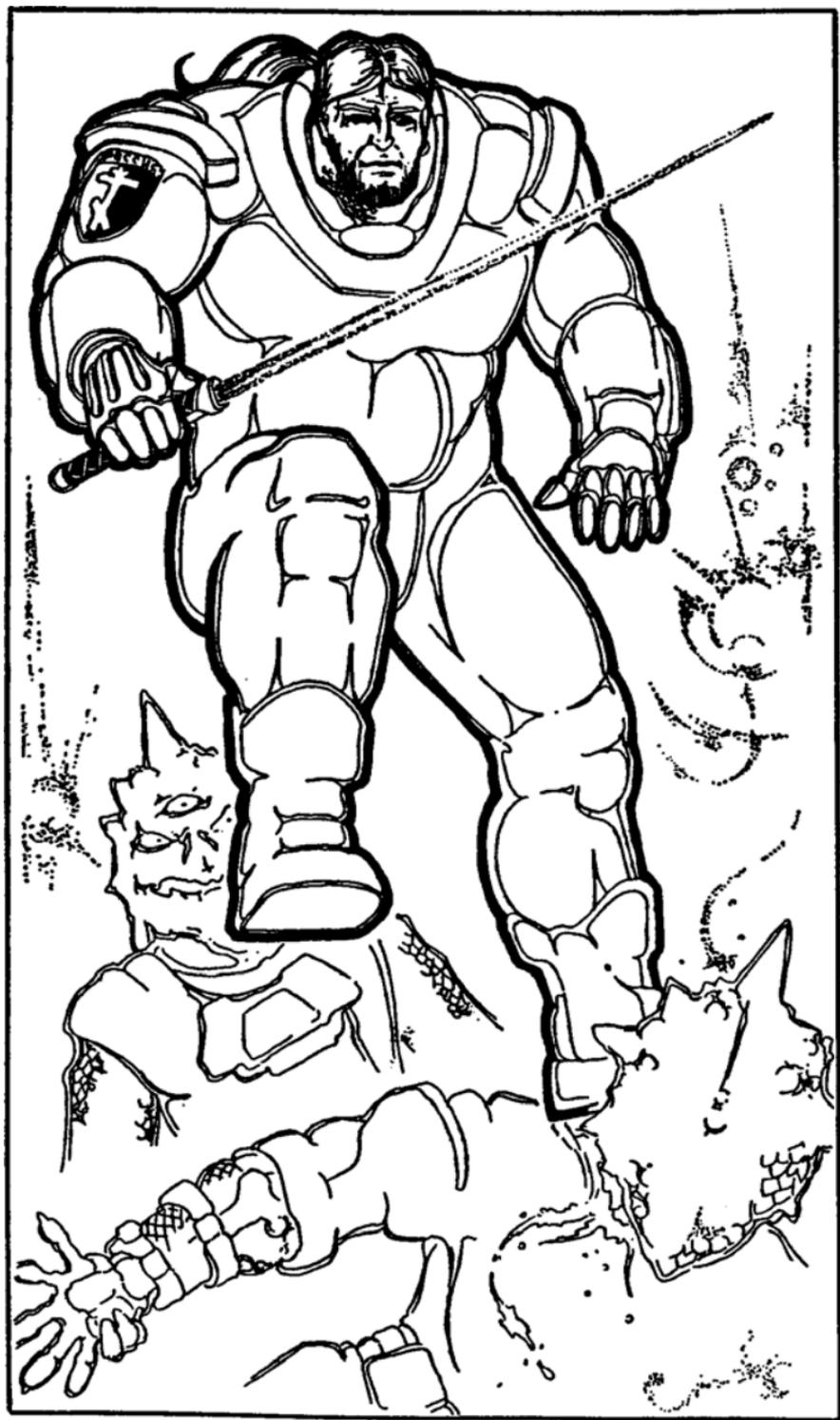
– Там!

Ивану уже не надо было ничего указывать. Сквозь клубы оседающего тумана, мерзкий грязный воздух, наполненный испарениями и трупными запахами, он увидел обгорелый ствол огромного когда-то дуба, торчащую головню в три обхвата. Гуг-Игунфельд Хлодрик Буйный, космодесантник-смертник, благородный разбойник, бунтарь, беглый каторжник и его лучший друг, висел на этой головне вверх ногами – висел распятый, прибитый здоровенными гвоздями, уже безнадежно мертвый, с выпученными, налитыми кровью глазами, с развороченным животом и свисающими вниз кишками – большой, грозный даже после смерти, непобежденный. Рядом, вокруг обгорелого дуба, валялось около десятка изуродованных трупов с переломленными хребтами, раздробленными черепами, лезвиями скальпеля, вбитыми под пластины. Прежде, чем его распяли, Гуг Хлодрик отвел душу.

Они осторожно сняли тело. Отнесли в заброшенную штольню за бункером, засыпали ее щебнем и обломками стены. Склеп получился неважный. Но где они могли найти могилу лучше!

Когда все было закончено, Кеша ухватил сигмамет, бронбой. И сказал:

– Все! Пойду крушить сволочей!

Вид у него был свирепый и решительный. Но Иван преградил путь.

– Эти сволочи, – сказал он почти шепотом, но твердо, непреклонно, – куклы, марионетки, которых дергают за веревочки. Мы пойдем крушить тех, кто дергает. Понял меня?!

Кеша забился в угол, отвернулся к стене. Он думал не о предстоящей вылазке, он думал о судьбе-злодейке, о мертвом Гуге: еще недавно пол-Европы в страхе держал, такими управлял делами, ходил, дышал, ругался, ром пил, а теперь лежит под щебенкой и прочим мусором.

– Как пса бездомного зарыли, – наконец подытожил он.

Иван покачал головой.

– Ничего, будет ему еще и памятник и надгробие, дай срок!

Ликвидация двух вырожденцев ничего не изменила в мире, пожалуй, стало еще хуже. Мутанты плодились и размножались, как и было задумано, отчаянно боролись за существование, истребляя друг друга, а иногда нападая и на гмыхов, хмагов и гнухов. Времена грандиозных феерических побоищ закончились. И теперь далекие полумертвецы Системы наслаждались охотой за уцелевшими людишками, за беглецами, прятавшимися подобно Ивану с Кешей по норам да дырам. Трехглазые не хуже натасканных охотничьих псов шныряли по подземельям и лабиринтам, расставляли капканы, обкладывали «дичь». Трехглазые давили сверху. А снизу бедных, полубезумных, потерявших человеческий облик от лихой жизни хомо сапиенсов выдавливали наверх более приспособленные, пучеглазые и клювастые, новая раса. Из бездонных глубин лезли черные пауки, поджидали неосторожных, утягивали вниз, засасывали живым болотом, кто б ты ни был – человечишка, мутант или трехглазый громила. Пауки пожирали всех, множились и зверели от выпитой крови. С Землей было покончено. Но не лучше дела обстояли и на Гиргее. Иван все видел. Наступал полный крах. Две тысячи боевых шаров кружили над свинцовыми водами планеты-каторги. Еще две тысячи покачивались меж крутых черных волн, из них больше половины были разбиты, сожжены, продырявлены, но они не шли ко дну, они нависали страшными надгробными плитами. На восемьдесят миль вниз все уровни и зоны были залиты кровью, завалены трупами бившихся до последнего каторжников. Где-то в неммыслимых глубинах еще держались израненные, полуживые Керк Рваное Ухо и Сидор Черный, дер-

жались, берегли последнюю пулю в стволах для себя. Трогги с Фриадой ушли в Провал, поближе к дозрывникам – туда ни одна тварь в Мироздании не сунется, там нет ничего живого, а стало быть, разговор короткий. Пропали бедные оборотни! Иван ничего не стал говорить Кеше, с него и смерти Хара хватит. Зангезея безжизненным лиловым шаром висела в Черной Пропасти... Игра была сделана!

– Слушай, Иван, – хрипло выговорил Кеша, вышедший наконец из оцепенения, – я знаю, что надо делать.

– Что?

Кеша разгладил ладонью свою нечесаную бородищу, сощурил глаза для пущей важности и выдал:

– Надо вернуться в тот день, когда ты был Верховным, когда принимали решение о глубинном ударе. И шарахнуть не половинным, а в два или три заряда! Да на неделку раньше, пока выродки еще не смотались в Систему. Я так думаю.

– Хорошо ты думаешь. А пауки? А лупоглазые, новая раса? А Черное Благо?! А все прочие выродки, которые не подо льдами сидят, а в Форуме, в Исполнительной Комиссии, в Совете Федерации, по планетам... С ними как быть?!

Кеша ударил себя кулаком по колену.

– Тьфу ты, мать их! – выругался он и сплюнул на бетонный пол. – Ежели так, то ни хрена мы с ними вообще не делаем!

– А ты не спеши, мы теперь дергаться не будем, – очень спокойно сказал Иван, – мы теперь по лесенке пойдем, по ступенечкам.

Кеша не понял.

– Какая еще, к дьяволу, лесенка?! – раздраженно спросил он.

– Лесенка, ведущая по времени вниз. А начнем мы с визита в гости к твоему старому и доброму знакомому. Забыл, небось, адмирала?

Кеша округлил глаза.

– Как можно забыть! – удивился он.

Адмиральская каюта была по-прежнему величава и великолепна. Сам седоусый командующий Вторым Межзвездным утопал в огромном кожаном диване под огромными картинами в золоченых рамах. Адмирал был жив, здоров и бодр. Его еще не распяли. И «Ратник» еще не упал в огнедышащее пекло.

Но Ивана с Иннокентием Булыгиным, выявившихся прямо перед ним из воздуха, адмирал не узнал. Он их и не мог узнать, он их еще и в глаза не видывал. Много всяких гостей бывало в этой каюте «Ратника». Не было только незваных, все-таки боевой флагман, не баржа и не «пассажир».

Однако удивиться адмирал не успел.

Иван пристально уставился на седоусого и румяного старика в белоснежном, вызолоченном мундире. И тот, насупившись, надув важно щеки, спросил:

– Ну, что еще там удумал Верховный? Комиссаров все шлет!

– Так точно, – подтвердил Кеша. – Инспектор Булыгин лично к вам с особо важным заданием!

Иван тихо вышел из каюты. Кеша теперь сам разберется, что да как. А его дело обеспечить снятие блокировки, потому что «комиссары комиссарами» с их «особо важными заданиями», которые надлежит выполнять четко, расторопно и безо всяких там рассуждений, но если коды не будут сняты с Земли, ни один снаряд, ни одна ракета не выйдет из пусковых шахт боевого корабля в сторону планеты-матушки. Да еще к тому же, коды дублируются тройной блокировкой, на всякий случай. Иван не собирался подыскивать ключи, ему надо было взломать блокировку на несколько секунд. И потом успеть туда, вниз. И он успел.

На этот раз он не оставлял «серьезным» ни малейшего шанса. Он перешел в самого себя, сидящего перед ними за низеньким длинным столиком, светящимся изнутри. Все было как тогда. И черный огонь играл по сферическому залу, разливался лиловыми бликами, и уходил вниз, глубоко-глубоко, океанариум гидропола. И все они были еще живы, даже круглолицый и старик с ясным взором... как давно это было! вечность прошла с тех пор! А теперь все по-новой!

– Мы предлагаем вам глубокий поиск. Очень серьезное задание! – сказал круглолицый.

– Я слышал про это, – повторил Иван уже сказанное однажды. – Давайте конкретнее!

Чудовищная рыбина под ногами облизнулась пупырчатым зеленым языком, и в ее кровавых глазах проблеснул огонь потустороннего, нетелесного разума. Иван подмигнул ей, мол, следите, записывайте, пусть эта встреча сохранится в веках. Но вмешиваться – не смей!

– Хорошо! – круглолицый энергично потер свой перебитый широкий нос. – Координаты: Альфа Циклопа макросозвездия Оборотней...

– ...галактика Черный Шар, метagalactика Двойной Ургон, семьсот девяносто семь парсеков плюс переходная разгонная зона, закрытый сектор? – продолжил Иван скороговоркой.

– У вас отличная память.

– У меня, действительно, очень хорошая память, – медленно и четко выговорил Иван, нарушая прежний ход беседы, – и я еще не кончил. Итак, планета Навей, периферийный сегмент Пристанища, Чертоги Избранных...

Глаза круглолицего остекленели. Он подался вперед. Щеголь переглянулся с обрюзгшим, привстал. Оба старика, и тот, что был в мантии и черной шапочке на затылке, и худой с ясным взором, окаменели, уставились на Ивана настороженно и люто. Они пытались понять, откуда этот смертник может знать то, чего ему знать не положено, чего он знать никак не должен.

– ...программа: внедриться в Пристанище, – продолжал Иван, – тайная программа, закладываемая в подсознание, программа, о которой я ничего не должен знать. И еще сверхпрограмма: уничтожить Первозурга, единственное слабое звено в замкнутой системе, и тем самым сделать Пристанище несокрушимым и вечным. Так?!

– Убейте его!!! – истошно завопил круглолицый.

Но было поздно. Это тогда барьер был для Ивана преградой. Сейчас он пробил незримую стену, отделявшую его от «серьезных», будто мыльную пленку. Пятью короткими, резкими ударами он отправил выродков на тот свет, не канительясь, не затягивая омерзительного действия, лишь после этого, не обращая внимания на бешенную пальбу, открытую охраной, он склонился над каждым, выдрал из загривков и черепов извивающихся гадин, раздавил их, растоптал, превратил в грязное жидкое месиво под каблуками. Он расправился с недодьями в считанные секунды.

И повернулся к охране:

– Проваливайте отсюда! – сказал он прямо в огонь, изрыгаемый в него всеми стволами и раструбами. – Через три минуты от этой берлоги не останется и мокрого места!

И исчез.

Разрыв глубинного заряда обратил Антарктический Дворец Синклита в облако раскаленного газа, не оставляя и следа от циклопических строений, уходящих вглубь и в стороны, на десятки миль. Четыре красных шарика с невидимой меж ними сетью вобрали газ в свои полости и вышвырнули его вон из Вселенной.

– Красиво экзот работает, – с восхищением выдохнул адмирал и разгладил пышные усы. – Прежде такого не было. Прежде топорно дела делали. Но большие дела, великие. И люди были подстать, богатыри, не мы!

Кеша тоже был доволен ювелирной работой «пушкарей» флагмана. На этот раз воды мирового океана почти не колыхнулись, сколько объема ушло в газ, в пустоту, столько торчавших поверху льдов и расплавили, ухнули их исполинскими водопадами в дыру.

– Главное, надежно! – поддакнул Кеша величавому старику. И одновременно пожалел его, ведь когда все раскроется, несдобровать адмиралу, не было никакого «особо важного задания», погонят его с должности, еще и за решетку загремит, или в действующую армию рядовым, на Аранайю, скажем.

– Ничего не будет, – прочитав тоскливые мысли, отозвался Иван. Он сам только-только возник возле Иннокентия Булыгина. – Некому его наказывать-то! Пока вы здесь любовались своей работенкой, я всю верхушку передал, с Форума и Комиссии начиная и кончая кремлевским выродком с его мразью вкупе! А мелочь сама передохнет без паханов, со страху передохнет!

Иван взял с длинного резного стола огромную хрустально-граненую бутылку русской водки и на глазах у недоумевающего адмирала поочередно подставил под стекающую струю руки, так всю и вылил, стряхнул капли с пальцев, вытер о белоснежную кружевную скатерть. Работенку пришлось работать грязную. Но именно такая и делает мир чище.

– Мелочь она живучая, – философски заметил Кеша. И успокоил взглядом румяного, доброго старика, мол, все в порядке.

Сегодня Иннокентий Булыгин, ветеран тридцатилетней Аранайской войны и беглый рецидивист, был доволен собою. Он отомстил. И за Гуга Хлодрика, с которым парились на одной зоне, в одной каторге, в за Хара-бедолагу, что пострадал вообще безвинно, за людей-человеков, без которых он бы

прожил счастливо еще тыщу лет, и за искалеченного унылого Дила Бронкса, с которым он то был на ножах, то куролесил на пару, и за грустного карлика Цая, перебунтовавшего всю каторгу, вечного беглеца и страдальца... за всех! Они так врезали в самую сердцевину, в самое гнездовище гадюшника, что вовек выродкам не отстроить там нового дворца! И холоуям их, вертухаям, поделом! Кеша вспоминал, как его мордовали в лагере на Дартагоне, гиблой планетенке аранайской системы. Он тогда только что выполз из боя, израненный, с отрубленными кистями, обескровленный... а они его в лагерь. Свои! Это теперь он понимал, что никакие они не свои, что за спинами у них, бойцов, мучеников, пушечного мяса, сидели выродки. Это они развязали саму войну, доведя туповато-вспыльчивых туземцев до белого каления, вооружив их, растравив былые раны – и схлестнули несколько кланов-родов, потом бросили землян на усмирение, специально будто, чтобы истребляли самих брошенных. Тридцать лет лютой бойни! Тридцать лет дичайшего истребления самых здоровых, молодых, красивых, верящих во все, чистых... Они хихикали за их спинами, они глумились над «быдлом», они, пославшие их на убой, умудрились сделать из них же, обреченных, самое настоящее пугало для всего мира, особенно для молодых. Кеша начал понимать всю подноготную еще там, он тихо выл от несусветной подлости. И ничего не мог поделать. Он не мог вырваться из кромешного ада аранайской войны. Но он знал, кто во всем виноват. И он мстил все последнее время. А сегодня он отомстил выродкам сполна! Кеша блаженно улыбался. Теперь огонь в груди его погас. Теперь ему некуда рваться. Свершилось! И плевать на все смертные барьеры и на саму смерть. Ради этой минуты стоило жить на проклятом и диком белом свете. Стоило уйти из дому мальчонкой, уйти в неведомое и страшное. Стоило проливать кровь и пот, драться, умирать, кричать от боли, бежать в атаку, спать в мерзлых окопах, сносить пытки в лагерях, махать гидрокайлом на зоне, бузить, снова попадать в каторгу и снова драться, лить кровь. Стоило! Он смотрел на огромный обзорный экран и видел на нем голубую, красивую планету, Землю-матушку. И не было на этой планете язвы, раковой опухоли, черной метастазы. Он, Иннокентий Булыгин, ветеран и каторжник, вырвал к чертовой матери эту опухоль, и никогда не станет Земля черным, омерзительным червивым плодом, висящим в Черной Пропасти. Никогда!

– Нам пора, – Иван вывел Кешу из пелены забвения.

Они пожали могучую ладонь старику-адмиралу. Кеша поуставному застегнув драный комбинезон распорядился, чтобы «флагман возвращался в место прежней дислокации». И чтобы лишний раз не будоражить заслуженного человека, вышли обычным способом, через двери, растворив высоченные створки, белые и золоченые.

Беспощадное и молниеносное лезвие сигма-скальпеля полосануло чуть выше плечей. Ивану ожгло шею. Он отдернулся. И только после этого увидел бледного и растерянного Крежени с еще не остывшей злорадной ухмылкой на губах. Крежень был сообразительный, за миг он понял, что ничего не вышло... Второго мига Иван ему не дал. Он расплющил голову Седому о бронированную переборку. Но не смог остановиться – ударом ноги сломал ребра, потом переломил хребет, ухватил за короткие волосы, заглянул в мертвое лицо, объятые застывшим ужасом. И отбросил тело Говарда Буковски от себя.

– Иван... – тихо пролепетал лежащий на полу Кеша.

Он умирал. Это было видно. Страшная рана рассекала горло, грудь, пах. И ничего не было под рукой.

Иван бросился на колени, приподнял Кешину голову, прижал к груди. Но Иннокентий Булыгин, его последний друг и товарищ, был мертв.

В распахнутых дверях, привлеченный шумом, стоял седосый адмирал. Он немо открывал рот, будто рыба, выброшенная на берег.

А Иван все прижимал к себе холодеющую голову. И плакал, не стесняясь своих слез. Он знал, ничего не вернуть. Ему не дано вернуться в прошлое, застать Кешу, угрюмого и доброго Кешу, живым, вернуть сюда, или убить заранее подлеца Крежени, работавшего на Синклит... Мелочь сама передохнет, вспомнились ему собственные слова. Нет, не передохнет! Мелочь займет места паханов, заслужит чести от потусторонних гадин, чтобы ей вживили червей в мозги и будет властвовать, упиваться властью над двуногими! Эх, Кеша, Кеша! Иван поцеловал мертвые, плотно сжатые губы. Бессмертный, сигающий через барьеры Кеша! И так влип. Он и сам бы влип, если бы не Старый Мир, если бы не волхвы – острое скальпеля прошло по кадыку, да ведь подлый Крежень не знал, что он в невидимой броне, что его режь не режь, все бестолку. Но и сам Крежень, Седой, он же Говард-Иегуда бен Буковский, ни-

когда уже не восстанет из мертвых. А жаль, его бы следовало еще раз повесить, как это сделал бедолага Цай. Повесить, а прежде вбить осиновый кол в поганое нутро выродка.

Медленно вставая, Иван поднимал, отрывал от пола тяжелое, жилистое и костистое Кешино тело. Бедный русский мужик, он так и не попал в родимый край, в деревеньку свою, брошенную давным-давно. Ничего, зато теперь он вернется на отчину.

– Мне нужен бот, – прохрипел Иван, глядя на адмирала, – самый маленький!

Три дня, не вставая, он просидел над Кешиной могилой, над невзрачным холмиком у самого края сельского кладбища. Сердобольные старушки приносили Ивану поесть и попить. Но он не брал. Он сам глядел на старушек с жалостью, они не ведали, что может случиться. А он ведал. Но в будущее, которое стало для него прошлым, больше не хотел.

Старушки рассказали, что сама Булыгина, мать Кеши, померла годков с восемь назад, так и не дождавшись сына. А может, они путали ее с другой, ведь в местной деревеньке Булыгино каждый третий носил и прозвище такое – текли столетия, летели века, а деревенька жила как и прежде размеренно и степенно, одна из немногих не погубленных русских деревенок.

Нечего человеку делать во Вселенной. Нечего! Уйдешь молодым и здоровым, вернешься в гробу, и может случиться так, что и не вспомнят, кто таков.

Здесь, на кладбище, среди покосившихся и новых крестов, Иван очищался заново, набирал сил. Нельзя долго жить, не касаясь земли, в отрыве от нее. Старая как мир мудрость. К одним она приходит рано, к другим на склоне лет, когда ничего не поправишь, когда остается только слезы лить. А истины бывают просты, да недоходчивы сразу... теперь-то Иван точно знал, что и Кеша был из их Рода, из созданных по Образу и Подобию, но заплутавших по жизни, сбившихся с круга, шалопутных, неприкаянных, блудных сыновей, кои были во все времена на Руси. Последняя опора и надежда. Теперь он остался один. А дело-то не довершено.

Он вытащил на ладони оплавленный крестик, поглядел на него. Странная штукавина время! Оно само избирает – менять ему что-то в пространстве или не менять. Можно разрушить огнедышащую исполинскую гору, срыть ее до основания – и

ничего в будущем не изменится, а можно раздавить какую-нибудь мелкую букашку, а через миллион лет динозавры не вымрут, а напротив, выжрут всех своих соперников в экологической нише под названием Земля, и вся История пойдет другой дорогой. Все так. Надо быть предельно осторожным. Но болезнь – она всегда болезнь, ее нужно лечить, безжалостно выжигая из тела заразу, каленым железом!

Иди, и да будь благословен.

Разве можно благословить на убийство... Иван поднял глаза к синему небу. И ему и впрямь показалось, что зашумят сейчас за спиной дубравы Священного леса, зажурчат прозрачные родники, повеет прохладой и тишиной нездешней, дающей могучую, родовую силу. Можно! Можно благословлять на бой – за саму жизнь, за отчину, за свободу свою и ближних своих, за веру и чистоту светлых душ людских. Ему выпало биться не в рядах бойцов, не плечом к плечу, а в одиночку. Он Меч Вседержителя. Карающий и тихий. Праведный и беспощадный. Ибо не за себя и не для себя. Но чтоб было это синее небо, это полузаброшенное кладбище, эти старушки и деревенька Булыгино, про которую никто на всем белом свете и не слышал. Что ж делать, не он первый... но он может стать последним. Сотни миллионов россов погибли за тысячелетия в битвах и сражениях. А последний удар нанести ему суждено. Пристанище, логово мерзости и нечисти, сокрушено и обращено в ничто, в пустоту. Дворец вырожденков, обиталище земных чудовищ Синклита, развеяно и никогда не возродится... Никогда? Снова гордыня пучит душу. Покуда корни не обрублены, побеги будут тянуться вверх – к черным лучам Черного Солнца. И верно было задумано при живом-то еще Кеше – вниз по лесенке, по ступенькам, вниз, покуда силенок хватит.

Иван поднялся. Постоял молча, поклонился, и пошел в поле, навстречу поднимающемуся нешуточному ветру.

Дорога в Старый Мир была закрыта. Но Иван не чувствовал себя изгоем. Поле дало ему просветление. Встреча же должна была состояться на снежных вершинах. Он услышал Глас. И он шел на него.

Путь к подножию был прост, он перенесся туда в мгновение ока. Но наверх нужно было идти пешком, идти, изгоняя липшие и пустые мысли, идти без отдыха и привала. Семь верст по узким крутым тропам, по ледникам, по склонам и

отвесным стенам. Он должен был подняться так же, как поднимались его прашуры, герои и полубоги, первороссы. И он шел, сняв сапоги, связав их и повесив на плечо, закатав штанины, полоща пропыленную рубаху в стремительных потоках и высушивая ее на собственном теле. Он видел несколько альпинистских групп в полном снаряжении, карабкающихся к вершинам. Каждый сходит с ума по-своему. Ему не нужны были тросы и ледорубы. Он шел не забавы ради. Он шел к самому себе и к Богу. Ибо именно там, на горных вершинах избранные из его племени общались с Всевышним. Оттуда видели они мир земной во всей его полноте, величии и убогости. Иван шел к Небу. Оскальзываясь, падая, обдирая кожу на руках и ногах, взбираясь по ледяным откосам и перепрыгивая ущелья. Он не смотрел вниз, он смотрел вверх. И он добрался.

Седой волхв сидел на каменистом пике, посреди снежных вершин, торчащих остриями ножей – весь мир был ниже их двоих. Иван присел рядом, как равный, ведь он больше не был учеником.

Солнце село за гряды гор, черная звездная ночь накрыла мир саваном. Волхв молчал, глядя мимо взошедшего к Небу. И Иван молчал. Он уже знал, что пока не исполнит возложенного на него, Вседержитель не согреет его Своим взглядом. И путь в Свет ему будет закрыт. И путь во тьму. Он вглядывался в морщинистое и выдубленное солнцем и ветрами лицо волхва. И начинал понимать, что тот явился не из Старого Мира, и не еще откуда-то, он всегда сидит здесь, ушедший от суеты и дрязг. Ему тысячи лет, но он не стареет, потому что он пережил старость и смерть, потому что хоть кто-то же должен сидеть вот здесь в вышине и чистоте, над страстями людскими, алчностью, злобой, завистью, болями, страхами. Он может уйти в Старый Мир, и он уходит туда, не поднимаясь с этого серого камня. Ему многое доступно. Ибо он просветленный.

Солнце взошло и поднялось в высшую точку свою над их головами. Скорбные тени пали на недвижимое лицо волхва.

– Ты видишь эти вершины? – спросил он у Ивана, не разжимая губ.

– Вижу, – ответил Иван.

Они выше остального мира. Но они ниже тебя. Ты можешь озирать их все разом и каждую в отдельности. Что ты еще видишь?

– Они отражают Свет! – сказал Иван, сам не зная почему.

– Видят ли их смертные, ползающие внизу?

– Нет. Они редко поднимают головы вверх.

– Видеть можно душой, не поднимая головы. Они боятся видеть Свет. Он их страшит. Скажи, что видишь еще?!

Иван усомнился, надо ли ему сейчас об этом, под прямыми лучами солнца, здесь. Но все же сказал:

– Я вижу глубокие, самые глубокие пропасти. Все сразу.

– Что ты видишь в них?

– Змей! Клубки змей, их становится больше, они ползут наверх.

– Они никогда не достигнут вершин. Они ползут к неподнимающим голов своих и не воспаряющим духом в выси горний. Ты видишь все пропасти?!

– Да! Все сразу. Их много. И змей очень много, тьма! Они рождаются на дне этих пропастей. Но они не остаются в них. А мир людей лежит посредине.

Волхв легким, еле осязаемым прикосновением тронул сухой ладонью Иваново чело.

– Теперь ты узришь пропасти во времени. Ты поднимешься над ними, чтобы спуститься в них. И истребить змей. Не созерцателем пришел ты в мир. Но воздающим справедливое. Сожми длань свою.

Иван послушался. И увидел, как из сжатой в кулак ладони вырвалось огненной ослепительной струей лезвие сверкающего меча. Оно не было ни стальным, ни алмазным, ни плазменным. Оно было лучом всесокрушающего и всепорождающего света – чистого, страшного для нечисти Света.

Иван разжал кулак. И сияние исчезло.

– Теперь ты можешь спускаться по лестнице, ведущей во тьму веков. Теперь ты постиг главное. И рука твоя не подыметя на безвинного. И ход времен не нарушится, как не изменится рост древа, с коего отсекают лишнее и пагубное. Ступай!

Волхв исчез, будто его и не было. Иван поднял склоненную голову. Может, его и впрямь не было? А были лишь пики, снежные вершины и синее небо?

Горы растворялись в дымке вместе с лучами заходящего солнца. Весь мир растворялся. Он один висел над временем и пространством.

И он видел.

Видел исполинского змея мрачных глубин черного океана. Многоглавого чудовищно огромного потустороннего змея, пожирающего хлипкое Мироздание!

Страшный, бессмертный змей вырождения, просунувший свои маленькие, бесчисленные змеиные головки во все пространства, во все времена и эпохи, в сердца и в души рожденных на краткий миг телесной жизни... Сатанинская гидра! Так было. И так есть. Они отчуждают созданных по Образу и Подобию друг от друга. Они заворачивают каждого в свой кокон. Они сажают одинокого в утлую лодчонку и под миражи мороков и наваждений пускают в бескрайний океан. И из волн океана этого, самая реальная из всего существующего и сама несуществующая в плотском мире, поднимается на тонкой змеиной шее змеиная голова. Сколько душ, столько змей. Черный яд изливается в еще не отравленных. И нет спасения... Зачарованные, во власти морока, умирающие в своих лодках и не видящие ничего вокруг себя. Он и прежде знал все это. Но он не мог связать воедино отдельные бессвязные картинки, он путался, сбивался, искал ускользящую нить. А надо было искать иное.

Теперь он нашел. И теперь он понял, что и бесконечных сил его не хватит в борьбе с потусторонним змеем, что он лишь отсечет часть голов, если судьба будет благосклонна к нему, но никогда... никогда он не будет решать за всех живущих, живших прежде и тех, кто будет жить, ибо разобщены они, ибо пред каждым мерцающий и чарующий леденящий взгляд узких змеиных зрачков – и трудно оторваться от него, чтобы увидеть иное. Трудно!

Но впереди черная, мертвая Земля. И черные пауки с ненавидящими глазами. И пресыщенные, ищущие все новых игр и наслаждений выродки-мертвецы Системы.

Иван почувствовал, что не он спускается вниз, в глубь времен, но само время поползло под ним и вокруг него, со скрипом, скрежетом, стонами, ревом и визгом. Не перемещаться в годах и столетиях, но быть над ними – парящим и готовым ринуться вниз.

Да, он готов!

Вот она первая пропасть, кишашая гадами!

XXIV-ый век. Марево кроваво-багровое, истерический вой, грохот, безумные, сводящие с ума ритмы. Вниз! Он не помнил, как пронесся над половиной мира, его словно расплющило от удара – крыша, невероятно большая плоская крыша – безумный шабаш, десятки тысяч голых и полуголых, одурманенных и безумных с рождения, бесполох, беснующихся вокруг черного двурогого столба... Обычная сатанин-

ская месса. Вальпургиева ночь! Было, много раз было. Они уже крушили притоны Черного Блага!

Нет! Ниже. Еще ниже!

Иван пронзал телом своим этажи двухмильного небоскреба словно раскаленный нож масло. Везде, всюду тряслись в нечеловеческом экстазе ищущие наслаждений и уставшие от них, терзающие себя в жажде сладости и боли. Он прошел до первых ярусов, до толстеного слоя бронебетона, до подвалов... и лишь тогда увидел – это здесь.

Пятеро сухих и бледных людей в полусферических шлемах сидели в черных высоких креслах по остриям лучей пятиконечной светящейся звезды. В центре пентаграммы зиял округлый черный провал метров десяти поперечником. И из этого провала, из этой огромной трубы исходило вверх, пронизывая все этажи исполинского небоскреба, черное, будоражащее, заставляющее метаться неприкаянно излучение. Генератор. Мощнейший пси-генератор! Сухие и бледные корчились, тряслись, запрокидывали головы с оскаленными ртами. Они были больными! Иван увидел все сразу. Безнадежные душевно больные! Они бились в припадках. Генератор вбирал в себя импульсы, выбрасываемые горячечными мозгами, усиливал до невозможности, преображая их и доводя до истерического навязываемого психоза. Эта адская машина держала в своем черном психоделическом поле сотни тысяч двуногих, которые и не подозревали, что это не они сами веселятся и «самовыражаются», что это проделывают с ними вне их воли. Сатанинская звезда, круг – магический знак для вызова из преисподней дьявола! Все продумано до мелочей! Иван вздохнул. Эти ублюдки наверху думают, что они очень крутые, что это они сами слуги Вельзевула и его тени на грешной, слишком грешной Земле. Но они ошибались, они – жертвы, приносимые подлинными сатанистами своему черному кумиру, они хуже марионеток, они полное дерьмо! И эти, корчащиеся в креслах шизоиды, несчастные жертвы... Видеть! Видеть все!

Иван закрыл глаза. И в полном мраке, сам невидимый и неузнанный, узрел творимое. Он увидел сразу всю Землю – шаром, опутанным сетью. На пересечениях паучьих нитей стояли небоскребы, разные, выше и ниже, шире и уже, их было две с половиной тысячи, разбросанных по всему миру, но в каждом изо дня в день творилось одно и то же: сотни тысяч двуногих, думающих, что они сами распоряжаются своей жизнью, последними наркоманами ждали часа, минуты, когда

раскроются двери нижнего этажа, когда их впустят в вздымающееся нутро, где они станут свободными, сильными, дерзкими... Быдло! Они были гаже и зависимей самых подневольных рабов. К ним нисходил из адских пентаграмм сам дьявол – не для того, чтобы наделить своим могуществом и приблизить к себе, но для того, чтобы заполнить их души и бросить под свои копыта. Несчастное, жалкое быдло! Это они станут биомассой, это их будут колоть иглами проникновения на черных мессах такие же как они, чтобы стать потом выползнями... Эх, сколько сил было потрачено на черные притоны! Иван скривился, вспоминая свою наивность. Они громили их, думая, что изводят по всему миру Черное Благо. А изводили жалкую и послушную скотину, которую вели на бойни черные козлы.

Ну хватит! Теперь Иван видел тех, кто создал эту сеть, кто управлял ею, кладя в карманы баснословные деньжищи и верша дело преисподней. Они, все семеро, были на другой стороне планеты, в Австралии, за семью заборами, за спинами немислимой охраны, семеро хилых и полных, благообразных и улыбчивых стариканов с глубокими залысинами, семеро таких непохожих, но совсем одинаковых. Они собрались на дележку и передележку мира, они потягивали молочко на лужайке посреди чистого и тихого леса, они любили себя и берегли. Но у каждого в мозгу сидел червь – желтый, полупрозрачный, с кроваво-красными глазенками. Сидел и смотрел вглубь контролируемого им мозга.

Иван, почти не прилагая усилия, заглушил генератор, взорвал его изнутри. Истерики и истерички не перестали корчиться. Но небоскреб замер, ослеп и оглох на несколько минут, чтобы потом брызнуть по сторонам будто каплями взбаламученной пены десятками кидающихся с разных этажей. Наркотик перестал поступать, и не все смогли это выдержать. Переступившие через себя летели вниз, вопя и визжа, извиваясь словно черви. Их было много. Но Иван не пожалел ни об одном. Они сами стали.... нет, не вырождаками, не всесильными дегенератами, ведущими закулисную игру, но мразью, червями под стопами вырождков. Что ж, и им было предоставлено право выбора, каждый изначально наделен свободой воли. Но не каждый выдерживает крестную ношу свободы. Многим проще быть рабом, ничтожеством, выползнем.

Живительный кислород влился в легкие Ивана. Он стоял посреди лужайки. И глядел на добрых, милых стариканов. Им

было хорошо. Очень хорошо! Но Иван уже не сомневался, он просто знал, что еще лучше им будет на том свете... и не только им. Он превратил их в пепел, прежде, чем самый шустрый успел разинуть рот. Хватит болтать, и так говорено много, слишком много. Выродки, что призраки Осевого, чем больше ты обращаешь на них внимания, чем больше смотришь на них, говоришь с ними, слушаешь их, тем цепче они вцепляются в тебя, тем больше заворачивают... и замороженного, бесильного губят. Пауки! Алый на фоне изумрудной травы, искрящийся клинок ушел радугой в ладонь. Теперь нет нужды давить червей. Дар волхва, помноженный на мощь его пращуров, пропитанный тысячелетиями Белой Силы, способен обращать нечисть в прах. Меч Вседержителя!

Он обязан выдержать это. До конца! И пусть ему не хватит времени метаться по всем черным притонам, взрывать адские врата, пусть на смену испепеленным придут другие, все равно – возмездие свершается. Он начал. И им уже не быть!

XXIII-й, XXII-ой века промелькнули в мельтешении и визгах, сладострастных столах и алчном кружении. На месте одной отрубленной головы выросли три, пять, дюжина голов – новых, змеиных. Но Иван рубил, сек беспощадно и истово, зная, что новые – уже не те, не пришедшие из глубин веков, нет в них и никогда не будет той темной зловещей силы, что передавалась из поколения в поколение, что накапливала гены вырождения, гниения и вековечной тлеющей в телах смерти. Гидра! Новые просто наживаются на оставленном – тупо, слепо, жадно копируя, они не пытаются учить, творить... Творить?

Иван сдавил горло тщедушному пучеглазому уроду. Учитель! В XXI-ом веке его так и называли посвященные. Творец! Его можно было превратить в облачко мерзкого вонючего газа. Без разговоров. Под благими вывесками и призывами этот выродок-гуманист растлил, погубил, обрек на адские муки половину мира. Убить? Но прежде Ивану надо было постичь их образ мыслей. Ведь ни один из всей бесчисленной своры этих «гуманистов», рыскающей во времени и пространстве, никогда сам себя не считал душегубом, палачом и растлителем. Никогда! Ни один! Они величали друг дружку просветителями, обличителями, реформаторами, демократами, учителями, прогрессистами, творцами! Во всех веках и столетиях они, выродки, изъедаемые собственными патологиче-

скими комплексами, неполноценные, ущербные, обостренно чувствующие свое уродство, пытались выращивать из других «людей нового типа, более совершенных и гармоничных», люди были для них лишь материалом, биомассой для бесконечных, порою чудовищно жестоких, но всегда прикрываемых истерически-гуманными лозунгами экспериментов. Да, эти твари искренне считали себя богами, которые могут создавать, могут учить, могут подправлять создания и творения Бога Истинного. Да что там подправлять! Полностью переделывать, перестраивать! Зло, непомерно-черное зло, рядящееся в белоснежные тоги!

Иван чуть ослабил хватку. Пучеглазый судорожно набрал воздуха в грудь, трепыхнулся, вылупил на мучителя своего преданно и трусливо.

– Все сделаю, что изволите, – проблеял он чуть слышно.

Иван не собирался приказывать. Он проник в это дьявольское гнездовье не приказывать, а наказывать – неотвратно и по содеянному. Гниды! Они и умереть достойно не могут. Демонократы!

– Из-за тебя, выродок, и из-за твоих реформ в Африке вымерло сорок миллионов. И тебе вручили Нобелевскую премию за мир и гуманизм, – сказал Иван, – три четверти Ирана легло в могилы. А тебя везде и всюду величают выдающимся просветителем. Ты и сам веришь в свои титулы?

– Всю жизнь положил на благо людей, – ответил прочувственно выродок, и мутная капля скатилась по дряблой желтой щеке, – себя не щадил. Да разве они оценят... а тех, что не выдержали реформ, жалеть не стоит, это все народец не приспособленный к борьбе за выживание, они б сами вымерли, чего о них говорить, время тратить. Зато оставшиеся стали свободными. И их дети будут свободными и внуки...

Иван горько усмехнулся. Гуманисты, мать их!

– Верно говоришь, у свободных наркоманов да извращенцев вырастут такие же свободные ублюдки, ничего иного породить они не смогут. По плодам их узнаете их! Свобода создавать и жить была всегда, и без вас! Вы же даете свободу вырождаться! И при этом возлагаете на головы свои венцы благодетелей. Впрочем, что с тобой время терять. Сейчас ты сам увидишь, что под венцом твоим!

Иван сдвинул двумя пальцами затылок пучеглазого уroda, проломил кость, вырвал бешенно извивающегося червя с ог-

ненно-красными глазищами и показал его еще живому выродку.

– Ты знаешь, откуда он?

– Наза-ад... – прохрипел умирающий, – за-асу-унь его наза-ад!

Иван уставился в стекленеющие глазища. Выродок не умрет, пока не услышит правды.

– И ты еще мнишь себя свободным и поучающим, как быть свободными, ты, раб этого мерзкого паразита, этого червя, проползшего в наш мир из преисподней?! А ведь ты не можешь без него! Весь твой гуманизм, все твое просветительство – обман, подлость и ложь для профанов. И сам ты безмозглый попугай, повторяющий чужие фразы, вдалбливающий их в чужие мозга. Пададь!

Иван отбросил от себя дохлятину. Раздавил червя ударом каблука.

Ничтожность и мерзость выродков была очевидна. Для него. Но для многих миллионов и даже миллиардов они оставались кумирами. Ведь все средства массовой пропаганды выродки держали в своих руках... Держали и держат! Они навязали миру не только свою волю, они заставили мыслить, думать, чувствовать и даже видеть окружающее так, как этого хотелось им. Каста вырождающихся нелюдей удерживала в своей паутине не только сатанистов и прочую сволочь, она оплела ею все человечество, она владела им и правила, мало того, эта каста заставляла общемировое стадо профанов обожествлять себя и носить на руках. Подло! Гнусно! Но это есть!

Иван вышел из роскошной виллы, отошел шагов на двести. Обернулся. Столб огня вырвался из самой сердцевины логова «величайшего гуманиста всех эпох и народов», чтобы пламенем пожарища стереть с лица Земли дворец, в котором таилось чудовище. Еще из одной черной пропасти, не видимой глазу человеческому, он выжег ползучую ядовитую гадину.

Конец XX-го века поразил его своим убожеством и запущением. Загаженная, отравленная земля, мертвые водоемы-свалки, озоновые дыры, смрадный, пропитанный горячими парами воздух. Города-помойки, набитые больными, серыми, оцепеневшими в безвыходности одуряющей круговерти людьми. Апокалипсический век! Черная дыра в мировой истории. Последнее десятилетие подлого века сокрушило Великую Россию,

оставив гнусный, алчный и нечистый мир с самим собой наедине, без Бога, без веры, без надежды.

Иван видел все сразу с высоты надвременья и надпространства. Серые послушные толпы водили туда-сюда шустрые и прыткие двуногие. Порою последние сбивались стаями и начинали выть истошно, на весь свет. И чем больше выли они по-шакальи о правах, свободе и «приоритете личности», тем меньше оставалось этих прав и свобод, тем больше истязали бесправных и забытых, изгоняли, убивали, лишали всего... Выродки бесновались, одержимые дьяволом, их беснования черным полем инферно касались еще здоровых – и те становились тоже одержимыми, начинали громить и ломать все под собою, крушить, рвать, взрывать, перестраивать... Врата ада были распахнуты во всю свою ширину, все силы преисподней и ее отражения на Земле, «мирового сообщества», были брошены против последней обители Христа, против растерзанной, разорванной на кровавые части Великой России. Выполни! Все эти беснующиеся выродки-шакалы были выползнями из ада. И они были отмечены сатанинскими знаками на уродливых лицах, они были отмечены уродством внешним, косноязычием, гадливостью... но они излучали бешеную энергию ада, они лезли везде и всюду, они не сходили со страниц газет и журналов, их говорящие гипнотизирующие головы торчали в каждом телеприемнике – змеиными головами, от которых цепенели толпы, замороженные и лишённые способности мыслить. Вторжение! Это сама Преисподняя вторгалась на Землю. И ей не нужно было сквозных каналов и Пристанища. Выполни-шакалы выжирали и загаживали все вокруг себя, переметываясь затем в земли иные, чтобы набраться сил и снова ринуться терзать слабеющее тело Державы Господа.

Прежде Иван все это знал. Теперь он видел. Видел собственными глазами. И пред ним вставали видения черной, изъеденной червивыми лабиринтами Земли – его Земли, XXV-го века, Земли погибшей, населенной гадами. А ведь она могла стать такой и в XX-ом, в начале XXI-го... но не стала. У России хватило воли сокрушить преисподнюю, передавить выродков-выползней, спасти мир... оттянуть страшную гибель. Но они тогда, в этом далеком XX-ом сделали не все, и он, Иван, должен доделывать их дело, подчищать за ними недочищенное. Это его крест!

Сборище выползней заседало в самом сердце России, в огромном и вместе с тем уродливым, выстроенном их же

предшественниками-выродками зале. Иван сидел в задних рядах, незримый и усталый. Он не слушал истерических, визгливых речей одержимых бесами, хотя сейчас их слушали сотни миллионов по всей стране и за пределами ее. Ивану все было ясно. Да и говорили не сами бесноватые ораторы... Высоко над их головами, абсолютно прозрачное для смертных, висело студенистое, многолапое чудовище иных миров и измерений, висело, непрестанно испуская омерзительный, но слышимый лишь избранными зуд, касающееся концами длинных трясущихся щупальцев десятков голов избранных, влияющее в них черную силу океана мрака. Если бы это видели и другие, если бы они прозрели хоть на минуту! Иван молчаливо взирал на покорно застывшие затылки оцепенелых двуногах, равнодушных и серых, выжидающих, куда качнет маятник истории – им было все равно, к Свету ли идти, во мрак бездны ли катиться. Стадо. Серое стадо! Даже здесь, в закрытом для простых смертных зале, оцепенелых было большинство. Но это большинство ничего не значило. Верховодили выползни. И потусторонняя зудящая гадина. Иван, не вставая со своего кресла, перешел в Невидимый Спектр. И зал исчез, стены его раздвинулись, уходя многосложными переплетениями в неизвестность. От оцепенелых остались невзрачные серые тени, застывшие серыми невзрачными рядами и колоннами. Зато истинное естество выползней выявилось ярко и жутко: сотни зеленых, мерцающих в полумраке, извивающихся, трепещущих, скользких и сырых червей с пылающими ненавистью кровавистыми глазищами висели в мареве среди серых теней. Черви зудели омерзительно и невыносимо, вбирая в себя и усиливая зуд огромного бледно-желтого кольчатого червя, свившегося во множество колец над ними и тоже трясущегося, извивающегося, дрожащего в назойливо-гадком зудении. Червь этот висел в сгустке мрака, в уплотненном, сверхсжатом объеме инфернополей, исходящих из самой преисподней... Если бы только люди могли видеть !!!

Иван взлетел выше, над планетой. И горечь разлилась по его телу едкой, изжигающей волной. Никто ничего не видел. Мелкие, суетные, озабоченные мнимым люди, созданные когда-то давным-давно по Образу и Подобию, но позабывшие про это, рождались, сновали туда-сюда, сидели, лежали, бесновались, теша беса опустошенных душ, убивали себе подобных, калечили, разоряли, обманывали, изгрызали в непреходящей мелочной грызне, старились, умирали... и ничего не

желали видеть. И над каждым скопищем этих оцепенелых двуногих нависали студенистые гадины, мерцали среди толп и над ними зудящие черви... Лишь в России еще оставались просветы, лишь над Землей Богородицы горела свеча...

Хватит! Иван вышел в проход. Воздел руки вверх, и из его ладоней вырвались искрящиеся очищающие клинки. Он уже был в Видимом Спектре.

– Да станет тайное явным!!! – выкрикнул он громоподобно.

И сотни миллионов сидящих у светящихся ящиков зрителей узрели творящееся. Застывшая от ужаса Россия увидела правящих ею, правящих миром – без прикрас, без белоснежных тог, в их подлинном облике. И увидели уже миллиарды прильнувших к водянистым экранам, как святое и праведное пламя Возмездия Небесного, исходящее из рук высокого, широкоплечего человека с просветленным лицом и длинными русыми развевающимися будто на ураганном ветру волосами, выжигает зудящую страшную нечисть, не оставляя ей места в пределах Святой Руси. «Чудо! – шептали, кричали, выговаривали одними глазами просыпающиеся. – Святой Георгий! Небесный Воитель! Архистратиг Михаил! Великое Чудо Господне!» И злобно шипели двуногие нелюди, с ужасом начинавшие осознавать, что час их приходит, что оставленные одними, без «учителей-просветителей», без подпитки из адских глубин, они передохнут подобно жалким червям... Понимали понимающие, слышали слышащие, открывалось сокрытое имеющим глаза – вершилось Чудо! И когда исчезла вся мерзость, зудящая над планетой, дарованной творениям Господним, а не исчадиям ада, на тех же экранах и в светлых небесах над головами зажглось лазурным сиянием:

«Мне возмездие, и Аз воздал!»

Мир ликовал и радовался. Но Иван, усталый и хмурый, лежал ничком в густой траве под синим небом, прикикая всем телом к отчей земле. Он знал тайны времени, его выверты и проказы, перехлестывающиеся временные петли и откаты... Ему еще рано было радоваться. Не ликовать, но нести свой крест и дальше. Всего полчаса назад он беседовал с очередным «великим гуманистом», шамкающим, дергающимся, полоумным «гением», который когда-то творил сверхоружие для уничтожения планеты, а потом вдруг впал в юродство. Выродок бессвязно и маниакально пытался убедить Ивана, что всему виной какая-то «империя зла», что Землю надо поделить на

две половины: западную, где будут процветать науки, искусства и такие как он «гении», и на восточную – резервацию, промзону, обиталище для профанов. Выродок брызгал слюной, задыхался, хватался за сердце, призывал в свидетели и защитники «мировое сообщество», а попросту говоря, все ту же всемогущую и всевластную свору выползней-шакалов, что подчинила себе дьявольским зудом своим всю планету, «сообщество», которое по достоинству оценило его труды, наградило премиями и провозгласило «отцом демократии» и «величайшим просветителем всех времен и народов»... Но Иван-то знал, что все проще, что в гниющем и уже почти сгнившем мозгу «гения» сидит вертлявый и жирный червь. И этому червю мало власти над самим «гением», ему нужна власть над тысячами, миллионами, власть над толпой. Иван не стал пачкать рук. Он просто остановил сердце дряхлого, но бесноватого «гения» и расплыл червя... Теперь он лежал в траве, вдыхал в себя ее терпкий и очищающий дух.

Черта! До него начинало доходить, что Господь сам проложил эту черту в душах созданных Им, черту, отделяющую Свет от мрака. Он знал это раньше, он постиг эту премудрость в странствиях по Пристанищу. Но мало знать! Ведь та самая Черта, что ограждает все миры существующие и несуществующие от Черного Мира, защищающая от вторжения из него Сил Ужаса, пролегающая не в дальних мирах и измерениях, не в глубинных пространствах и запредельных вселенных, а проведенная по бессмертным душам человеческим, слабым, мятущимся, ищущим, готовящимся к вечности, эта Черта не только лишь ограждает созданного по Образу и Подобию от напастей извне, но и не дает ему самому... нанести ответный удар! Вот в чем дело! Многие пытались преодолеть ее в борьбе со Злом. Но много званых, да мало избранных. Черта была ограничителем, не позволяющим смертному вставать в один ряд с силами высшими. Он один преодолел эту Черту! Он обрел силу карать. Он сам! Ибо Вседержитель не вмешивается. Вседержитель только наблюдает за имеющими свободную волю... И все равно он – Меч Вседержителя, ибо мир создавался не для гниения и вырождения, а для созидания и творения. И если бы каждый из созданных по Образу и Подобию был наделен силою преодолевать Черту, карать и воздавать по содеянному, мир созидания был бы обречен. Вот она простая Истина, проще которой нет и не было в Мироздании. Но тот же мир уже обречен, когда никто не может воздать за него.

Свобода воли! Господи! Неисповедимы пути Твои! Оберегая, Ты обрекаешь. Давая силу творить и трудиться в поте лица своего, Ты облакаешь бессилием пред надвигающейся Тьмою! Почему?! А потому, что иначе, без Черты, тьма пожрет Свет, и все вопросы разрешатся сами собой. И еще один Большой Взрыв сметет с лица Мироздания еще одну погибшую до своей гибели Вселенную. В этом и есть непостижимость Божественного Предопределения. И в этом – воля выпущенных в мир нагими и свободными. Воля умереть или жить. Жить, не переступая страшной, губительной и спасительной Черты.

Иван сдал в ладони. За что же ему доля такая?! Почему выбор пал именно на него?! Страшная, люта миссия!

Но пути назад нет. Он должен исполнить предопределенное. Ибо Второго Пришествия не будет. Спаситель не войдет в погибающий мир дважды, как нельзя войти дважды в одну и ту же воду. Значит, он, последний в роду человеческого, должен стать спасителем, презрев зло и добро, верша лишь справедливое по обе стороны разделяющей души, пространства и времена Черты. Потому что предопределенное имело два исхода. Потому что тысячелетиями назад Божественная Благодать коснулась не каждого, потому что поле было засеяно зёрнами и плевелами... потому что рая на Земле никогда не было и никогда не будет. Теперь Иван уже не догадывался, а точно знал, почему в трудные для рода людского часы вокруг него, поднявшегося на защиту Земли, встали не баловни судьбы, не гении и вершители судеб, не потрясающие белоснежными рясами своими, но прошедшие горнило войн и каторг, битые и бывшие сами, изгой и мученики, страдальцы и борцы, не выродившиеся и в грязи, в тюрьмах и на зонах, среди пыток и лишений, гонений и боли. Не чистенькие, сытенькие и всепонимающие встали с мечом на пути Дьявола, но шедшие по Черте, как по лезвию бритвы и не оступившиеся. Светлые души! И пусть все кругом, во всех пространствах и временах, продажно, черно, суетно, тоскливо и безнадежно, пусть оцепенелые люди сами сунут шею под ярмо червей зудящих, все равно, только ради них одних уже стоит идти за Черту, стоит вздымать и опускать карающий меч, только ради них!

Иван встал. Он был силен и свеж как никогда. Тысячи поколений россов, создавших этот мир и принесших в него Свет, стояли за его плечами.

Он ринулся в прошлое как светлый ангел возмездия. Он еще не преодолел этого чудовищного века. Черное столетие!

Год за годом, спускаясь по лестнице времен, он иссекал праведным мечом гнусное, бесовское. Он все видел. И он не прощал. Ибо он знал, чем это, истребляемое им, иссекаемое завершится. Адские твари брали Землю в полон, просачиваясь из инферно, напитывая червиголовых, упрочая их власть над оцепенелыми. Но Белая Сила уничтожила силу черную – и оставались несокрушенными храмы и дворцы, оставались на своих вольных землях люди, орошающие земли эти потом своим, и не вползали в залы правящих выползни-выродки, ибо некому было вползать уже – карающий меч возвращал их в лоно, откуда изошли они, в преисподнюю.

Иван не ощущал своего тела. Он был светлым всемогущим духом, он одолел оковы материальные. И он больше не останавливался на пути своем, не терзался сомнениями. Его дело было правым. И он побеждал!

Когда годы еще не перевалили за половину столетия, открылось ему, идущему вниз, как тучи гадин, взявших в кольцо осады, незримой и оттого еще более страшной, нагнетали волны ужаса и ненависти на два великих народа, которые были правнуками первороссов, кровными братьями с душами братьев. Их пытались сравнить в лютом планетарном сражении, чтобы истребить, чтобы погубить созданных по Образу и Подобию... и в той, прошлой истории, их сравнили, заставляя истреблять самих себя. Нет! Иван поразил праведным мечом потусторонних гадин и дал братьям, сотням миллионов братьев увидеть, куда их толкали выползни-выродки. И они увидели, и они сошлись в братском единении и разметали черные тучи нечисти, нависшие над ними. Им нужен был только Свет, исходящий с Небес, Свет, просветляющий души. И Иван дал им этот Свет. И остались неразрушенными и прекрасными десятки тысяч городов и селений, остались неистребленными десятки миллионов потомков героев и полубогов. Свобода воли! Они сами себя спасли, он только раскрыл им глаза.

И снова не было времени ликовать и радоваться. Ведь двумя десятилетиями ранее лилась рекой кровь, выродки истребляли людей и рушились храмы. И снова дьявольские орды терзали Христову землю, обложенную тучами нечисти обессиленную Россию. Выродки! Они червями и змеями проползли, пролезли во все щели и дыры еще годами раньше, они источили, изгрызли, изъели чистое тело Великой Державы, последней надежды рода людского. И вдруг разом, изнутри и

снаружи, введя в оцепенение одну часть народа и вселившись бесами в другую, ринулись в адском зуде всесокрушения и всевырождения на Святую Русь. Гниды! Черви гложущие!

Иван все видел: концлагеря, в которых истребляли только за то, что ты русский, вымирающие от голода деревни, сотни тысяч деревень, полчища насильно угнанных русских, которых пулеметной стрельбой в спины иноземцы гнали на таких же русских, но не сдающихся, не желающих жить под ярмом выроdkов, бойни, в коих палачи-мясники в черных ритуальных кожанках приносили в жертву своему кровавому непрониосимому божеству сотни тысяч православных – это был ад на земле, это были сатаноиды и дьяволоиды, выползни, покинувшие преисподнюю и выползшие наверх, чтобы упиться кровью созданных по Образу и Подобию. Нет! Он не вмешивался. Черви передохнут сами! Ему нужно было найти черное невидимое чудовище, источающее адскую энергию в гниющие черепа дегенератов.

И его вынесло в скопище пауков, в черную пропасть с клубками кишаших змей. Он застыл под сводами полутемного зала, посреди которого заседал комитет вершителей судеб России. Их было семеро – выроdkов-пауков, кривоплечих, кособоких, хитровато щурящих бесовские глаза, суетливых, уродливых и гадких. Они говорили на своем наречии, как и всегда, когда собирались вместе, без профанов, они язвили, хихикали, ругались и злословили, бесконечно презирая попавших под их власть.

Но Иван все понимал.

– Мы сделаем из этого быдла, из этого дерьма, – частил, картавя и дергаясь подобно паяцу, рыжий бес, – нового человека, сверхчеловека. Против его воли сделаем, хоть для этого и понадобится нам уничтожить две трети, девяносто процентов этих скотов! Убивать, убивать и убивать! Чем больше, тем лучше! Сейчас это архиважно! Россия должна стать навозом в том поле, что мы засеваем! Лучше меньше да лучше! Мы не оставим этого быдла, этих слизней и на развод. В светлом будущем будут жить избранные! И это нам определять, кто будет таковым...

Вертлявый уродец в пенсне и с козлиной бородежкой, доколе поддакивавший, прытко вздернулся и понес дальше:

– Никакой жалости! Мы должны быть выше жалости и прочих химер! Мы создаем новую породу людей! И потомки будут благодарны нам...

Творцы! Они считают себя творцами нового мира! Первозурги! Для них миллионы людей это быдло, навоз, биомасса. Они ни перед чем не останутся, потому что они исчадия ада, потому что они никогда не приемлют мира, созданного подлинным Творцом, они всегда будут пытаться его переделать, перестроить, вылепить заново в угоду своему хозяину Вельзевулу. Боги, мать их, дегенерацию! Из года в год, из века в век одно и то же! Не желая совершенствоваться и излечивать от вырождения самих себя, убогих, ничтожных, подлых, больных, они берутся сразу за весь мир – и кровь заливает земли, мрут оцепенелые, исходит из мира истина и вера. В этом их черный и гнусный секрет. Богоборцы! Они, не способные к созиданию и творению, а умеющие растлевать и разрушать, извечно берутся поучать весь мир и перелицовывать его, ибо того требуют зудящие черви вырождения в их протухших мозгах, того жаждут чудища преисподней и она сама, ибо преисподняя и есть смерть и вырождение живого.

Иван видел семь бешено вьющихся вокруг своих осей гадин, червеобразных змей. И он видел висящего над ними кольчатого желтого червя со множеством мохнатых, тончайших и длиннющих лапок, семью из которых червь этот обвинял головы комитетчиков. Выродки!

На этот раз он не мог печься о чистоте рук своих. Это было свыше его сил.

Сверкающим лезвием карающего меча он рассек и отправил в ад огромного потустороннего червя. Выждал немного, наблюдая, как ужас проявляется на жалких и уродливых рожах нечисти, собравшейся переделывать мир, созданный Богом. Они должны были издохнуть в ужасе и ничтожестве.

И он явился пред ними во всей мощи и величии своем, во всей простоте, с непокрытой головой, все в той же расстегнутой серой рубаше, открытый и видимый. Меч Вседержителя!

Выродки, вертлявые, быстро соображающие и суетные, попадали на колени и поползли по углам, будто пауки, стремящиеся забиться в щели. Но не тут-то было.

Иван вымолвил очень тихо, почти неслышно:

– И пожрут они друг друга не по прошествии времен, а ныне! Ибо пауки есть!

Он видел, как рыжий бес бросился вычерчивать посреди зала магический круг, дьявольские врата ада, чтобы открыть двери инферно и сгнуться в нем, ускользая от возмездия. Но уже шестеро иных гадин набросились на него, вцепляясь изъ-

еденными черными зубами в мерзкую плоть, разрывая ее на части, жадно проглатывая вырванные куски. Один, самый шустрый, козломордый в пенсне исхитрился прокусить рыжему бесу затылок, выдрать оттуда разбухшего еле трепещущего червя и разгрызть его. Да, только так! Они должны пожирать сами себя, как пожирают себя взбесившиеся ядовитые гады.

Через полчаса все было кончено – лишь ошметки отвратительного гниющего мяса валялись на роскошном паркете. Ничего, крысы доедят!

Иван вышел прочь. Он знал, что остались черви поменьше, потоньше, их много, очень много – но они не смогут сокрушить Великую Державу, не смогут загнать ее люд в концлагеря и на бойни. Это их загонят по щелям и дырам, чтоб и не видно и не слышно было мерзости, что в гордыне своей бесовской пытается тягаться с Создателем. Крысеныши... Иван вспомнил Авварона Зурр бан-Турга в Седьмом Воплощении Ога Семирожденного. И тот был крысенышем, ничтожеством, мелким бесом, ищущим лазейку, чтобы прокрасться в душу. Но когда он напивался крови, начинал брать верх над доверчивым и замороженным, он становился огромным, непомерным, напыщенным, злобным и жестоким, копией самого Вельзевула, а может, и им самим. Ибо от вырождения до бездны, от крохотного червячка в мозгу до Сатаны, властвующего надо всем адом, один шаг.

Иван не мог выждать. Теперь время его было сочтено. Он должен был успеть спуститься по лестнице в самый низ ее, к истокам. И он снова ринулся в омут восходящего потока лет и столетий. XIX-ый век – время выжидания вырожденков, накопление сил и проба их – в попытках переворотов, взрывов, поджогов... Иван крушил нечисть походя, на лету, не щадя ни бесноватых теоретиков, ни менее бесноватых бомбометателей. Он добирался до берлог выползней, до дна, где клубками свивались змеи, истреблял их огнем и мечом, извергал из мира света зудящих потусторонних чудовищ, и шел дальше, перемещаясь из России в земли, позабытые Богом, в коих вершились вырожденками переустройства, где катились под топорами и гильотинами головы и терзались тела, где тянулся крысиный след выползней. И везде было одно и то же. Везде вырожденки рядились в одеяния гуманистов и сулили рай на Земле. Но приносили на Землю ад. Оцепенелые двуногие, замороженные змеиными головами, торчащими из невероятных глубин

Океана Смерти, загипнотизированные, жадные, ленивые, похотливые и алчущие всего сразу, из десятилетия в десятилетие, из века в век попадались на одну и ту же наживку – и опять черные козлы вели стада на бойни. И наливались жиром, богатели вырожденки-переустроители, уходили под незримые покровы, чтобы тайно владеть миром. А стада все шли и шли. Никто не желал и слышать про бойни. Каждый верил, что уж его-то ведут напрямиком в рай!

Иван не стал задерживаться во временной северной столице Российской Империи, менять хода событий. Он знал, что пятеро повешенных – мало, что не всем воздано по делам их, что декабрь этого тихого века породит черный февраль и кровавый октябрь следующего, но там он поработал немало. Да и здесь еще не было утрачено благое начало, еще не все впали в оцепенение от сатанинского зуда. Пятеро! Да будут они навечно прокляты! Пусть лишь их имена останутся предостережением об адском грядущем, напоминанием о будущем – о червивой черной, мертвой Земле, висящей в Черной Пропасти.

Ивана разящим вихрем несло вниз, походя развевал он по ветру масонские сборища века восемнадцатого, изгонял бесов из двухметрового недоросля, которому предстояло стать уже не марионеткой в руках тайных лож, но действительным, отцом, нации и Императором Российским, одновременно он гнал на вечную каторгу в края ледовые «просветителей», пусть поостынут немного. Мимолетом он облетал весь прочий мир, пребывавший в дрязгах и склоках, вражде и интригах, выметал мразь на освещенные площади, и она сама издыхала от обилия света и не находилось более последователей у глумящихся над Богом и Его Церковью на земле, никто не осмеливался выползть из своих поганых щелей с ересями и поучениями. Иван не считался с регалиями и званиями, титулами и всемирной славой разоблачаемых и истребляемых им. Не всегда надо было применять последнюю меру. Одного большого хитроумца с лицом престарелого Мефистофеля, переписчика с российскими государынями, коего приютила простодушная Галлия и койкий потешался над ней и Богом, будучи сам законченным вырожденком, Иван не стал убивать, он просто выставил его перед галльскими «бессмертными» в омерзительной наготе, он сдал ему тощий загривок да встряхнул хорошенько, подняв за ноги вверх, – из прогнившего черепа остроумца-хулителя через его беззубый рот выполз дрожащий, трясущийся червь – и отпала необходимость вершить

суд иной над ним, суд уже был свершен, выродок канул в неизвестность, сам высмеянный. Так вершилась справедливость в землях иных.

Но всегда Иван возвращался в Россию, в Великую и последнюю на Земле Империю Добра и Веры. В Смутное время он превращал в черный дым смутьянов, гнал измену из Кремля и Москвы вместе с выродками, вынашивавшими ее. Он опускался еще ниже по лестнице – и пинками сбрасывал с трона самозванца, окруженного беспоклонниками. Он вместе с истовым и праведным грозным царем рубил с плеч долой головы червивые, замышлявшие начать «великое переустройство» России на века раньше, растерзать ее, отдать врагу на поругание, извести храмы православные и сам люд доверчивый. Век шестнадцатый в завершении своем был страшен и лют. Черные незримые гадины висели повсюду над землями благословенными прежде, простирали длинные щупальца свои – не только в княжеские, в боярские, но и в царские покои. Иван низвергал выходцев из ада в их обиталище. И не задерживался, неся смерчем очищающим далее.

Сокрушал орды, ведомые не ханами, но алчущими злата выродками, не вздымающими самолично мечей, но желающих быть лишь сборщиками даней в покоренных землях. Место червей было во прахе, и Иван посылал их туда – ищущий злата, рано или поздно найдет тлен. Со Святославовыми ратниками крушил он ненавистный каганат, удавкой сдавливавший горло Руси, и поднимался выше, не давал уцелеть гадинам зудящим, иссекал из черепов вездесущих выродков посланцев преисподней. И процветали земли, где не ползали двуногие черви... В века середине он укреплял духом еще не падшее Христово воинство инквизиции, творившее волю Создателя, выжигавшее заразу сатанизма. Церковь Западная еще не умерла сама, обратившись в орудие выродков, она защищала себя, спасала люд христианский. И Иван помогал ей творить правое и доброе дело, ведь по всей Европе жили его родные братья, потомки тех самых первороссов, что пришли сюда давным-давно, и забывшие, что в их жилах течет русская кровь. Выродки не желали понимать проповедей и мольб смиренных, они понимали только огонь, корчась в котором вместе с червями в головах своих, переходили в огни иные, в пламя адское. Иван настигал трясущихся гадин, незримо собиравших вокруг себя выползней-выродков, которые в свою очередь сбивали с пути истинного оцепенелых, и давил, да-

вил, давил этих гадин, творя жестокое и злое, ради светлого и праведного. Он преодолел Черту! Он имел право наказывать! Ибо он видел плоды безнаказанности. Он видел мертвую Землю с кишашими в подземельях змеями и распятыми людьми. Он карал по праву!

Ни дней, ни ночей, ни зим, ни лет не было для него – вездесущего и всемогущего, отвергающего копящуюся усталь и идущего напролом. Век за веком! Год за годом! И повсюду он находил богоборцев, пытающихся – не из себя и ближних своих, но из других – создать нового, более совершенного человека, построить общество лучше прежнего. Одни верили в эти стремления свои и внутри себя, потаенно, для других они были лишь прикрытием в восхождении над толпою, над быдлом. Они были готовы драться насмерть и меж собою за право вести двуногих оцепенелых на скотобойни. И они жаждали, страстно алкали превозмочь, превзойти Бога, оставаясь жалкими и жуткими нелюдями.

Когда безудержный вихрь бросил его в знойные пески, Иван подумал на миг – все, это предел, это уже не история, а предыстория... И пора обратно. Но пески обернулись оазисами, скрывавшими огромные пирамиды, не те, что сохранились до его времен, но прежние, еще более великие и непомерные.

Как и тогда, в России, когда лежал ничком в густой траве, он вдруг ощутил сомнения. Слаб человек! Пройдя сквозь все земные бури, он не ожесточился сердцем... но он устал. Устал биться с нечистью. Ибо она была тысячеглава.

Горячее молодое солнце! Иван сидел, прислонившись спиной к дереву. И ему хотелось просидеть вот так весь остаток своей не такой уж и длинной теперь жизни. Он хотел покоя. Но он знал, что еще не завершен путь его.

Он знал, что надо идти туда. К этим пирамидам.

И он пошел – шаг за шагом, метр за метром, преодолевая раскаленные пески, не прячась от солнца. И такой путь был для него покоем, был отдыхом. Он мог проникнуть внутрь исполинского сооружения мгновенно. Но он хотел войти туда, как входили простые смертные, ведомые на заклятие.

И он вошел, обойдя все преграды и избегая ловушки. Он долго шел по вздымающимся ярус за ярусом лабиринтам. И он вышел к сырым и тесным клетям, в которых стонали, ползали, корчились сотни, тысячи людей. Иван вспомнил подземные секретные лаборатории и вольеры под Москвой, мутантов и гибридов... Вот он исток! Он знал это, но не хотел

видеть, не желал верить в это! Жрецы! Они еще до начала времен выращивали из людей обычных нечто порожденное их воображением. Вот они самые первые первозурги.

– Кто ты? – спросил Иван у странного существа, с человеческим телом и головой шакала.

Существо зарычало, залаяло на Ивана, забилося в угол. Оно совсем не походило на величественного Анубиса с египетских фресок. Но поражало другое, как жрецам удалось срastить несрациваемое?! Изверги! Иван видел искалеченные, измученные, кровоточащие обрубки тел человеческих... и понимал, они не щадили материала, не жалели биомассы. Они творили! Они казались себе богами!

Он шел мимо клетей, чуть прикрытых деревянными решетками и видел уродливых, жалких, немощных и полуумирающих сетов, горов, тотов, сехметов, амонов и хнумов с бараньими головами, аписов, и еще анубисов, он встретил даже лежащего и чуть дышащего Себека – человекокрокодила. И он убеждался, жрецы выращивали человекобогов, по своим болезненным и неумным фантазиям, они воплощали... Они воплощали несуществующее! Вот где таились истоки Пристанища! Пирамида не имела ни конца ни края. Не было числа и счета мученикам-гибридам, умиравшим в ней. Но жрецы-боги, видимо, верили, что из неисчислимого множества сочлененных ими тел выживут единицы. И дадут жизнь новой расе. Да! Так оно и было, умирали десятки тысяч. Но некоторые выживали. И их вели в кумирни.

Иван мог одним взмахом руки пресечь чудовищные мучения несчастных. Но он молча шел вперед. Он знал – это еще не все. И это не творения самих жрецов, это набивают себе руку ученики, подмастерья.

– Зачем ты дался им?! – спросил Иван у болезненно-желтого негра, чья голова была пришита к туловищу истощенной, волочащей задние ноги мохнатой свиньи.

Тот поглядел на незнакомца оплывшими блеклыми глазами. Не ответил. А лишь попросил на каком-то странном диалекте семитского наречья:

– Убей меня! Всеми богами молю, убей!

Иван коснулся лба несчастного кончиками пальцев. И тот отдал концы – лишенный жрецами-магами тела, лишенный души.

Троих учеников с бритыми головами, копошившихся в одной из клетей с истошно визжавшей женщиной, почти де-

вочкой, Иван отправил следом за их жертвою, упокоившимся негром.

Он шел дальше. И проходы становились шире. Клетки теперь тянулись по обе стороны от каменного желоба. По левую руку сидели только светлокожие рабы-жертвы, по правую – курчавые, темнолицые с расплюснутыми природой носами, негры. Но они были сходны в одном: и слева, и справа выли, причитали, бросались на деревянные решетки, скалили зубы, мычали, исходя пеной... Безумцы! В клетках сидели больные духом люди двух рас. С ними бесполезно было разговаривать.

Но бритоголовый и высохший как мумия жрец с огромной золотой бляхой на голой груди сам выскочил из-за поворота на Ивана. Он шел с чающим светильником. Иван выбил лампу из руки выродка. Ухватил его за локоть, так, что затрещала кость. Жрец сразу утратил важность и надменность. Он был готов ответить на любые вопросы.

– Что вы делаете с этими больными? – спросил Иван. И слова его сами облеклись в понимаемую жрецом форму, прозвучали на древнейшем египетском.

– Мы лишь творим волю Осириса...

– Хватит болтать!

Иван не желал выслушивать выспренных фраз. Он сдвинул локоть сильнее. Жрец взвыл и сделал попытку упасть на колени. Не получилось.

– Человек смертный, есть слизень, ползающий во прахе, – проговорил он, превозмогая боль, – он гаже последней твари в болотах Нила и мельче самой межой песчинки, ибо та будет в веках, а он ляжет в Городе мертвых, жалкий и ждущий милости... мы, великие жрецы страны Нут. Мы одни можем, подобно богам нашим, вывести новую породу людей, более совершенных...

– Из вот этих безумцев?

– Да, – спокойно ответил жрец. – Безумие есть священная болезнь, дарованная богами. Двойное безумие – есть высший разум. Тела двух рас дадут жизнь расе, имеющей достоинства и тех и других. Мы будем править не двуногим скотом, но богочеловеками... мы сами станем богами. – Он прямо посмотрел на Ивана, пытаясь одними глазами подчинить его своей воле, он явно умел это делать. Но у него ничего не получилось. И тогда он изрек: – И ты встанешь наравне с нами. Ты будешь богом!

Иван усмехнулся. И потащил жреца дальше. Ему не нужен был чадающий светильник, он и так все прекрасно видел.

– А эти...

За более тонкими решетками стояли люди со смуглой кожей, кудрявыми волосами и невероятно живыми, выпуклыми, смысленными, горящими жгучим внутренним огнем глазами.

– Это они и есть! Новая раса! Наши детища. Они принесут в мир новый порядок. Они подчинят всю ойкумену нам, новым богам! – жрец разволновался, затрясся.

И Иван увидел тончайшую черную нить, тянущуюся к его бритой голове из мрака – щупальце незримой потусторонней гадины. Но это было невозможно... в голове у жреца не было червя. Надо было разить гадину. Но Иван не стал этого делать. Он хотел видеть само творение «богочеловеков».

– Они подчинят мир, ты прав. – сказал он. — Но не для вас. Вам они посворачивают шеи. Вы им уже не будете нужны!

Жрец побелел. Лицо его застыло мумией. В этот миг он понимал, что незванный гость, обладающий волей и силой, большими чем его воля и сила, не лжет. Так оно и будет!

– Веди меня туда! – потребовал Иван. И жрец понял.

Они долго шли меж двумя рядами клеток, меж прожигающими насквозь алчными взглядами тех, кого скоро выпустят в мир для его благоденствия и его гибели. Но не каждый из них нес в себе смерть. Нет, не каждый, иначе они просто извели бы сами себя. Жрецы поступали мудро...

– Здесь! – односложно сказал высохший.

Иван прошел чуть дальше, остановился на краю плиты.

Внизу, метрах в пяти под ними, четверо бритоголовых удерживали за руки визжащего, истерически орущего и извивающегося ребенка, смуглого, темноволосого. Пятый делал глубокий надрез в затылке. Кровь струями заливала лицо и спину ребенка. Но жрец ни на что не обращал внимания. Он расширил и углубил рану, потом достал золотым пинцетом из нефритовой коробочки крохотную дрожащую личинку, сунул ее в ужасную рану, подержал немного там и вынул пинцет. После этого он наложил ладонь на сырой и горячий затылок, принялся массировать его. И Иван увидал, как кровь перестает течь, как рана затягивается... Подбежавший раб ухватил ребенка за руку, утащил в полумрак, но другой уже нес такого же извивающегося мальчика.

– Это наши дети! Хотя и не мы породили их! – процедил из-за спины Ивана жрец. – Они не посмеют поднять на нас руку. Они будут молиться нам и приносить жертвы!

– Жертвы вы любите, я знаю, – согласился Иван. – Но молиться вам они будут недолго. А теперь ты покажешь мне, где этот выродок берет личинок...

Жрец резко выкинул руку вперед, намереваясь спихнуть Ивана. Но тот увернулся. Не дал упасть и высохшему, поймал за раздробленный прежде локоть.

– Ты покажешь мне это место!

– Зачем, все равно мне не жить, – понуро выдавил жрец.

– Верно. Тебе не жить! – подтвердил его слова Иван. – Но место ты все равно покажешь!

– Нет!

Иван резко сдавил локоть, рука переломилась, обвисла плетью. Черная нить, тянущаяся к голове жреца вздрогнула, натянулась и оборвалась.

Из мрака на Ивана выплыло глумливое и уродливое полускрытое капюшоном лицо нечистого. Он не ожидал увидеть здесь очередную ипостась Авварона, ведь он убил подлого крысеньша... Нет, это был не крысеньш. И не Авварон. Иван прозрел в долю минуты. Это был сам Ог, чьим воплощением являлся ему бес-искуситель Авварон Зурр бан-Тург в Шестом Воплощении...

Иван похолодел. Это уже не выродки, не студенистые гадины, не вертлявые черви и черные сгустки полей. Это уже сама Преисподняя!

Он слишком далеко зашел за Черту.

Ог молчал. Провалами черных глазниц он смотрел на Ивана, и в провалах этих была бездна Океана Смерти.

Клинок вспыхнул ярчайшей молнией в сумерках подземелий пирамиды.

– Умри! – закричал Иван истоково и страшно.

Он не мог ошибиться, он направил разящее лезвие прямо в чудовищную рожу. Но она не распалась, не исчезла, она лишь отдалилась, кривя тонкие змеиные губы в зловещей усмешке. И грохот содрогнул пирамиду. Огромные глыбищи зашевелились, заскрипели, затрещали, начали медленно падать, заваливая проходы, залы, клетки, лабиринты, подземные хранилища. Иван заскрипел зубами. Это он виноват. Это он сокрушил своим мечом раньше времени логово жрецов! Но он

не истребил их. Он упустил Ога Семирожденного, пришедшего из ада, чтобы остановить его.

Он вырвался из-под обломков наверх, под ослепительное и жестокое солнце. Он застыл на дрожащих развалинах, видя, как из десятков других пирамид вырываются наружу и разбегаются по белу свету дети жрецов, новая раса, гибриды белых и черных безумцев, юркие, быстрые существа с живыми, пылающими внутренним огнем выпученными глазами. Он опоздал! Их было слишком много. Но не у каждого в мозгу сидела личинка, еще не ставшая червем. А жрецы мертвы! Жрецы этой пирамиды! Его пророчество сбылось слишком рано. Почему? Потому что вмешался Черный Мир!

Теперь нельзя было терять ни минуты. Иван взвился вверх. Он должен был видеть. Чтобы карать! Но он видел не то, совсем не то – жрецов других пирамид, их подопытных жертв, студенистых гадин, тянущих щупальца-нити к головам «избранных». Не то! И самое страшное, он начинал ощущать, как истекают из него силы, видно, и они были не беспредельны.

Пирамиды рушились одна за другой. Они осыпались многотонными блоками, будто были полыми внутри... Плен египетский! Тысячи, десятки тысяч созданных для власти разбежались, успев вырваться из страшного плена. Жрецы погибали, даруя жизнь своим созданиям. Они опередили ангела возмездия! Но участь их будет незавидна, созданные не Богом затеряются в песках и обречены будут на вечные блуждания, на растворение среди прочих... а пирамиды выстроят новые, через тысячелетия, на этом же месте – каменные копии настоящих Пирамид возведут, тупо копируя погибших учителей, их далекие ученики-подмастерья. Ну и пусть.

Иван взирал с высот на крушение этого мира, решившего потягаться со Всевышним. Но душа его скорбела. Нечему было радоваться. Великая цивилизация древности, созданная в знойных пустынях по берегам великой реки Ра, созданная его предками-первороссами посреди племен не готовых еще к прыжку в будущее, цивилизация, уклонившаяся от Пути истинного и соскользнувшая на путь дьявольской гордыни, гибла на его глазах. Разве мог он винить этих жалких и юрких людишек, спасающих свои жизни? Нет. Он не желал гоняться за ними, истребляя каждого в отдельности, аки разлетевшуюся по миру саранчу. Много чести! И не в них дело. Отступники-жрецы, впитавшие мудрость пришедших из сибирских и

арктических далей волхвов, погубили начатое и породили зло... И они наказаны! Они сами успели уйти из жизни! Уйти, посчитав дело свое важнее самих себя. И так бывает.

Но это еще не конец.

– Господи, дай сил и терпения! – взмолился Иван.

Он поднялся еще выше. И тогда, из черных и вневременных высот открылся ему черный провал – совсем небольшой, в две сажени поперечником, но не имеющий дна. Адские врата! Снова они! Провал чернел под развалинами самой малой и невзрачной из пирамид. Жрецы-отступники не выдали своей тайны, вот она, крепость первороссов, даже в отступничестве! Неужто могли думать они, что для посланца Высших и Всеблагих Сил тайное не делается явным? Иван замер. Бог им судья!

Он не ринулся вниз коршуном, он опускался к провалу медленно, осмысливая его предназначение. И для него не существовало нагромождения колоссальных каменных глыбищ, он пронзил их телом, чтобы застыть на краю бездонной дыры. Он смотрел во мрак. И виделось черное лицо с провалами пустых глазниц, змеящаяся ухмылка... Надо ли ему идти туда, в бездну?

– Иди, и да будь благословен!

Никого рядом не было. Этот глас исходил не извне.

На краю провала лежала крохотная нефритовая коробочка. Иван не стал ее поднимать, открывать. Он видел, что там внутри. Он просто спихнул ее носком сапога в бездну.

И прыгнул следом.

Падения не было. Тенета паутины, плотной и липкой, обволокли его, сжались, не пропуская сквозь себя... Но Иван прорвал шлюзовый фильтр, он еще был всемогущ. Его обдало жаром, будто окунуло в расплавленное железо. И тут же вынесло на бескрайний океанский берег. Пологие волны набегали одна на другую, гася свою силу, растекаясь тончайшей пленкой, шурша мелким золотистым песком. С океана дул прохладный, напоенный самой жизнью ветер.

Иван обернулся.

Ступенчатая пирамида уходила вершиной в заоблачные выси. Она была облицована черным гранитом... Иргезейским? – мелькнуло в голове у Ивана. Да, гранит светился черным огнем изнутри, но планета Иргезея тут была не причем. Жрецы имели связь с этим непонятным миром... да, древнеегипетские жрецы знали и помнили о тех, неведомых и непонятных,

не оставивших зримого следа, тех, кого простодушные земляне называли атлантами. Вот она разгадка Атлантиды! Не в Средиземном море, не в Атлантическом океане, не у берегов Америки, и не на острове Крит... а в ином мире, в другом измерении, куда можно попасть через шлюз-провал. А он-то думал, что попадет напрямик в Преисподнюю. Нет! Туда дорога закрыта. Но на пути к ней есть еще вот эта страна.

Огненно-желтый луч пропорол тягучий воздух совсем рядом, чуть не разорвав Ивана на две части. Он успел увернуться. И увидел черную корявую фигуру, застывшую на одной из ступеней черной пирамиды.

Иван взмыл вверх. И ощутил вдруг, что сам воздух здесьнего мира враждебен ему, что живительный ветерок был лишь мороком, что его занесло во владения сил недобрых, ищущих выхода на Землю, но не вбирающих в себя посланцев Земли. Во Вселенной мириады миров, он не может пройти все, очистить их от скверны!

Усилием воли, не касаясь черного, он убил его. Опустился рядом. Вгляделся в уродливое, изборожденное морщинами лицо, запавшие застывшие глаза с кошачьими зелеными зрачками. Чуть выше висков из черепа торчали два небольших, но острых рога. Воплощение несуществующего? А может, оно было?! Существовало?! И он понял свою ошибку, он не имел права проникать сюда – здесь не Земля, здесь не действуют законы причинно-следственных связей. Здесь то, что было до Пристанища – здесь мир-пуповина, связующий Землю с Преисподней. Он должен был пройти мимо провала. И вернуться в свое время. Он свершил возложенное на него. И ему не было нужды познавать, что временная петля опять может замкнуться... Пирамиды! Да, именно эти сооружения копировали жрецы, поклоняясь потусторонним тварям, принимаемым ими за богов.

Проклятые выверты Мироздания!

Да, только так и должно быть, поднимаясь все выше и выше над миром, начинаешь видеть самые глубокие пропасти, в которых кишат ядовитые гады. Но уходя от мира в заоблачные высоты, ты оставляешь его. И снова становишься не воздающим за содеянное, но странником. Поздно! Теперь поздно! Он не может уйти отсюда, сбежать, не заглянув внутрь чудовищного, циклопического сооружения. Здесь должна быть дверь!

Иван опрометью бросился наверх, перепрыгивая через ступеньки, не желая растрачивать остатки Белой Силы в подъемах над бытием и падениях. И чем выше он поднимался, тем меньше видел вокруг, окоемы сужались, словно обрекая на заточение. Он добрался до плоской вершины и увидел дыру, ведущую внутрь. Но все перепуталось, перемешалось, ибо сама вершина оказалась не вершиною, а острием огромной, исполинской воронки, уходящей вниз, во мрак черных и мутных вод... Пуповина! Сквозной Канал!

Иван ринулся в дыру. И уже не один, а десятки черных корявых уродов бросились к нему, пытаясь сжечь в желтом пламени, испускаемом из огненных гребнистых раковин. Он разбросал их, ломая хребты и шеи. И поспешил далее, не понимая, где верх, где низ, даже веса своего он не ощущал. Внутри тоже были ступени – большие, плоские, бесконечные и бесчисленные. Они упирались в черные, просвечивающие ячеи, в которых стояли тысячи, миллионных рогатых уродливых тварей. Стояли и ждали своего часа. В длинных цилиндрических сосудах меж ячеями копошились мелкие светленькие личинки, те самые, что жрецы вживляли в головы своих детищ. Иван не видел концов этих сосудов, они терялись белыми, ускользящими нитями в воронке, ведущей вниз, в адские глубины. Да, так все и было. Преисподняя не могла ни при каких обстоятельствах сама выйти во Вселенную людей, но она проложила ход своим тварям – сложный, недоступный пониманию смертного, единственный ход!

Иван шел дальше. И черное пространство ширилось, отдаляя от него и ячеи и прозрачные трубы. И он уже сам догадывался, что не случайно попал сюда, и не по своей воле. Его заманили! Заманили, чтобы убить, чтобы обезвредить! Потому что он мешал им... Кому им? Посланникам Черного Мира на Земле, зудящим и вырождающим все вокруг себя?! Их больше нет, он уничтожил их! И они никогда не вернуться в свои Черные Миры, чтобы поведать о подчинении еще одной провинции Мироздания Океану Мрака. Никогда... Не надо зарекаться!

Иван знал, что с ним больше не будут шутить и играть. Он заковал себя в многослойную незримую броню Вритры, увеличил щитами Гефеста, превратил кожные покровы в непробиваемую пленку. И он помнил, что с ним Бог.

– Вот ты и пришел! – прогрохотало вдруг отовсюду сразу.

В черных лучах черного подземного солнца выявился из пустоты уродливый силуэт огромного, сгорбленно сидящего на черном троне бессмертного старца в надвинутом на глаза капюшоне. Старец был поразительно похож на Авварона Зуррбан-Турга... но это был не он, не «лучший друг и брат», не подлый и лживый колдун-крысеныш, вертлявый бес, а сам Ог Семирожденный. Иван сразу понял это.

– Да, я пришел! – выкрикнул он в ответ.

– И ты навсегда останешься здесь! – проскрипел Ог. – Это конец твоих странствий!

Иван промолчал. Но он почувствовал, как его тело начинают опутывать черными силовыми нитями потусторонние инфернополя. Он рванулся. Но не смог сойти с места. Он попался. Как комар, как жалкий комаришка попадает в паутину страшного, всесильного, черного паука. Он разрывал одни нити, другие, третьи, но его опутывали все новые и новые. Он рассекал их искрящимися клинками, рассекал в клочья... но вместо десятков рассеченных пут на него налипали сотни новых. Он запутывался все больше. Он уже не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем. Он был превращен в кокон.

А старец все скрипел, посмеивался – жутко и злобно. Он и не пытался скрыть своего торжества.

– Все, Иван! – проскрипел он наконец, оборвав свой зловещий смех. – Все! Не надо трепыхаться! До сих пор ты имел дело лишь с тенями моими, с жалкими и тленными ипостасями, разбросанными по эпохам и мирам. Теперь ты попался мне в лапы. И я могу раздавить тебя прямо сейчас...

Иван почувствовал, что чудовищная незримая сила сжимает его, что трещат все щиты и броня, что вот-вот они лопнут и от него останется мокрое место. Но давление вдруг ослабло. И он смог вздохнуть, с хрипом, с болью в сдавленных ребрах.

– Убедился?

– Да, – просипел он.

– Но я тебя сразу не убью. Ты не дождешься такой милости от меня. Я заставлю тебя подняться вверх по той лестнице времени, которой ты спускался ко мне, и выправить свои ошибки. Дарованной тебе силой ты будешь сокрушать противников моих сынов, отмеченных моими посланцами в их головах. Ты приведешь их к власти – абсолютной, полнейшей власти надо всеми Вселенными. А я буду всегда рядом с то-

бою, я не дам тебе оплошать и проявить слабость. И вот когда ты узришь всемогущество избранных мною и гибель Рода твоего, когда ты познаешь позор поражения и ужас предательства в полной мере, когда ты изопьешь чашу изгоя, я убью тебя люто и страшно!

– Мразь! – процедил Иван.

– Нет, я не мразь, – снова зашелся в скрипучем смехе Ог Семирожденный, – ты ведь даже не знаешь, кто я есть, верно?!

– Ты сатана!

– Ошибаешься! – старец навис над Иваном своим огромным жутким лицом с провалами вместо глаз. – Я тот, с кем ты боролся все это время, кого ты убивал, истреблял, но так и не смог истребить. Ты отсек мне путь в будущее, всем нам отсек пути. Но ведь мы уже были в будущем! Верно? Ведь ты не мог этого не знать! Мы уходили в Систему и Пристанище в XXV-ом веке, в XXXI-ом и XXXIII-ем. Ты все знаешь. Ты перерубил все цепи, ты обрек нас на смерть. Ты разрушил Систему и Пристанище. И ты торжествовал победу! Но ведь мы были! Те, кого ты называл бессмертными выродками, властелинами миров. И мы, все мы в моей плоти и моем духе, ушли из взорванной тобой Системы, за миг до взрыва, понимаешь, ушли в далекое прошлое, сюда. Петля замкнулась, ты был прав! Ведь ты успел подумать про это?!

– Да! – невольно признался Иван.

– И ты не ошибся! Мы здесь! И мы начнем все с начала, с самого начала! Потому что все идет не по восходящей и не по всяким вашим спиралям, это бред для наивных дурачков-профанов, все идет по петле, замкнутой пространственно-временной одноповерхностной как лента Мебиуса петле. И эта петля, Иван, захлестнула твою шею. Ты попался! И вообще, ты должен наконец понять одну простейшую истину – тьма всегда пожирает свет! белое обязательно станет черным! нет ни одной вечной свечи, все они догорают и миры погружаются в потемки! Это закон Мироздания, Иван! Нерушимый и вековечный закон! И постигнув его, ты мог бы достичь многого! Ты стал бы одним из нас и обрек бы себя на могущество и власть в вечности! Но ты пошел иным путем. И ты убил себя. Уже убил! Но хватит... готовься, мы идем обратно. Мы идем воссоздавать то, что ты порушил. И чтоб не было препон и сбоев в пути твоём новом, пути Черного Блага, я сам, Ог Семирожденный, войду в твоё тело и в душу твою!

Нависшее черное лицо стало приближаться. Это был один черный сгусток тьмы, от которой не укроешься, не убережешься, которая всевластна и всеильна.

Давящие, смертные сомнения навалились на Ивана. Все напрасно! Все мучения, труды, странствия, битвы... Все зря! Он уже ощущал, как в него начинала просачиваться Тьма.

Но он был еще жив. И он собрал остатки сил, извергая из себя, из души своей непрощенного гостя. Нет! Он не позволит бесам еще раз вселиться в нее! Он умрет здесь – в самых страшных муках умрет, но он не пойдет их путем.

– Изыди, мразь! – прохрипел он, задыхаясь от напряжения. – Прочь!!!

В нем не было прежней силы. Но он еще мог сопротивляться. Только так! Сопротивляться, драться, пока есть силы! А потом драться сверх силы, не сдаваться! Никогда! Ни за что!

Сатанинский оглушительный вой потряс внутренности черной пирамиды. Все демоны зла обрушились на скованного по рукам и ногам Ивана. Но он уже рвал путы. Слаб человек! Но никто не закроет двери, открытой пред ним!

Чудовищный злобный хохот иссушал плоть, добирался до мозга, обдавая его ледяным дыханием. Старец торжествовал, сопротивление обреченной жертвы лишь подогревало холодную кровь Выродка-Мертвеца.

Ог Семирожденный ликовал... он еще не видел волхвов, ставших плечом к плечу с жертвой.

– Откуда вы?! – изумленно прошептал Иван, озирая сразу все семь освещенных нездешним светом лиц.

Седоволосые, парящие в черном тягучем воздухе, в святящихся одеяниях, непоколебимо спокойные и светлоглазые, они окружали его – от самого юного до самого древнего, покрытого морщинами.

– Ты проложил дорогу нам! – ответил ближний. А тот, что был с ним рядом на вершине, добавил:

– Ты забрался в самую глубокую пропасть. К самым страшным и ядовитым гадам. И мы не могли бросить тебя. Но помочь себе сможешь только ты сам!

Теперь уже не одно черное ужасающее лицо давило на Ивана, к нему тянулись огромные, скрюченные, когтистые черные лапы. Выродок-Мертвец понял, что происходит нечто не предвиденное им. Он спешил. Он давил, оглашая внутренности своего черного храма уже не воем и не хохотом, но

разъяренным рыком. Он тянулся к Ивану, и вся Преисподняя тянулась к нему, чтобы войти в душу всеубивающим ядом, подчинить ее себе и погубить.

– Мы с тобой! – не разжимая губ, крикнул Ивану старый волхв. – Братья и сестры, отцы и прадеды, все!

Иван рванулся из пут, разодрал в клочья кокон. Прижал ладонью к голой груди оплавленный крест. Теперь он видел не только светящихся Небесным огнем волхвов. Сотни тысяч русских героев и полубогов окружали его со всех сторон, ограждали от сил мрака и зла. Они пришли! И они снова с ним! Звенели латы и кольчуги, бряцали бронями пешие и конные, взвивались вверх черно-бело-золотые святоросские стяги, стояли, тянулись к нему, отменяя прочь черные вихри, богатыри-витязи, дружинники, воины... совсем рядом высился в львиной шкуре, наброшенной на могучие плечи русоволосый Ярослав, за ним искрились золотые кудри Жива, вздевающего вверх копье-молнию, потрясал булатным мечом князь Ахилл... сотни тысяч, тьмы дружин. А над головами искрилось и сияло позлащенными доспехами Небесное Воинство Архистратига, вытесняло, выдавливало мрак в углы и закоулки пирамиды. Они пришли к нему!

И они вошли в него! – Иван ощутил небывалый прилив сил. Он не один! Но он последний! И ему биться за всех, биться один на один! Он взметнул вверх руки – и огненно-голубые лезвия праведных клинков полыхнули такой мощью, что адский стон и хрипение прокатилось под чудовищными сводами.

Черный сгусток, бесформенный и дрожащий, метнулся к нему, грозя засосать в себя, пожрать навсегда. Но Иван опередил Ога Семирожденного, он рассек его мрачную плоть на две части. Отпрыгнул. И тут же миллионы черных рогатых тварей бросились на него со всех сторон, целая армия корявых гадин жаждала его смерти.

Биться! Биться сверх сил! Иван крушил нечисть, не жалея себя, не оставляя ни вдоха на потом, ни капли крови на завтра. Он весь был в каждом взмахе, в каждом ударе. И с ним были все пресветлые рати Святой Великой Руси. С ним был Благословивший его на этот бой...

Истерзанный, измученный стоял он посреди страшного поля, когда некому было уже воздеть на него руку. Груды черных, изгнивающих, съезживающихся на глазах тел лежали

повсюду, омерзительной зеленой жижей были залиты внутренности поганой пирамиды.

Но полз к нему змей, полз червь кольчатый, мохнатый, ядовитый, грозя убить обессиленного, вымотанного. Издыхающий Ог хотел забрать его с собою, в черные пучины.

– Прочь, нечисть!

Иван, вздымая многопудовые, неподъемные руки, устремил святые клинки в основания пирамиды, в клубки свивающихся прозрачных труб, наполненных копошащимися личинками. И полыхнуло светлым огнем. Рухнули своды, разорвались трубы – потекло, посыпалось, полетело все в дьявольскую воронку, с зудом и шипением, с писком и скрежетом изверглось в преисподнюю содержимое сосудов, черви и личинки, обрушились в бездну мрака тысячи корявых тел и рогатых голов, покатались, засыпая собою провал черные блоки гранитные... Он успел! Он смог! Он сокрушил это новое Пристанище вырождков, обрушил его в Океан Смерти. С воем, с сатанинскими визгами, злобным и истощным зудением возвращалось все на круги своя, чтобы уже никогда не подняться из Преисподней.

И только издыхающий червь полз на Ивана.

И Иван умирал от ран, от боли, от невероятного напряжения. Он еле стоял на ногах. Он падал, поднимался, истекал кровью. Но шел на этого червя, на гнусного змея. С яростным криком, преодолевая себя, проваливаясь в темноту, он схватил гадину вырождения за голову и хвост, разорвал на две части и бросил в затягивающуюся черную дыру провала. Успел! Осыпающиеся черные глыбищи закрыли собою все, заткнули Сквозной Канал, сомкнулись, не оставляя и щели.

А Ивана, полуживого, истерзанного, избитого, изможденного швырнуло куда-то вверх, протянуло сквозь тенеты паутин, бросило в раскаленный песок, перевернуло, ударило – и снова швырнуло, но теперь уже в обжигающий снег, и снова завертело, закружило, обволокло белесым туманом, повалило в густую зеленую траву под высоким синим небом.

Он ничего не видел, не слышал, он умирал... Но он знал, что сумел разорвать временную петлю, сумел донести свой крест до конца.

Эпилог

НА КРУГИ СВОЯ

В Свете. Вне времен.

Еще не узрев никого, но зная, что Он уже здесь, Иван опустился на колени, склонил голову и тихо сказал:

– Я исполнил Волю Твою. Возездие свершилось.

Сокровенное дотоле тепло проникло внутрь его тела, наполнило его светом и воздушной легкостью. Он сразу воспрял духом, будто невидимая кристально чистая струя смыла проникшую в каждую пору кожи и души коросту тягот, страданий и болезненной памяти.

– Встань!

Иван поднялся с колен. Прямо и открыто посмотрел в серые бездонные глаза – в них были все миры Бытия: и старые, и новые, и еще не родившиеся, и уже давно ушедшие. Светловолосый человек, ослепительно похожий на него, но весь на-

поенный совершенством и могуществом, будто сотканный из самого Света, стоял напротив него – не выше, и не ниже, а ровень, лицо в лицо, глаза в глаза... Всеблагодой и Извечный!

– Ты исполнил свою волю и волю всех, созданных по Образу и Подобию, наделенных душою и разумом. Ты был послан в погибающий мир, чтобы спасти его. И ты выдержал испытание. Но ты не был игрушкой в чужих руках. Ты вершил суд и возмездие сам – за себя и всех детей Моих. А Я... Я только верил в тебя. И ждал.

– Нет! – выкрикнул Иван истово. – Нет! Ты вел меня везде и всюду! Ты был со мною! Никогда бы я один не выдержал и тысячной доли того, что пришлось испытать мне на тяжком пути...

– Успокойся.

Сероглазый обнял его за плечи, прижал к себе. Прикосновение легких рук было почти неощутимым. Но Иван сразу успокоился, тишина и благодость объяли его исстрадавшуюся душу. И теплой, мягкой волной накатило осознание того, что он сам прошел свой крестный путь – от начала и до конца, через все невзгоды и тернии, через кровь, муки, ужас, лишения, разлуки, битвы и тяжкий ежечасный, ежедневный труд. Он сам! И это не было гордыней. Это было осознанием себя. Его вела вера. Иди, и да будь благословен! Только сейчас во всей полноте до него дошел смысл этих тихих слов. Иди! Ибо благословляющий тебя не идет с тобой. Он лишь верит в тебя и ждет. И весь путь свой ты должен проделать сам, даже если это путь спасителя людского, путь, уготованный не для смертных... Иди! И да будь благословен!

– Я был с тобою лишь памятью обо Мне и верой в правое дело, – проникли в сердце слова сероглазого.

– Да, – откликнулся Иван, молча, не раскрывая рта, – но и этого было достаточно. Я был Твоим Мечом в мире зла! И я сокрушил его!

Сероглазый отстранился. Испытующе посмотрел на Ивана.

– Зла в мире не убавилось, – сказал он еле слышно.

– Как же так? – растерялся Иван.

– Ты лишь избавил земные миры от напастей и спас род человеческий. Но ты не истребил зла. Оно неистребимо пока есть жизнь. И оно вернется в новых ипостасях. И люди не узнают его в другом обличий. И все начнется сначала... Покоя не будет.

– Значит, все было зря, – понуро изрек Иван. И перед глазами его проплыли искаженные болью и ужасом лица его родных, друзей, близких, всех, кого он потерял за последние годы – а потерял он именно в с е х ! всех до последнего! Увиделись страшные подземные лабиринты с миллиардами растерзанных землян, превращенных в рабов, в еще живое мясо, в бездушную страдающую плоть. Все зря! Зло вернется в мир!

– Но и мир станет за это время сильнее, – утешил его Вседержитель, – добрее и лучше...

– И он опять не заметит просачивающегося в него мрака?!

– На этот вопрос смогут ответить лишь живущие в мире. Ибо им дано видеть или не видеть. Тебе же надлежит помнить одно: не гордыня, и не жажда славы, и даже не надежда на признание трудов твоих должны двигать тобою. Но только лишь вера в то, что никто другой не пройдет твоим путем, никто иной не осилит твоей крестной ноши!

В груди у Ивана похолодело. Он почти и не думал о славе и признании. Но все же где-то в глубинах сердца, в потаенных закоулках души жили тени надежд. И вдруг вот так, разом, одним махом...

– И никто никогда не узнает того, что свершилось?! – спросил он, заранее зная ответ.

– Никто и никогда.

И снова покой объял его. Так и должно быть. Не славы ради шел он на смерть. И не все надо знать людям, не все способны выдержать они, не со всяким грузом в сердце жить можно. Никто и никогда! Будто ничего и не было. Просто род людской прошел по самому краю, по лезвию бритвы... и уцелел. Но никто и никогда не узнает имени спасителя. Все верно, все правильно. Никому ничего и не нужно знать.

– Ты отпустишь меня? – спросил он у сероглазого.

– Да, – ответил тот, – ты волен в остатке жизни своей. И я хотел бы, чтобы новые тяготы легли на плечи не твои, но тех, кто придет за тобою, ты много перенес и ты заслужил покой. Но никто не сможет обещать тебе покоя, пока ты там, среди живых.

– Никто, – эхом отозвался Иван.

– До конца дней своих лишь ты один на Земле и во Вселенной будешь знать правду о том, что случилось. Помни, ты один! Никто не может лишить тебя памяти. Но никто и никогда не поверит ни единому слову твоему, если решишь ты

поведать смертным о гибели мира, о земном апокалипсисе... ибо для них он всегда впереди, в грядущем!

– Я знаю, – сказал Иван. – И все равно я хочу к ним, на Землю.

Сероглазый подошел совсем близко, возложил ладони на плечи. И Иван почувствовал, как некая часть его перетекает во что-то непостижимо огромное, не имеющее границ и вечное. Но еще он почувствовал, что остается самим собою, утрачивая лишь обретенное на время в Старом Мире и не нужное на Земле. Ему сразу стало легко и вольно – таким и следует возвращаться туда, к людям, таким и надо жить среди них... и кто знает, что будет там, на Земле? Он был чист и светел. Лишь стародавнее и привычное тяготило душу, обыденно, неизбежно, ну да ничего, эту тяжесть надо было нести – до конца, до гробовой доски.

– А теперь проси Меня и Я исполню желание твое! – сказал сероглазый.

– Мне не о чем просить Тебя, – ответил Иван, – мне ничего не надо.

– Ничего?!

Иван пожал плечами. Ну что он мог попросить у Всемогущего! Вернуть из небытия Алену, Светлану, Гуга, Кешу, Дила Бронкса... Это невозможно. Да и зачем? Зачем обрекать их на новые страдания?! Он знал, что все они в лучшем мире, что они ждут его, но он должен придти к ним не раньше и не позже положенного, предопределенного. Вот только несчастный Цай, за него надо попросить, за пожертвовавшего собой ради них, загубившего душу свою и зятянутого в мрачные воды черного океана...

– Не проси за него, – прервал мучения Ивана сероглазый, – отдавшему душу за друга своя будет воздано по делам его, и воссоединятся они по прошествии времен, ибо жизнь его черна и страшна была, но душа чиста. Проси для себя!

Все бывшее промелькнуло пред Иваном в стремительном вихре. И ничего не желал он исправить в прошедшем. Не нужны ему были земные богатства и почести. И власти он хлебнул с лихвой, до избытку. Ничего не надо! Лишь обожгло вдруг ослепительным пламенем, будто это он сам был привязан к поручням, будто его убивали трехглазые ироды. И встали перед глазами два корчащихся в лютом огне тела. И ударило в уши материнское проклятие. «Не придет он мстителем... не умножит зла!!!» Так было сказано, так изречено. А он

пришел. Он не подставил левой щеки. Он повторил сказанное не им, но праведное и единственно верное: «Мне возмездие, и аз воздам!» И он не умножил зла, но сокрушил его – пусть не навсегда, пусть на время, но воздал по делам... А они все там же, в Черной Пустоте, в бездне среди падающих миров... И тогда он взмолился:

– Даруй мне ее прощение! И возьми их к себе, в Свет!

И ощутил, что не легкие руки Вседержителя касаются его плечей, а совсем иные – тонкие, нежные, горячие, материнские. Да, это она обнимала его, прижимала к груди, плакала, орошая его грудь слезами, и опять обнимала – большого, сильного, постаревшего, совсем не похожего на того младенца, которого знала. И за спиной ее стоял отец и смотрел на него серыми, печальными глазами, и губы у него чуть подрагивали, он тоже хотел обнять сына, и он обнял, сдавил его, когда мать лишь на миг отстранилась. Да, это были они – те, кого он почти не знал, те, кто дали ему жизнь, погибшие за него во мраке Космоса.

– Сынок, милый, родимый, – причитала мать, совсем еще юная, лет на пятнадцать моложе его самого, сына, но исстрадавшаяся, дрожащая, – прости меня! прости нас! прости слова мои и забудь! Живи! Живи!! Живи!!!

А он не мог выдавить из перехваченного судорогой горла ни слова, он молчал и плакал. Ему нечего было больше желать. Эти двое, отец и мать, являлись ему каждую ночь, они страдали сами и заставляли страдать его – безмерно, невыносимо. Теперь они обретут покой. И вместе с ними он обретет покой. На время земной жизни.

Он склонился над матерью и поцеловал ее. Обнял отца.

– Простите и вы меня!

И почувствовал, что они ушли, растворились в Свете, и что он обнимает сотканного из неземных лучей и почти неосязаемого сероглазого, русоволосого человека, и что сероглазый этот – словно светящееся окно в какой-то прекрасный и непостижимый мир, влекущий, манящий, чудесный.

Но ему еще рано было туда. Иван отстранился. И услышал:

– Иди! И да будь благословен!

***Земля. Великая Россия. Москва.
Год 2488-ой, май.***

Он очнулся во Храме, перед глядящими на него Святыми Лицами. Он не помнил, как забрел сюда – наверное, добрая и чистая сила привела его под святые своды. Ноги еле держали Ивана. Он опирался на простой и корявый дубовый посох, и чувствовал, что руки дрожат.

Слишком рано встал, слишком рано! Надо было еще отлеживаться в подмосковном госпитале-санатории для оставших десантников-стариков, куда его определили пару месяцев назад после последнего, уже нештатного рейда... Так и сказали: «Все! Хватит! И не в запас, а в отставку – на списание, вчистую!» Они там ничего не знали, да и не могли знать. Он проходил по документам, как вернувшийся с Тройного Зугара после двухгодичной штурмовой геизации старикан, износивший себя до предела, полубезумный, почти мертвый... Ну и пусть! В чем-то они были и правы, Иван лежал первый месяц в лежку, это уже потом начал ползать и пытаться вставать. А теперь вот и выбрался в эдакую даль!

Он помнил Лики. Помнил еще по тем, стародавним встречам с ними под куполами Храма Христа Спасителя. Они были родными, близкими. И под слоями красок, нанесенных иконописцами, он узнавал тех, кого видел не на дереве, не в красках. Архистратиг Михаил! Георгий Победоносец! Чистые и ясные лица, развевающиеся на ураганном ветру длинные льняные кудри, глаза-озера, и золото доспехов, лес копий, стяги, Небесное Воинство, тысячи поколений непобедимых, дерзких и праведных россов... их не удалось превозмочь, не удалось сломить и ныне, они выстояли, и они выстоят впредь! Ведь это они шли по дикому и лютому, первобытному миру, шли шаг за шагом, неся свет в сумеречные земли, неся крест святой к еще не познавшим света, предуготовляли приход Спасителя – они, русобородые и ясноглазые – первоапостолы, проповедовавшие на свой лад за тысячелетия и столетия до Пришествия. Святая Русь!

Он вглядывался в Лик Богородицы. И видел Ее, Единственную, Покровительницу Земли Русской, вобравшую в себя тысячи и тысячи жен и подруг первороссов, их лад и стать, синеву и чистоту их глаз, тепло и добро их сердец. Это они хранили Род, они рожали его сынов и дочерей, предуготов-

ляющих мир дикости и безверия к Благой Вести. Их сила, их ласка, их вера напитали Ее, принесшую в мир Спасителя... если бы только нынешние, перемешавшиеся во временах и пространстве потомки созданных по Образу и Подобию и двуногих ходили не на черные мессы, а сюда, к Ней! Смотрели бы в Ее глаза! Ведь сколько бы ни оставалось в мире зла, как искусно не рядилось бы оно в чужие одежды, для того и есть в земных мирах Святая Русь, чтобы придти, вернуться блудным сыном, припасть...

Иван дрожащей рукой ставил и возжегал свечи: и во здравие живущих, и за упокой души – Всем Святым, пусть и не было в книгах и писаниях имен, что носили его усопшие друга, не было гугов и дилов... но там, на Небесах разберутся, они уже в Свете. Им воздано!

Он вышел из-под сводов укрепившийся духом и просветленный. Он уже знал, что не вернется на больничную койку, что найдет себе место в этом шумливом, гудящем, мятущемся мире.

День стоял благодатный, майский. Иван неспешно, опираясь на посох, брел вдоль величавых кремлевских стен и башен, а в воздухе плыл медовый колокольный звон. Сердце Святой Руси! В это было трудно поверить, но все стояло на месте – незыблемо, могуче, прекрасно и державно. Высились купола, блистающие золотом и увенчанные святыми, крестами, возносились в голубое небо шпили и орлы башен, шелестела густая листва, бегали и смеялись неугомонные и беспечные детишки, в хрустально-граненных стеклах играли шаловливые солнечные зайчики... Москва жила! Шумно, радостно, истово и непобедимо! Иван заглядывал в лица прохожих – в одно, другое, третье, сотое, тысячное... и не видел в их глазах отражения своих глаз. Он чувствовал, мир не тот что прежде, в нем было нечто страшное, грозное, но предотвращенное... но в нем не было окровавленных, залитых слезью развалин, не было растерзанных тел на мостовых и разбухших трупов, плывущих в мутных водах Москва-реки, не было груд заледеневшего пепла, не было смертного ужаса, страха, неотвратимости гибели. И они ничего не ведали! Ничего!

В госпитале его держали под колпаком, в самом прямом смысле. Он ничего не знал сам, ему и нельзя было ничего знать, врачи запрещали. Но он вырвался. И теперь никто не мог его ограничить. Ему жить в этом мире и дальше. Дай Бог,

чтобы жить в покое! Он спас этот мир. И он должен его видеть.

Куранты на Спасской башне пробили полдень. Надо было бы передохнуть, слишком много впечатлений на первый случай, для первой вылазки. Иван уселся на траву, стиснул лицо руками. И сразу загудело, зашумело в голове, истощный визг алчных выползней ворвался в уши – да, здесь, на спуске, они терзали несчастных, пили кровушку из обреченных... а потом мрак, темень, холод, мертвые руины и черная вековечная ночь. Нет! Надо идти дальше.

Иван встал. Пошел вперед, распрямляя спину, расправляя плечи. Красавец Василий Блаженный стоял, как ему и полагалось стоять, на своем исконном месте, стоял, радуя сердце, будто и не был сокрушен извергами, развален по камушку, по кирпичику... нет, он был сокрушен в другом времени, в другом пространстве... которых уже не будет! Иван протер глаза, смахнул набежавшую слезинку.

Памятник Минину и Пожарскому, спасителям России, тоже стоял как и должно было, напоминая о делах былых, страшных и славных. На Красной площади было немногочисленно, сотни две-три приезжих запечатлевали себя на фоне стен и башен, храмов и дворцов. Солнце слепило, Иван опускал глаза к брусчатке, они болели, зрение еще не совсем восстановилось, и он не мог разобрать, что же там возвышается на месте давным-давно снесенного черно-красного уродливого зиккурата, жалкой копии Поганой Пирамиды, где покоилось нечто чуждое для русского и непонятное... последние четыреста с лишним лет там было просто пустое место – та же брусчатка, кустики, голуби, бегающие детишки. А сейчас там отливало матовым багрянцем осенней тяжелой листвы что-то огромное и неясное, незнакомое, но заставляющее учащенно биться сердце. Иван сразу понял, что это. Но ему надо было убедиться, подойти ближе.

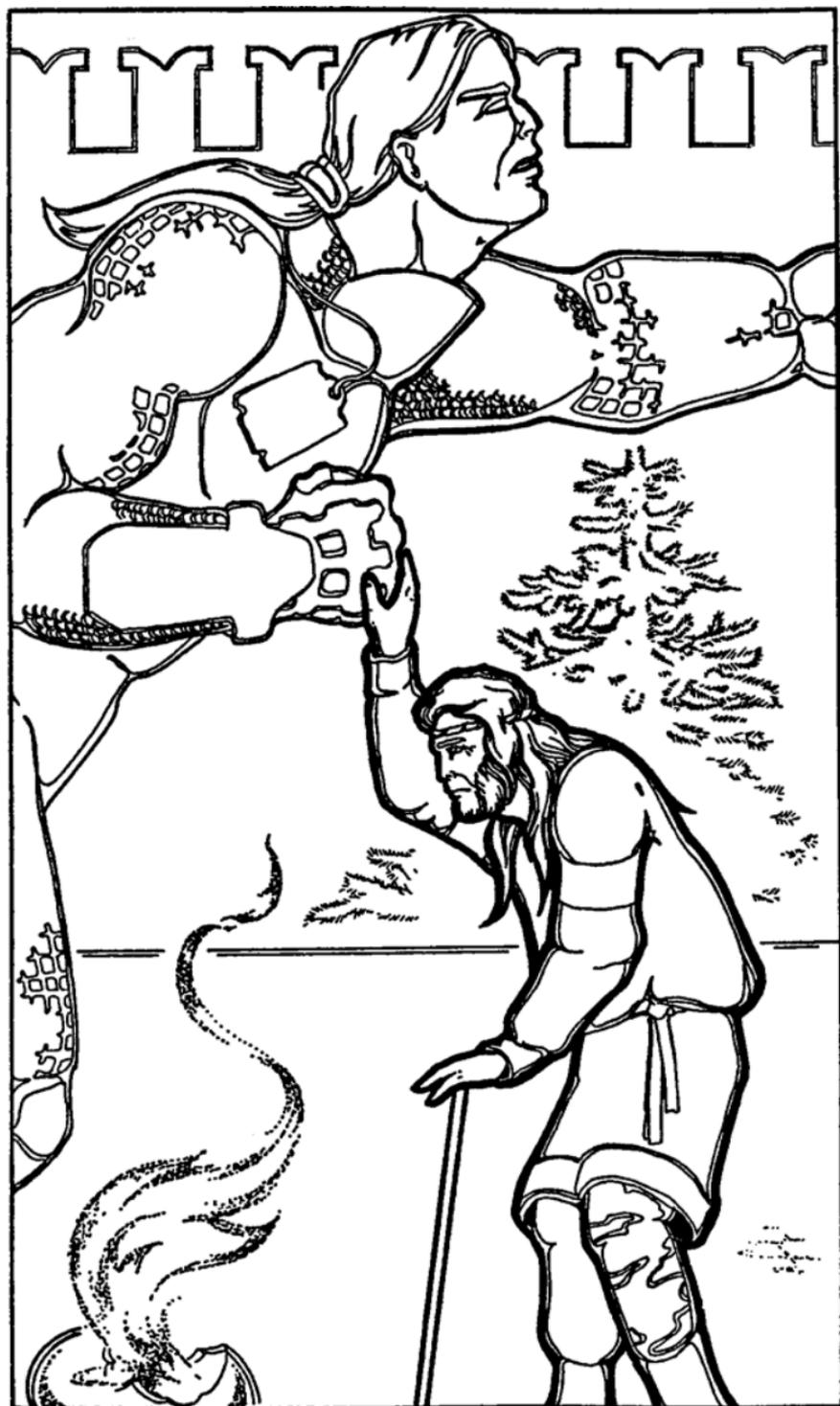
И он подошел. Еще раз протер слезящиеся глаза.

И замер.

Метрах в сорока от него, почти у самой кремлевской стены, на высоком черном с прожилками гранитном постаменте стояли плечом к плечу двенадцать тяжелых, литых из чистого багряного золота фигур в три человеческих роста.

– Господи! – прохрипел Иван, не веря глазам своим.

В первой фигуре, подавшейся вперед могучим, но отнюдь не грузным телом, он узнал Гуга Хлодрика. Гуг будто рвался

навстречу неведомому, лицо его было напряжено, губы стиснуты, кулаки сжаты. Чуть позади и левее за Гугом стоял Дил Бронкс в облегающем полускафе, с лучеметом в руке. Справа Гуга прикрывал Иннокентий Булыгин, жилистый, скуластый, несокрушимый и вместе с тем как-то по-русски добрый, он был чисто выбрит и совсем не сутулился, и все же это стоял Кеша, которого просто невозможно было с кем-то спутать. К ногам его жалась поджарая «зангезейская борзая» с умной, осмысленной мордой и человеческими глазами. За Кешей, чуть придерживая его, будто не давая сорваться с места, стояла Светлана с распущенными волосами и запрокинутым к небу лицом... Ивана оторопь взяла. Светка! Она была как живая, еще немного, чуть-чуть – и шагнет, сорвется, закричит, замашет ему рукой! Нет! Невозможно! К спине Гуга жалась гибкая и тонкая Лива, Глеб Сизов стоял, чуть подогнув большую ногу, нахмурившись, казалось, вот-вот у него на литой щеке дернется желвак... Хук Образина, кто-то незнакомый, отвернувшийся и скорбный, погибший в расцвете сил Олег, сын, родная кровиночка, с недоумевающим, но решительным лицом, Алена... чуть поодаль от нее стоял Цай, он был не такой корявый как в жизни и бельма не уродовали его глаз, и во лбу не чернела незаживающая рана... Да, это были они! Красивые, высокие, могучие, былинные – будто полубоги, пришедшие из небывалой, сказочной древности и замершие на возвышении, надо всем суетным и мимолетным. Иван видывал множество памятников, но такого ему еще не доводилось видеть. В телах этих полубогов, в самом литом багряном золоте таились весь гений человечества и сама его суть – движение, порыв, неостановимость и неистребимость.

Минут сорок Иван стоял ошарашенный, потерянный, ничего не видящий кроме этих близких ему и далеких ныне людей. Потом вновь обрел способность замечать окружающее, поймал за руку девчужку лет шести, пробежавшую мимо, хохочущую и беспечную.

– Ой, дедушка! – вскрикнула она, совсем не испугавшись.

А Иван замялся. Дедушка? Ему чуть за сорок... Правда, вот борода седая, лохмы торчат – тоже пегие все, глаза слезятся... Конечно, дед! Кто же он еще!

– Скажи, – ласково попросил он девчужку, – ты знаешь про этих людей? Вон, видишь, стоят... кто они?

Хохотушка поглядела на него с недоумением, улыбнулась. Но ответила, кокетливо строя глазки:

– Все знают! Они спасли Землю, и погибли, там, – она вдруг скривила личико, махнула куда-то вверх ручонкой. Но потом снова улыбнулась и выпалила: – Только это было давным-давно, меня еще и на свете не было!

Иван разжал руку. И девочка убежала к родителям, парнишке и девчоночке, которые сами были немногим старше ее.

Давным-давно! Значит, все-таки было! Значит, кое-что осталось – пускай в памяти, в этом золоте у стены. Но никто и никогда не узнает всей правды. Никто! И никогда! Лишь его до последних дней будут мучить видения обледеневших черных городов и черных перепончатокрылых теней в черном тягучем воздухе. Лишь он будет помнить, что было... да-да, не могло быть, а именно было! И он будет приходить сюда. Каждый день. И будет читать эту коротенькую и крохотную надпись на постаменте каждый раз заново: «Они сделали все, что смогли...»

И никто и никогда не будет узнавать его. Никогда не поставят ему памятника. Не напишут про него в книгах... Ну и не надо. Он и так знает про себя все. А им лучше не знать. Не каждому по плечу такой груз. Память штука непростая.

А еще он будет приходить туда, к Храму.

Иван быстро, почти не опираясь на посох, пошел к спуску. И руки и ноги его совсем не дрожали. Жизнь дала ему больший заряд, чем тысячи больничных коек. И он увидел их – светивших ему на Земле и во мраке черной пропасти, хранивших его повсюду.

Неземным сиянием в чистом майском небе, отражая Огонь Небесный и открывая путь к Свету, сияли над землей, над Вселенной, над бескрайним Мирозданием Золотые Купола Святой Руси.

1989-96 гг.

Сергей Москалёв

ГАРДЕРОБ

Первая подобная смерть была зарегистрирована в начале июня. Джефферсон Монт был задушен в своей квартире. Тело осталось около входной двери. Великолепный костюм не был даже испачкан. Его задеревеневшие руки тянулись к удавке, след от которой точно отпечатался на шее, как раз под бугорком. В комнате, где он провел свою последнюю минуту, были заметны следы борьбы: немного собранный ковер, перевернутый стул, опрокинутый телефон, розетка которого была с корнем вырвана из места соединения. Никаких следов, отпечатков пальцев или ног на месте преступления обнаружено не было. Входная дверь осталась запертой изнутри, на столике лежали счета и проекты контрактов. Смерть наступила мгновенно.

Мотивы убийства Монта легко угадывались за образом его жизни. Владелец нескольких десятков компаний, финансовый магнат Джефферсон Монт вел бурный образ жизни, часто меняя любовниц. Со своей бывшей женой он не поддерживал никаких отношений. Его сын, преуспевающий адвокат, давно вел собственное дело и никак не зависел от отца.

Солидная часть состояния Монта досталась секретарше, работавшей у него последнее время.

Немного позанимавшись, полиция отправила это дело в архив как нераскрытое. Ни одна из прорабатывавшихся версий не была доказана следствием.

Следующим был Адам Качер. Его нашли за рулем такси в пять утра в пригороде. Смерть наступила по причине болевого шока от нескольких открытых переломов обеих ног. Нашли клиента, которого он вез с одной из вечеринок около трех но-

чи, некоего Уильяма Хопки, человека без определенных занятий. Но и с него было снято подозрение, так как Хопки не обладал большой физической силой, а для таких переломов, по заключению врачей, нужно было ударить Качера тяжелой гирей по ногам несколько раз прямо в машине, где мешает руль. К тому же таксист заправлялся на бензоколонке в половине четвертого, что и подтвердил заправщик.

Эти два убийства поставили полицию в тупик. Если мотивы в преступлении с Монтом как-то просматривались, то в убийстве таксиста Качера не было никакого смысла. Вся выручка была при нем, он не имел большого состояния, вместе с семьей занимал скромную квартиру. Вдовой осталась жена с шестилетней дочерью.

Как и в случае с Монтом, расследование ни к чему не привело. Через некоторое время материалы были сданы в архив. Газетная шумиха почти не переставала утихать, говоря о гибели Монта, о таксисте же было написано всего несколько строк в вечерней хронике.

Легкую панику вызвало третье преступление. Во время купания в один из уик-эндов, на тех пляжах, куда стремится любой человек, один из купающихся закричал. Его крик вызвал сначала замешательство, все подумали, что у берега акула. Большое кровавое пятно вокруг него было наглядным тому подтверждением. Спасатели поспешили к кричавшему, но из воды извлекли две человеческие половины, разрезанные по поясу, словно бритвой.

Это произошло в августе. Все газеты, словно сговорившись, «набросились» на криминальную полицию. Под броскими названиями они на первых полосах помещали фотографии погибшего Ирвина Энмалса и требовали найти убийцу, не оставляющего буквально никаких следов на месте преступления. Телевидение также не осталось в стороне от сенсационных убийств и подготовило несколько аналитических программ. Необходимо было что-то предпринимать, дела затребовали из архива, но расследование не продвигалось дальше имеющихся фактов.

– Значит так, Ларри, – сказал мне редактор, положив телефонную трубку, – если мы не поднимем тираж, не напечатаем чего-нибудь сногшибательного, наш журнал прекратит свое существование. Вот тебе чек, расходишь деньги и копай. Копай все, что сочтешь нужным, проводи параллельное расследование, ищи свидетелей, вобщем, добывай материал.

Только учти, что денег больше нет ни у меня, ни у журнала. В лучшем случае, мы выпустим еще один номер, а затем наше имущество пойдет с молотка. Сегодня шестое августа, в твоём распоряжении три недели и два дня.

– Боюсь, мне нечего будет найти, чтобы поддержать тираж. По этим убийствам работает разведка, они ищут по всем направлениям. Как бы мне не опоздать.

– На то ты и журналист, Ларри. Ищи, копайся в мусоре, заглядывай под одеяла, спускайся в канализацию, придумай сам, в конце концов, что-нибудь, только раздобудь парочку доказательств. Это как раз тот случай, чтоб выбраться из кризиса.

Я откровенно приуныл. Обо всех трех убийствах теперь писалось подробно. Биографии жертв появились в газетах и, как водится, в их жизни отыскивались эпизоды никак не связанные с гибелью, но представленные газетчиками как причина. Любому нормальному человеку было ясно, что таксиста Качера не мог убить друг его юности, от которого он когда-то увел подружку. (Впоследствии она сбежала и от Качера.)

Идти за материалом в полицию я не хотел, да и не могли они сообщить мне что-то новое. Мисс Санджес, секретарша Монта, меня бы не приняла, журнал «Вторая Ступень» ей ни о чем не говорил. Вдова Качера Кора никого не желала видеть, а Энмалс был холостяком.

Я скупил все газеты, где что-либо печаталось о преступлениях и жертвах и пришел к выводу, что ничего нового я найти не смогу. Лишь в интервью с Корой Качер меня заинтересовала одна подробность. Накануне гибели Адам Качер был на распродаже, купил кое-что из вещей. Кора больше говорила о нем как о примерном семьянине и заботливом отце, о том, что полученной страховки хватит ненадолго, что теперь ей придется оставить домашнее хозяйство и пойти работать. Следующим звеном в цепи стал Монт. За два дня до гибели ему был доставлен новый костюм, в котором он и был найден. Энмалс погиб спустя неделю после своего дня Рождения. Друзьями ему был подарен пляжный комплект.

Надежды на удачное расследование у меня почти не осталось. Я открыл кейс, положил туда всю прессу и отправился в закусочную. Времени на это дело почти нет, сумма, вписанная редактором в чек, смехотворно мала, ее не хватит даже на текущие расходы. Жуя сэндвич и запивая его горячим молоком, я подумывал, не отказаться ли мне от этого дела вовсе и поиск-

кать более стабильный журнал? Однако на это было трудно рассчитывать. Я чувствовал себя зайцем, которому предстояло найти волка, но при этом остаться несъеденным. Я даже не представлял, с чего же мне начать.

В закускойной стоял игровой автомат, к которому иногда подходили, бросали монеты и нажимали ручку. Автомат исправно показывал нулевой выигрыш. Кто-то подходил еще, проигрывал опять. Разные люди, а результат один. Подошел средних лет господин и после проигрыша пробормотал себе под нос что-то недовольное; молодая парочка вслед за ним, девушка громко смеялась после проигрыша, а парень говорил ей что-то на ухо. Почти как в этом деле: жертвы – очень разные люди, а результат один, то есть никаких результатов, кроме самих преступлений.

Меня словно кто-то натолкнул на мысль. Все трое незадолго до смерти приобрели какую-нибудь вещь для себя, для гардероба: Монт – выходной костюм, Качер несколько сорочек, а Эмалсу был подарен пляжный набор. И всех троих настигла смерть спустя несколько дней после приобретения.

Я отставил молоко и вновь достал газеты. Эти подробности подавались почти незаметно, вскользь, как второстепенные детали, но мои догадки подтвердились. Брюки, в которых обычно работал Качер были сданы в прачечную, на работу он вышел в новых, что и подтвердила вдова. Эмалс купался в новых плавках, Монт же, по словам мисс Санджес, собирался ехать с ней за город в один из клубов. Все трое были в обновках.

Мысль показалась мне безумной, но что-то похожее на ниточку от клубка попало мне в руки. Я решил проверить, хотя почти не верил в успех и отправился к портному, пошившему костюм Монты, точнее к владельцу одного из самых шикарных салонов мод.

Меня приветливо встретили на входе, но попасть к нему на аудиенцию мне не удалось.

– Мне кажется, – сказал секретарь, – что вам не следует заказывать в нашем салоне одежду для себя. Мы рады вас обслужить, но боюсь, вам это будет не по средствам.

– Я пришел не для того, чтобы заказывать одежду. Мне нужна только консультация, – я совсем не собирался так быстро покидать салон.

– В чем именно?

– Я хотел взглянуть на ткань, – я сделал паузу, не зная как продолжить, – на ткань, из которой был пошит костюм мистера Монта.

– Минутку, – секретарь набрал на компьютере имя. – Заказ был сделан тридцатого мая. Очень дорогая французская ткань. Исполнен третьего июня и в тот же день был доставлен ныне покойному Джефферсону Монту. Что вас еще интересует?

– Нельзя ли поговорить с курьером, доставившим заказ мистру Монту?

– Вы из полиции?

– Нет, ну что вы! Я – журналист, хотел бы выяснить, как встретил его мистер Монт, как оценил работу, ну и все прочее. Я пишу очерк о нем, о его жизни, и меня интересуют буквально все мелочи. Если это возможно, я попросил бы вас устроить мне встречу с исполнителем заказа, с тем человеком, который шил этот костюм, – конечно, я вел себя слегка навязчиво и секретарь мог спокойно выставить меня за дверь. Я мог бы пообещать ему ссылку на него при публикации, но салон «Фэшн Фокс» в рекламе такого рода не нуждался и я приготовился выслушать отрицательный ответ. Однако секретарь любезно отправил меня к консультанту.

Им оказался высокий худощавый человек лет сорока. Его прямой торчащий нос резко контрастировал с широким подбородком и пронизательными глазами. Гладко выбритое лицо источало аромат тонкого французского одеколona. Руки лежали на столе и я обратил внимание на неестественно длинные «музыкальные» пальцы. Он поднялся за столом, поприветствовал меня и предупредил, что даже для представителей прессы консультации платные.

– Меня зовут Дуглас Вилаччи. Для вас у меня ровно десять минут. Что вы хотели, мистер Солтинг?

Я повторил свою просьбу.

– Должен вам сказать, – начал Вилаччи, – что третьего июня костюм Монта был доставлен мной около четырех часов пополудни, – он нажал кнопку внутренней связи. – Анна, принесите образец серого французского полушерстяного драпа. Да, прямо сейчас. – Мистер Монт открыл дверь сам, взял заказ, поблагодарил меня и подписал чек. Вот, собственно, и все. Кроме слов благодарности он не произнес больше ничего и сделать какие-либо выводы об оценке работы или о чем-то другом не представляется возможным.

В кабинет вошла Анна с образцом французского драпа. Она внесла еще несколько лоскутов другой материи. Вилаччи их разложил передо мной на столе и продолжил:

Вот ткань, из которой был пошит костюм. Она делается по заказу и только на один экземпляр. Из нее был пошит пиджак, жилетка, а также брюки и галстук. Из этой материи, – он взял в руки принесенные лоскуты, – были пошиты сорочка и несколько сменных воротничков. Что вас интересует еще?

– Пожалуй, больше ничего, – его рассказ был предельно лаконичен.

– С вас двадцать пять долларов за консультацию, а эти обрезки можете оставить себе в качестве презента. Вы, газетчики, люди дотошные, ищите, анализируйте. Поверьте, меня разгадка гибели мистера Монта интересует не меньше вас. До свиданья, буду рад еще дать вам консультацию, – он выписал счет.

Да, не густо для начала. Я сгреб в карман остатки тканей и вышел из кабинета.

Салон находился в одном из респектабельных районов. Неподалеку отсюда жил и Монт. Наверняка Вилаччи шел пешком к дому Монта и, возможно, по пути куда-нибудь заходил. Его внешность очень хорошо запоминалась и я направился в первый от «Фэшн Фокс» бар.

Этот бар, как, впрочем, и другие заведения, расположенные здесь, были дорогими. Здесь было много клубов по интересам, казино, увеселительных ресторанов, и в каждом описывать внешность Вилаччи было все равно, что искать иголку в стоге сена.

Обойдя несколько баров и не найдя понимания, я понял, что мои усилия в этом направлении будут бесполезными. Я вышел в сквер и расположился под кронами деревьев, достал лоскуты и принялся их внимательно разглядывать.

Ткань действительно была очень дорогой. Трудно было с первого взгляда даже понять, что же этот рисунок напоминает. Он не был обычной угловатой формы, скорее, это было похоже на стебель цветка, от него во все стороны разбежались побеги. Если обладать хорошей фантазией, то можно было увидеть и бутоны, и листья, и многое другое. Я попробовал поглядеть сквозь ткань на солнце. Полная светонепроницаемость. При такой плотности она должна быть тяжелой, но ткань была легкой, воздушной, словно шелк.

Мимо меня проходил мальчуган, державший в руке поводок. Огромная рыжая собака, увидев меня, вырвалась из его рук и бросилась ко мне.

– Тони, Тони, назад, ко мне! – крикнул парень и побежал за собакой. Я немного испугался, но пес, не проявляя агрессивности, подбежал ко мне, обнюхал туфли, резко выхватил у меня из рук воротничок от заказа Монта и запрыгал в сторону лужайки.

Я растерялся от неожиданности. Этот пес утащил у меня, может быть, ключ ко всем трем преступлениям.

– Парень, догоняй его! – крикнул я, а сам побежал наперерез.

– Нет проблем, сэр! Сейчас я его поймаю!

Легко угадывался молодой возраст собаки. Она подбрасывала воротничок вверх, прыгала из стороны в сторону и громко лаяла от восторга. Собака в очередной раз схватила зубами кусочек материи и, громко взвыв, бросила его. Отскочила немного в сторону, в ней мгновенно проснулась злость, она стала лаять на лоскут, не решаясь схватить его. Мальчишка подбежал к собаке и крепко взялся за поводок. Пес продолжал отчаянно лаять, когда тот оттаскивал его от воротничка.

– Извините меня, сэр, – сказал мальчишка. – Тони хоть и большой, но еще щенок. Любит порезвиться. Могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Я поднял с земли воротничок. В нем была небольшая дырочка от прокуса и рядом с ней лежал острый собачий клык. Пес по-прежнему зло лаял, из его рта начала идти пена, но парень держал его на безопасном от меня расстоянии.

– Посмотри-ка ему в пасть, – вместо ответа сказал я, – кажется, он потерял зуб.

– Так и есть, сэр. Наверное, схватил вместе с вашим платком камень.

– Отведи его в ветлечебницу да впредь смотри за ним повнимательнее.

Собачий зуб был срезан как бритвой. Ни одной шероховатости. Ни о каком камне здесь и речи быть не могло. Я внимательно изучил то место, где лежал воротничок. Камней в траве не было. Для очистки совести я осмотрел и окружающую траву. Никаких твердых предметов, способных срезать зуб, я также не увидел.

Я немедленно решил ехать к Коре Качер, не особенно надеясь, что буду принят. Выйдя из метро и прошагав несколько

кварталов, я увидел слегка обветшалый дом, построенный лет пятнадцать назад. Табличка с номером, висевшая на стене, ясно указывала, что я пришел по адресу. Теперь нужно было придумать благовидный предлог, чтобы попасть в квартиру и поговорить со вдовой. Лифт в доме не работал и я поднялся по лестнице на четвертый этаж и позвонил. Дверь приоткрылась, я увидел висящую цепочку, а за ней круглое детское личико.

– Ты, наверное, Джудит Качер, девочка? Могу ли я поговорить с твоей мамой?

– Мама больна и никого не хочет видеть. Если вы из-за папы, то полицейские здесь уже были много раз, назадавали кучу вопросов маме и мне и ушли.

– Джуди, – я старался быть как можно ласковее, – передай, пожалуйста, маме, что пришел коллега папы. Я тоже работаю в такси и хочу немного утешить вас.

Дверь закрылась и через несколько минут ее открыла сама Кора Качер и предложила мне войти. Квартира была небогатая, но уютная. Я сразу заметил, что в некоторых местах стены светлее. Значит, часть мебели уже продана. В углу стоял телевизор, напротив диван, два кресла, журнальный столик. На окнах висели занавески с большими красными цветами.

– Садитесь, мистер...

– ...Куприт. Чарльз Куприт, – я сел в одно из кресел, но Кора попросила меня перейти на стул, который я сразу не заметил.

– Видите ли, мистер Куприт, с минуты на минуту я жду представителей Торговой конторы. Эта мебель, – она жестом указала на диван, столик и кресла, – уже продана и приготовлена к отправке. Прошу извинить меня. Вы работали с моим покойным мужем?

– Да, мэм, но совсем недолго. Всего лишь за две недели до трагической гибели вашего супруга я устроился в этот гараж. Все это время мне казалось, что я не имею права зайти к вам и выразить свое соболезнование, – еще я хотел соврать, что Качер заложил у меня двести долларов, но окружающая обстановка не позволила мне сделать этого.

– Благодарю вас за оказанное внимание. Чем могу быть вам полезной?

– Миссис Качер, человек я небогатый, но мог бы купить у вас, видя ваше трудное положение, некоторые вещи покойного, как то брюки, сорочки, может быть, костюм, пальто, – про пальто я сказал, чтобы создать полную картину гардероба.

Пальто мне совсем не было нужно. – Я думаю, что мне они будут полезнее, чем теперь ему, да и вам не нужно будет лишний раз обращаться в Торговую контору.

Я видел, что ей неприятен мой визит. Ее лицо из участливого стало серьезным и она проговорила:

– Вы не работали с мужем. Вы не таксист. Вы или полицейский или репортер, но только не таксист.

– Вы думаете, что я...

– Вы не таксист и все. И позвольте не объяснять вам, как я это поняла. Что же все-таки вам нужно? Кто вы, в конце концов?

Если бы я ей сейчас сказал правду, возможно, он бы продала или даже отдала мне его вещи, но я стал выворачиваться:

– У вас сложилось совсем неверное представление обо мне. Вы считаете меня кем-то другим, но я действительно тот, за кого себя выдаю. И пришел я к вам исключительно для того, чтобы поддержать вас.

– Дорогой мистер Куприт, прошу вас, покиньте наш дом и больше никогда не приходите к нам. Нашему горю вы все равно не поможете, а исповедоваться перед вами я не собираюсь. Джуди, – позвала она дочь, – проводи этого господина.

– Простите меня, миссис Качер, если я причинил вам боль, упомянув о вашей утрате, но поверьте, что я искренне, – в этот момент я действительно был искренен, – соболезную вам и хотел бы, чтоб у вас все было в порядке. Сохраните мой телефон, – я протянул ей лист из блокнота с моим телефонным номером. – Если возникнут какие-нибудь проблемы – смело звоните. Всегда буду рад вам помочь. До свидания.

– До свидания, – холодно ответила Кора Качер, поднимаясь вместе со мной. Дверь за моей спиной закрылась и я пошел к выходу. В этом доме мне ничего не удалось узнать. Оставалось ехать либо к мисс Санджес, секретарше Монта, либо ждать следующего преступления.

Я достал из кармана пачку сигарет. Увы, она оказалась пустой. «И здесь пусто», – про себя выругался я и направился к торговцу на углу. Проходя мимо газетного киоска, мне бросился в глаза один из заголовков: «ВСКРЫТ СКЛЕП ДЖЕФФЕРСОНА МОНТА». Я остановился и купил эту газету. Сенсацией на первой полосе подавалось вскрытие могилы Монта и надругательство над покойником. В заметке сообщалось, что Монт под покровом ночи был извлечен из гроба и раздет.

Тело было брошено на поверхности. Власти кладбища тайно похоронили его, одев, и не привлекая лишнего внимания.

Черт возьми! Так мне никогда не узнать тайну гибели Монга. Если верить заметке, что Монт был раздет, значит, тот дорогой костюм был на нем. Я достал из кармана кусочек ткани, подаренной мне Вилаччи. Действительно, это должен быть превосходный костюм! Немедленно на кладбище! Я должен убедиться в этом.

Через полчаса я прошел кладбищенские ворота в обществе служащего, который с большой охотой вел меня, дальнего родственника из Европы, на могилу своего дядюшки за умеренную плату.

– Вот здесь он и лежит, – показал мне старик и пристально посмотрел в глаза. Я дал ему еще доллар и отвернулся. После ухода старика я стал внимательно разглядывать могилу. Следов недавнего вскрытия видно не было и я уже решил, что это очередная газетная утка, как мой взгляд упал на стоящее поблизости дерево. В двух футах от корня оно росло в два ствола, между которыми я увидел несколько ниток, развевающихся на небольшом ветерке. Я оглянулся: старик был далеко и возвращаться явно не собирался. Близко от меня других посетителей также не было. Я подошел к дереву и взглянул на нитки. Они были белого цвета. Я опять достал лоскуты и смерил длину воротничка с одной из ниток.

Мое удивление вызвало не совпадение длины нитки и воротничка, а то, что эта и другие нитки, противясь всем законам физики, легли на ткань и, как черви, стали выползать из зажавшей их древесной коры. Я притянул воротничок к себе: нитки, словно живые, вытянулись в его сторону и поворачивались туда, куда я направлял воротничок. Положив его в карман, я вытащил эту прядь из расщелины и пригляделся к ней. Белые, хлопковые, они выглядели самым обычным образом.

С этой минуты у меня не осталось сомнений, что склеп Монга был вскрыт и газета не обманула меня. Я быстро пошел на выход из кладбища. Поймал такси и опять вернулся к дому, где жила Кора Качер. Быстро поднялся на четвертый этаж, протянул руку к звонку, но что-то остановило меня. Я подставил к двери ухо и прислушался. Несколько мужских голосов переговаривались между собой. Разговор их был еле слышен, но мне это не мерещилось. Слегка потянув дверь, чтоб не издала скрипа, я приоткрыл ее. Голоса стали слышнее.

Как жаль, что я не взял у редактора его «Вальтер». Я не сомневался, что в квартиру проникли грабители. Они что-то искали, переговариваясь между собой.

Войти я не решился. Из дальней комнаты послышался приглушенный стон. Это был стон миссис Качер.

За спину меня кто-то тронул, мое сердце ушло в пятки, а голова стала лихорадочно соображать что сейчас делать. Я медленно поворачивался к трогавшему, у которого могло быть оружие. К мозгу мгновенно прильнула кровь и я не на шутку испугался. Повернувшись, я никого не увидел. Затем опустил голову вниз. Передо мной стояла Джудит Качер. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но я трясущейся рукой закрыл его, а палец другой приставил к своим губам. Девочка не ожидала этого и хотела закричать. В мгновение ко мне вернулся рассудок, схватив ее на руки и не разжимая рта, я побежал на верхний этаж. Лишь там я шепотом сказал ей:

– Прости меня, Джуди, в ваш дом зашли не очень хорошие люди. Твоя мама не хотела их пускать. Только прошу тебя, не кричи, они сейчас уйдут и мы войдем туда вместе.

Я сказал это вовремя. Дверь скрипнула и незваные гости стали покидать квартиру. Их было трое. Я ясно разглядел под их синими комбинезонами очертания пистолетов.

– Дэн, что-то выпало у тебя из кармана, – сказал один из них, когда другой прикрывал дверь.

– Это номер телефона. Был зажат у нее в руке. Нужно проверить.

Чтобы Джудит не кричала, я не убирал руку с ее рта. В ее глазах читались испуг, удивление и какая-то детская ненависть одновременно. Она попыталась вырваться из моих объятий, по ее глазам потекли слезы, но поняв, что я сильнее, перестала прилагать усилия.

Тем временем «гости» вышли из их квартиры, аккуратно прикрыв за собой дверь. Их удаляющиеся шаги были слышны сначала отчетливо, затем тише и тише. Не отпуская из рук Джудит, я посмотрел в пролет между лестничными фермами: было тихо и безлюдно. Мы спустились к дверям квартиры. Я опустил девочку на пол, попросил немного отойти в сторону, потихоньку открыл дверь и прислушался. Внутри стояла тишина. Я допускал, что «гости» оставили здесь одного из своих и на всякий случай приготовился к нападению. Но когда я вошел – то понял, что здесь нет никого из чужих. В квартире я застал полный развал. От былой уютиности не осталось и сле-

да. На полу валялась вытащенная из шифоньера одежда, осколки разбитой посуды, несколько смятых книг и газет. Было заметно, что трудились здесь недолго, что-то в спешке искали. О том, что же было предметом поисков, оставалось только догадываться. За мной вошла Джуди и с ужасом глядела на случившееся.

– Мама, – позвала она, – мама! – уже крикнула девочка и бросилась в соседнюю комнату через кучу лежавших вещей. Я поспешил за ней и увидел то, чего меньше всего ожидал. На кровати лежала Кора Качер в окровавленном платье с огнестрельными ранами в грудь и живот. Она тяжело дышала, ее рука инстинктивно гладила одно из ранений, пытаясь снять боль. Джудит с отчаянным криком бросилась к ней, но я ухватил ее за руку и еле удержал. Это стоило мне больших усилий. Джудит, видя, что на глазах умирает мать, вырывалась, кусалась и царапалась с невероятными усилиями. Она кричала и била меня маленькими кулачками, оставляя на моих руках синяки.

Я оттащил девочку от кровати и вышел из комнаты, держа ее на руках, затем позвонил в полицию. Не прошло и минуты, как в дверь позвонили. Я был удивлен таким быстрым прибытием. Открыв дверь, я увидел двух людей в сини комбинезонах, один из которых, извинившись, сказал:

– Мы представляем Торговую контору. Миссис Качер ожидает нас, – он достал из кармана лист бумаги. – Мы должны забрать отсюда кое-какую мебель и вещи.

Их лица не выражали абсолютно ничего, сразу было понятно, что это действительно служащие Торговой конторы в отличие от предыдущих визитеров. Но видя меня, держащего на руках плачущую девочку и погром в квартире, тот же служащий извинился и добавил:

– Я вижу, мы не вовремя. Если не возражаете, придем через пару часов, – они повернулись, чтобы уходить, но были остановлены полицейскими, появившимися за их спинами.

– Господа, прошу всех оставаться на своих местах, – сказал один, когда они вошли. Он проследовал в ту комнату, где на кровати лежала истекающая кровью Кора Качер, затем вернулся и сказал стоявшему в дверях коллеге:

– Медиков с носилками сюда и еще вызови Дороти Эдвардс. Она занималась убийством таксиста. Возможно, это все как-то связано. А вас, – он обратился ко мне и служащим Кон-

торы, – я попрошу пройти сюда, – и он показал на кухню, предварительно заглянув в нее.

Джудит Качер, почувствовав, что моя рука ослабла, больно укусила меня за палец; я вскрикнул от неожиданности, а она, ловко вывернувшись, перебежала за полицейского. Последний не замедлил поднять пистолет и наставить на меня. Я, как бы извиняясь, поднял кисти рук на уровень плеч, слегка разведя их, и попытался при этом улыбнуться.

– Руки не опускать, стоять так. Роджер, обыщи его, – ствол был направлен мне в голову. Род подошел ко мне сзади и стал профессионально меня обшаривать. Оружия найдено не было и Роджер приказал опустить руки и соединил их наручниками.

В спальню прошли медики скорой помощи и через некоторое время вынесли носилки с лежавшей на них Корой Качер. Джудит с криком «Мама!» бросилась к ней, но на этот раз ее остановил полицейский и так как и я был поцарапан и укушен отчаявшейся девочкой.

Тем временем на кухню вошла высокая стройная блондинка, одетая в пиджак и юбку. Ее лицо было холодно и я не понял, есть ли в этой женщине вообще какие-нибудь эмоции. Она села напротив меня, вытащила из сумочки диктофон и поставила его на стол.

– Я – Дороти Эдвардс, следователь. Предупреждаю вас, что все, что вы скажете – в дальнейшем может быть использовано против вас. Вы имеете право сделать один телефонный звонок, вы имеете право не отвечать на мои вопросы вообще или не отвечать в отсутствие адвоката. Если ваше финансовое положение не позволяет оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам бесплатно. Итак, назовите свое имя.

– Балтазар Кристофер Балентайн. Могу ли я узнать, в чем меня обвиняют?

– Обвинение вам предъявит суд. А пока вы подозреваетесь в покушении на убийство и попытке ограбления. Горе вам, если эта женщина умрет!

– Но помилуйте, я здесь совсем не за этим. К тому же, я сам вызвал полицию. Я журналист, представляю журнал «Вторая Ступень».

– А когда приходил в первый раз – сказал, что работает с папой в такси, – произнесла Джудит Качер.

– Прекрасно, – сказала Эдвардс, по-прежнему ничего не выражающим тоном. – Роджер, уведи девочку, ей незачем

слушать разговор. Я позову ее позже. Мистер Балентайн, вернемся к вам. Вы готовы?

– Мне нечего скрывать от вас. Задавайте свои вопросы.

– Цель вашего визита сюда?

– Я хотел купить у миссис Качер некоторые вещи ее покойного мужа. Но она отказалась мне продать их.

– Только что ее дочь сказала, что вы назвались коллегой Адама Качера, когда приходили сюда в первый раз. Почему вы не сказали правду?

– Вы ведь знаете, что должен предпринимать журналист, добывая необходимую информацию. Мне совсем не хотелось, чтобы она выставила меня за дверь сразу после того, как узнала бы, кто я. К тому же газетчики неоднократно приходили к ней после гибели мужа и много раз пытались заговорить с нею на улице. Я думаю, вы разделяете мое опасение, что она просто не захотела бы не только разговаривать с очередным журналистом, представляющим неизвестный ей журнал, но даже видеть его.

– Для чего вам нужны вещи покойного?

Я предвидел этот вопрос, но он все равно поставил меня почти в тупик. Высказать свои опасения я считал просто безумием. Это наверняка бы привело меня на освидетельствование к психиатрам. Немного помолчав, я сказал:

– Наш журнал на грани банкротства. Нечем платить по счетам. Мне не выплачивалось жалование уже несколько недель. Но ведь я человек! Я тоже хочу иметь у себя обновки, хочу обновить свой гардероб. В газетах я прочел о трудностях семьи Качер и пришел, преследуя двоякую цель: купить вещи себе и тем самым помочь миссис Качер в это трудное для нее время. И что-нибудь выяснить о ней и ее муже, если удастся.

– Вашей фантазии можно позавидовать, – Эдвардс слегка улыбнулась. – Приходите к бедной вдове помочь ей уйти на тот свет. Благородное стремление. Ну что ж, для первого допроса достаточно. Роджер, – позвала она полицейского, – проводи этого господина до машины. Служащие Торговой конторы могут приступить к своим обязанностям, а я поговорю с девочкой.

– Вы не имеете права меня арестовывать, – запротестовал я. – Я ни в чем не виноват. Я требую соблюдения моих законных прав и свобод!

Полицейский сдвинул мне ладонью мышцу, которой обычно хвалятся культуристы и так выразительно на меня посмотрел, что у меня пропало всякое желание митинговать.

– Успокойтесь, Балентайн. Вас никто не арестовывал. Вы задержаны по подозрению в покушении на убийство. Очень сожалею, но мы вынуждены взять вас под стражу. Мы поговорим с вами еще раз после моего возвращения в участок. До свидания, – Эдвардс сделала прощальный кивок головой.

– Пойдем, Балентайн, – Роджер не отпускал меня.

Вот так ситуация! Едва начал снимать поверхностный слой с загадки трех убийств, как сам угодил в руки правосудия. Я не понимал, подставлен ли я специально или оказался жертвой обстоятельств. «Скорее всего, случай распорядился таким образом, – думал я, пока меня везли в полицейский участок. – Я ведь не вышел еще ни на одного человека, причастного напрямую к убийству любого из трех. Копать под меня не должен никто».

Замок решетки шелкнул за моей спиной и я, не глядя на охранников, сел на скамейку спиной к ним. Так в томительном ожидании прошло несколько часов, в течение которых мне было позволено позвонить в редакцию. Из разговора с редактором я понял, что журнал потерпит финансовый крах. Раздобыть сенсационный материал было невозможно. Редактору предстояло объяснение в суде за оскорбление одного из сенаторов и выплата крупного штрафа. Издание лопалось на глазах.

Из моих карманов полицейские вытащили все, сделали опись и вместе с «дипломатом» положили в ящик для хранения, великодушно оставив мне воротничок Монта. Они приняли его за носовой платок. На меня свалилось неожиданно много свободного времени и чтоб не терять его, я принялся изучать кусочек материала.

Меня поразило, что в нем не было дырочки от собачьего клыка, хотя я помнил, что она была ближе к краю. Я осматривал воротничок со всех сторон – он был как новый. Я полез в карман за нитками, вытасканными из дерева, и также не нашел их. При обыске нитки не были вытасканы, я это помнил хорошо. Я еще раз обшарил свой карман: безрезультатно. Тогда я стал изучать то место, где должен был находиться прокус. В камере под потолком висела тусклая лампочка и очень трудно было увидеть отличия даже пятен на воротничке, не говоря о мелких деталях. Но мои поиски не пропали даром: натянув

воротничок вдоль глаз и взглянув на него как на плоскость, я увидел еле заметный бугорок как раз в том месте, где был след от собачьего зуба. При близком рассмотрении этого места не было видно никаких следов разрыва. У меня возникла маленькая уверенность, что загадка преступлений будет решена и я на правильном пути. Оставалось покинуть стены заточения и сенсационный материал будет мной добыт.

Ко мне заходил адвокат, но я отказался от его услуг. Вины на мне не было и нет, бояться закона мне было незачем.

После четырех часов ожидания ко мне в камеру зашла мисс Эдвардс. Ее лицо по-прежнему не выражало ничего. Казалось, что дело, которое она ведет, не представляет для нее абсолютно никакого интереса и занимается она им только в силу возложенных на нее обязанностей. Она села напротив меня, включила диктофон и сказала:

– Продолжим беседу, мистер Балентайн. Для чего вы схватили Джудит Качер и не дали ей возможности зайти домой?

– Это диктовалось необходимостью условий. К ним в квартиру вошли люди, которые сделали то, что вы там видели. Надеюсь, экспертиза подтвердила мое непричастие к покушению на Кору Качер?

– Вопросы здесь задаю я, мистер Балентайн. Джудит Качер упомянула о том, что вы вызвали полицию. Но сделали ли вы это, желая помочь умирающей или ваше вторжение было продумано заранее?

– Как вы можете говорить о преднамеренных планах, если я туда шел покупать вещи покойного Адама Качера, а не покушаться на жизнь бедной вдовы?

– Повторяю, что здесь вопросы задаю я. С какой целью ваши сообщники под видом работников Торговой конторы ворвались к Качерам и обыскали квартиру?

Здесь уже стал негодовать я:

– Какие у вас доказательства моей связи с теми, кто ворвался к Качерам? Не смейте ставить мне в вину то, чего вы не доказали. Я знаю законы и если вы будете бездоказанно обвинять меня я буду вынужден обратиться в суд.

– Успокойтесь, мистер Балентайн. Подозрения с вас сняты и теперь вы проходите как свидетель. Прошу вас быть союзником следствия и рассказать все, что вы знаете о налете на квартиру Качеров, – в голосе Эдвардс стали слышны нотки дружелюбия и ее лицо изобразило улыбку.

– Вот теперь можно и поговорить, – изобразил уступку и я. – Что конкретно вас интересует?

– Буквально все, начиная от вашего первого прихода до момента задержания, включая подробности.

Начав рассказывать о своем визите к Коре Качер под видом таксиста, я придумывал причину, зачем мне нужны были вещи ее покойного мужа. Но ничего лучше первого объяснения о скудности моего собственного гардероба я так и не смог придумать. Эта уловка была очень ненадежной. Закончив рассказ, я спросил ее:

– Каково теперь состояние Кору Качер?

– Тяжелое, – вздохнув, ответила Эдвардс. – Врачи опасаются за ее жизнь. Агония началась у нее еще дома и, откровенно говоря, если б не ваш звонок, трагическая развязка произошла бы уже давно.

Я сочувственно опустил голову.

– Скажите, Ларри, – она впервые назвала меня по имени, – зачем вам вещи покойного? Ведь вы могли купить гораздо лучшие на распродаже?

Что же задумала эта полицейская змея? Слишком официальным было начало разговора и слишком теплым его продолжение. Не знаю как другие, а лично я не могу, сидя в камере, разговаривать по душам со следователем и выкладывать все свои козыри, не зная ее дальнейших действий. Давно известно, что они проходят курс психологии и, забросив подобную удочку, стараются расположить человека на откровенность. Мне не нравилась внезапная перемена ее ко мне отношения. Ее черные глаза проникали в меня, казалось, до самых пяток. Я старался не смотреть на нее и рукой теребил воротничок в кармане пиджака.

– Сигарету? – она выложила пачку на стол.

– Спасибо.

– Может быть, вас что-то смущает и вы не хотите, чтоб вас слышала охрана? Фрэнк! Отойдите от камеры минут на двадцать, мы должны остаться наедине.

– Хорошо. Я расскажу вам. Мне нужны были те вещи Адама Качера, в которых он был убит. Мне хотелось сравнить их с некоторыми другими, как мне кажется, имеющими отношение к данному преступлению.

– Вы располагаете вещественными доказательствами?

– К сожалению, нет. Но предположения у меня имеются.

– Не могли бы вы поподробнее?

– Можно и поподробнее, только не в стенах полицейского участка.

– О'кей. Куда мы отправимся? – она обворожительно улыбнулась, что впервые за несколько часов я сам невольно улыбнулся, но сомнения продолжали терзать меня. Что же это: смена тактики или настроения?

– Можно поехать ко мне, – многозначительно ответил я, не поднимая головы, а лишь одни глаза, и при этом улыбался.

Сейчас глядя на нас со стороны, нас можно было принять за давних друзей, за милых супругов, только что вернувшихся из восхитительного свадебного путешествия, если бы разговор происходил не в камере для временно задержанных, а в каком-нибудь изысканном салоне.

– Ничего не выйдет, дружок, – уже серьезно произнесла она и достала сигарету. Значит, это была только перемена тактики, чтобы втереться ко мне в доверие. Ну давай, крути меня, красотка Дороти, вытягивай из меня показания. Я с силой сжал в кармане воротничок и почувствовал, что указательный палец что-то прищемило. Боль была настолько внезапной, что я вскрикнул. Затем, вынув из кармана руку, я увидел, что воротничок взялся кольцом и висит как раз перед ногтем, сжимаемая мертвой хваткой мне палец. Я открыл рот, пытаюсь попросить помощи, но услышал как хрустнула косточка, в мозг вонзилось что-то острое и я потерял сознание. Упасть мне не дала Дороти. Она пантерой подскочила ко мне и положила вдоль скамейки.

Через несколько минут я пришел в себя и первым делом посмотрел на палец. Он был здорово опухший вокруг того обода, оставленного воротничком. Даже неспециалисту было бы ясно: это перелом. Дикая боль от пальца отдавалась в руку и с пульсом разносилась по всему телу.

– Вам необходима помощь, – она впервые, как мне показалось, была естественной. – Фрэнк, откройте двери, я ухожу и забираю с собой мистера Балентайна, – она, взяв за пояс, попыталась поднять меня. Я встал и, держа правой рукой левое запястье, пошел с ней на выход.

– У вас все в порядке? – спросил Фрэнк, протягивая Дороти мой кейс.

– Да, – ответила она, поддерживая меня. С меня градом катился пот и говорить я был почти не в состоянии:

– Мисс, э-э... Эдвардс, где-то там, э-э... остался кусочек, э-э-э... белой ткани, его необходимо забрать, э-э... он пригодится следствию.

– Я сдернула его с вашего пальца и он со мной. Быстро садитесь в машину, – она поставила на крышу мигалку и мы помчались по улицам.

В госпитале ей пришлось изрядно подождать меня, пока врачи сделали с моим пальцем все необходимое. Промедли мы еще минут десять и мне грозила ампутация. В сопровождении врача я спустился в холл для посетителей. Моя кисть почти вся была забинтована и лишь другими пальцами я мог немного шевелить.

– Должен вам сказать, – обратился врач к Дороти, – что это очень серьезный перелом. Перелом как результат сдавливания. Ему не следовало бы совать пальцы в подобные механизмы. Страховку он получит, но полной подвижности пальца после выздоровления я не гарантирую. До свидания.

– Доктор, – остановила его Эдвардс, – каково состояние Кору Качер?

– Я не уполномочен давать подобную информацию. Обратитесь к ее лечащему врачу.

Мы сели в машину.

– Куда едем? – спросил я.

– Ко мне.

Боль в пальце понемногу утихала и я почувствовал, что чертовски хочу спать. Сказывалась дневная суета, этот глупый арест и проведенные за решеткой часы. К тому же в меня было введено обезволивающее. Я откинул голову назад и попросил отвезти меня домой.

– Домой вам возвращаться нельзя, Ларри.

– Почему?

– В вашем доме сегодня побывали гости. Вы кого-нибудь ждали?

– Нет. Следы те же, что у Качеров? – ответ на этот вопрос я знал.

– Да. Соседка видела там трех каких-то людей. Они были у вас и перевернули все вверх дном. Мы, к сожалению, прибыли туда слишком поздно. Что они могли у вас искать, Ларри?

Ее слова медленно доходили до окутанного чарами сна моего сознания. Я изо всех сил боролся с охватившей меня дремотой, но она была явно сильнее меня. Я ответил что-то

совсем невразумительное, совсем не на тему разговора. Мне начинали сниться какие-то сны с малознакомыми образами и лицами. Дороти не стала больше беспокоить меня и в ночной тишине мы подъехали к ее дому.

Проснувшись в незнакомой квартире, я не сразу понял, где нахожусь. Комната, в которой я лежал на диване, представляла собой обычную обитель разведенной женщины с портретом родителей на стене и неперемненными женскими атрибутами: лежавшими на столике лаками для ногтей и волос, помадами и всевозможными расческами. С фотографии, толкнутой в рамку зеркала, смотрел молодой человек.

После пробуждения мой отдаленный накануне палец начал болеть. Я поднес руку к лицу и представил его под повязкой. Из соседней комнаты вышла Дороти в длинном зеленом домашнем халате, от плеч до бедер плотно облегающем стройную фигуру. Косметики на ее лице не было, но это нисколько не умаляло красоты, дарованной ей природой.

– Пора завтракать, мистер Балентайн, – сказала она и прошла на кухню. Я сел на диване и ногами попал в заботливо поставленные тапочки.

После утреннего туалета я расположился в кресле и взглянул на часы: без четверти десять. Дороти выкатила столик с приготовленным кофе и бутербродами, поставила его между кресел и сказала:

– Сегодня суббота, наш первый совместный уик-энд начался и я предлагаю выпить по бокалу вина.

– Вынужденный совместный уик-энд, – поправил ее я.

– Это не столь важно, – она достала бутылку португальского портвейна, налила в бокалы и, подняв свой, продолжила. – Нам предстоит нелегкая совместная работа. Обещаю, что материал для публикации я первому отдам тебе. Как твой палец? – спросила она, сделав хороший глоток.

– Не стоит спрашивать об этом, Дороти. Как может чувствовать себя человек, у которого переломана кость, пусть даже в пальце? Скажи лучше, где этот лоскут?

– Во-первых, это не лоскут и ты сам знаешь об этом, во-вторых, не нужно быть таким наивным, ведь я – полицейский, и, наконец, в-третьих, давай не будем говорить о делах в выходные дни.

– Значит, я больше не увижу этот носовой платок?

– Ларри, не морочь мне голову, выдавая воротничок за носовой платок.

Мне было непонятно стремление Дороти. Чего же она добивается от меня? Сначала она изменила тон беседы, затем отвезла меня в госпиталь, теперь вот угощает вином и заявляет, что не желает говорить о делах в выходные дни.

Я сделал глоток портвейна и сказал, что должен уходить. Редактор ждал от меня звонка и я должен был сказать ему, что сенсации не состоится и с которого числа мне регистрироваться на бирже труда как безработному журналисту, издание которого обанкротилось?

Я примерно представлял себе всю картину преступлений, но не имея в руках доказательств, не мог печатать материал, смахивающий на одну из небылиц Ходжи Насреддина.

– Подожди немного, я вижу, ты помешался на своем журнале. Тебе не следует искать одному разгадку этих преступлений. Нам нужно объединить усилия. Я поделюсь с тобой информацией, которая есть у меня и ты расскажешь все, что узнал.

Предложение было заманчивым.

– У меня есть время подумать?

– Полагаю, что нет. Ты втянул меня с утра в работу и теперь я готова работать и в уик-энд, изменив своему принципу. Мой коллега Томпсон должен был сегодня навестить Кору Качер и, если будет возможно, распросить ее.

– Где сейчас ее дочь?

– Я спрятала ее в надежном месте. Джуди сказала мне, что после прихода «этого дяди, который работает с папой», мама попросила ее выгулять котенка. Очевидно для того, чтоб девочка не видела, как будут выносить мебель из их дома. Котенок, выпущенный на волю, убежал, но так как это было не в первый раз, Джудит решила не гоняться за ним и пошла домой. Поднявшись к своей двери, она увидела тебя, слушающего что происходит внутри. Ты схватил ее, зажал рот и потащил наверх. Девочка сильно испугалась. Затем вы вошли в квартиру и ты вызвал полицию, а полиция уже меня, – она сделала глоток вина. – Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Об одежде, в которой были жертвы.

– Почти угадала.

– Монт был задушен и его шея в месте пролегания удавки была не толще долларовой монеты. Об этой подробности газеты, конечно, не писали, если ты черпаешь информацию только из них. Ноги Качера были переломаны так, что ни один мясник не сделал бы подобное, и, наконец, бедняга Энмалс

был попросту перерезан пополам. Все эти чудовищные убийства произошли по одной причине. Это сделала одежда, которая на них была. Монта задушил воротник, брюки переломали ноги таксисту и плавки разрубили Энмалса.

Я слушал ее спокойно. Эти догадки давно не давали мне покоя. Если бы я не начал заниматься этим делом, то наверняка принял бы рассказ Дороти за бред сумасшедшего, который неизвестно каким образом проник на работу в полицию. Слегка склонив голову, я смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

– Я занялась этими преступлениями сразу после гибели Монта и, как профессионала, меня не могло не заинтересовать полное отсутствие следов преступления или преступников. Вот тогда мне впервые и пришла в голову мысль об отсутствии таковых. Во всем виновата одежда. Я была на похоронах Адама Качера и видела, что он был погребен в тех самых брюках, которые переломали ему ноги. Монт был похоронен в белой сорочке, но с тем ли воротничком – мне не известно.

– С тем, – сказал я. – Его могила была вскрыта и воротничок с покойного снят. Я знаю это точно.

– Уж не ты ли ее вскрыл, чтоб завладеть им?

– Нет. Я был там уже после.

– Тогда откуда у тебя воротничок?

– Я получил его в подарок в «Фэшн Фокс».

– Что заставило тебя поехать на кладбище?

– Как ни странно, собака.

– Какая собака?

– Это что, допрос?

– Считаю, что мы просто беседуем.

– Собака, схватившая воротник зубами и лишившаяся клыка. В ткани остался прокус. Рядом с могилой Монта в дереве торчало несколько оборванных ниток. Я забрал их с собой и они сами заштопали дырку в воротничке.

– Ты тоже стал подходить к разгадке, но с другой стороны. Одну минуту, – она вышла и почти сразу вернулась, держа в руках плавки, в которых последний раз в жизни купался Энмалс. – Это те самые, можешь полюбопытствовать, – она протянула их мне. Ничего необычного в них не было. Плотная ткань, яркий рисунок, нетугая резинка, я даже слегка порастягивал ее.

– Не шути с ними, – продолжила Дороти. – Совсем неизвестно, когда они снова сожмутся и тогда не только от твоего

пальца, но и от руки ничего не останется. И так, – после хорошего глотка подытожила она, – что мы имеем? В наших руках только две вещи из магического гардероба: плавки и воротничок. Рассуждая по самой элементарной логике, приходим к выводу: где-то еще должны быть носки, туфли, сорочка, пиджак, пальто или плащ, а, возможно, и то и другое, кашне и шляпа. Гардероб, как видишь, мужской и женских аксессуаров, я думаю, нет. Нам остается либо искать эти вещи, либо ждать новых подобных преступлений. А ну-ка, репортер, выбери из этих зол меньшее!

А, все-таки, сенсация может состояться, если она не продаст информацию другому изданию. Не должна продать. Как бы там не было, а воротничок добыл я, а это уже половина от имеющегося. Неплохо было бы показать это редактору. Дороти поняла о чем я думаю и сказала:

– Ни о каком газетном шуме не может быть и речи. Вещи останутся со мной, и воротничок тоже. Сейчас мы поедем в госпиталь к Коре Качер и попробуем поговорить с ней. Томпсон не позвонил, значит, там не был. А ночью нам придется раскопать мужа бедной вдовы. Его брюки будут нужнее нам, чем ему. Пойдем, – она поднялась и пошла переодеваться. Я смотрел ей вслед и ее решительность передавалась мне. Я даже не спросил, зачем официальному полицейскому чину раскапывать несчастного покойника под покровом ночи?

В холле госпиталя к нам вышел доктор и на просьбу Дороти поговорить с Корой Качер ответил отрицательно. Но она, предъявив удостоверение, добилась желаемого.

– Сомневаюсь, что разговор может состояться, – сказал доктор. – Слишком слаб ее организм для подобных бесед.

Мы одели белые халаты и в сопровождении врача поднялись в реанимационное отделение.

– Вам лучше остаться здесь, – сказала Дороти врачу, когда мы стояли у дверей палаты.

Мы вошли и я закрыл дверь. Кора Качер лежала на кровати, по грудь накрытая одеялом. Рука ее была на поверхности, в вену вставлена капельница. Из рта выходила и где-то в аппаратуре пряталась тоненькая трубка. Рядом с кроватью находился стол с компьютером, контролирующим всю систему. По монитору бежал электронный сигнал и пищал зуммер в такт сердцебиению. Кора была в сознании, когда мы подошли к ее кровати. По ее лицу пробежал испуг, она попыталась отвер-

нуться и зуммер запищал гораздо чаще. Она закрыла глаза и я заметил выступившие слезы.

– Чего она так разволновалась, Ларри? – спросила Эдвардс после нескольких секунд молчания.

– Не знаю. Меня, наверное. Она не могла меня не запомнить.

– Миссис Качер, вы можете говорить? Попробуйте отвечать глазами, – Кора закрыла и опять открыла глаза. – Я детектив Дороти Эдвардс, со мной мой коллега Балтазар, – слезы продолжали течь по лицу Кору и зуммер не стал пищать реже. Дороти развернула перед ней свое удостоверение. – Про покушении на вас мы говорить не будем. Скажите, ваш покойный супруг в ту роковую ночь впервые одел купленные на распродаже брюки?

«Да», – движением глаз ответила Качер, при этом она как-то испуганно глядела на меня. Ее трясущаяся рука, не занятая капельницей, стала приподниматься.

– Вы хотите что-то сказать? – Дороти открыла сумочку, достала блокнот и ручку и положила их ей под руку. – Если вы хотите знать о дочери, то она в надежном месте, ей ничто не угрожает и сегодня мы ее навестим, – эти слова ничуть не успокоили раненую, но, как мне показалось, даже усилили ее волнение. – Вам плохо? Я позову доктора, – Дороти вышла из палаты, а Кора схватила ручку и плохо слушающейся рукой написала: УБИЙЦА. Меня удивил такой поворот. Несколько секунд я ждал, что она напишет второе слово, имя или то, что считает нужным, но ее рука в полном бессилии упала на блокнот. Мне совсем не хотелось, чтобы на меня упали дополнительные подозрения и я, отвернувшись от Кору, аккуратно вырвал лист из блокнота.

Я собрался спросить ее об имени убийцы, но в этот момент вошли врач и Эдвардс

– Немедленно покиньте палату, – тоном, не допускавшим возражения, сказал врач, – и запомните, пусть сюда заявится хоть сам министр, но и ему не будет позволено разговаривать с больной.

Мы поспешно удалились.

– Наверное, зря ты вошел вместе со мной в палату, – сказала Дороти, когда мы сели в машину. – В ее памяти ты остался не как таксист, а как предшественник нападения. Я не удивлюсь, если она думает, что ты заодно с налетчиками и

приходил просто на разведку. Я сделала глупость, что представила тебя ей как своего коллегу.

Можно было и не вырывать из блокнота лист с написанной Корой словом. Дороти поняла все и без него. Я – убийца. Это у меня не укладывается в мозгу. Чтоб не заострять внимания на своей персоне, я перешел на другое:

– Дороти, нельзя ли тебе, пользуясь полномочиями, придумать официальную версию вскрытия могилы Адама Качера?

– Можно. Но это случится не раньше понедельника, а за это время нас могут опередить. С Монтом опередили. У них остался один Качер, если они не знают местонахождение других вещей.

– Придется привлекать к этому делу могильщиков. Из меня плохой землекоп, – я поднял перебинтованную руку. – Куда сейчас едем?

– Едем навестить Джудит, но по пути заглянем на кладбище. Нужно предупредить, чтоб тщательнее следили за могилой. «Гости» могут пожаловать в любое время и под любым прикрытием.

Я узнал старика, ведшего меня на могилу Джефферсона Монта. Его взгляд был со всеми одинаково угодлив. Я не видел сколько дала ему Дороти, но старик рассыпался в поклонах и по его жестам можно было понять, что все будет в наилучшем виде.

– Глуп как бревно, – сказала Дороти, садясь в машину, – но обещал сидеть на могиле всю оставшуюся жизнь. Дай мне сигарету, Ларри. Кстати, что-нибудь Кора Качер написала?

– Ничего не написала. Видимо, она не хотела с нами говорить.

Через некоторое время мы приехали в пригород, где участок земли человеку даже со средними доходами был не по карману. Все утопало в зелени, фасады шикарных особняков были почти не видны из-за густых крон деревьев. В каждом владении я видел площадки для гольфа и теннисные корты, бассейны и увитые пышными цветами тенистые беседки. Я бывал здесь и раньше, но старался, по возможности, не приезжать. Журналистов моего уровня на светские приемы не допускали, а обед в любом из здешних ресторанов обошелся бы мне в недельный заработок.

Машина остановилась у ворот одной из вилл и Дороти несколько раз нажала на клаксон. Дворецкий открыл и мы въе-

хали в одно из частных владений. Оставив машину на стоянке, мы направились ко входу. Дворецкий попросил нас подождать в гостиной, пока не доложит о нас мистеру Дугласу.

Мы сели в мягкие кресла, но Дороти тут же поднялась и пошла к лестнице, ведущей на второй этаж, со словами:

– Джудит, девочка моя, иди сюда!

– Я увидела в окно, что ты приехала, Дороти. Ты была у мамы?

– Конечно была. Мы с Ларри только что от нее. С твоей мамой все в порядке, она, правда, еще некоторое время полежит в госпитале, а затем вы снова будете вместе, – они подошли ко мне и как только Джудит увидела меня – остановилась, как вкопанная. Улыбка сразу же исчезла с ее лица, а глаза стали не по-детски злыми и пристально посмотрели на меня. Мне стало не по себе от этого взгляда, но первой отвернулась Джудит.

– Не бойся его, Джуди, это хороший парень. Он совсем не хотел тебя обидеть. Подойди, поздоровайся с ним.

– Мисс Эдвардс, – сказал вернувшийся дворецкий, – вас просят пройти в кабинет, – я встал вместе с Дороти, но дворецкий остановил меня. – Прошу прощения, мистер, но мисс Эдвардс должна пройти одна.

Я посмотрел на Джудит. Две аккуратные косички ниспадали на ее плечи. Недорогое, но со вкусом подобранное платье очень хорошо смотрелось на ней.

– Ну, давай знакомиться, – я протянул ей правую незабинтованную руку. Меня зовут Ларри Балентайн. Или Крис Я – журналист, правда мой журнал со дня на день лопнет, – она звонко рассмеялась при последних словах.

– Он что, мыльный пузырь? – ее голос заметно потеплел.

– Теперь да. Мой редактор, – я наклонился к ее уху и, как заговорщик, шепотом сказал: – мой редактор – идиот. Он все время лезет в политику, хотя в ней ничего не смыслит. А я ему предлагал печатать то, что будет интересно всем. Вот теперь наш журнал никто не хочет покупать и мы стали мыльным пузырем.

– Зачем ты к нам приходил?

– Мне хотелось поговорить с тобой и твоей мамой, но у вас уже и без меня побывало много газетчиков. Вы прогнали бы меня без лишних слов и все. Где сейчас твой котенок?

– Он со мной. Хочешь, я принесу его?

– Сейчас не нужно. Скажи мне, Джуди, кроме меня к вам никто не приходил в последнее время?

Девочка снова насупилась. Она не хотела говорить на эту тему.

– Извини меня, пожалуйста. Давай будем друзьями, – она положила свою маленькую ручку в мою ладонь и сказала:

– Давай. Когда ты снова поедешь к маме?

– Точно не знаю. Может быть, завтра.

– Возьми меня с собой.

– Я не могу тебе этого обещать. Нужно поговорить с Дороти. К тому же твоя мама не совсем здорова, нас к ней могут и не пустить.

– Значит, ты тоже не хочешь отвезти меня к маме, – она отвернулась и вытерла слезу.

– Джуди, напиши маме записку, нарисуй что-нибудь, и я обязательно ей передам. Вот увидишь, она будет рада.

– Да-да, – она перестала плакать, – я сейчас, я быстро, подожди меня здесь, – и бегом помчалась вверх по лестнице. Ей навстречу шла Дороти.

– Ты не хочешь оставаться с Ларри?

– Я нарисую маме письмо и он передаст его.

– Вот и молодец. Я рада, что вы подружились, – она села в кресло и закурила. Ее лицо ничего не выражало, как в минуту нашей первой встречи, и лишь по ни на что не смотрящим глазам я догадывался, что какие-то мысли ее терзают. Причем это настроение появилось у нее только сейчас, после разговора с этим Дугласом. Я не стал спрашивать ее, кто такой Дуглас. Мне это было безразлично. Появился дворецкий и спросил нас, не желаем ли мы чаю. Я был не прочь не только почаявничать, но и подкрепиться, однако, деликатно отказался. Дороти также не изъявила желания.

По лестнице спустилась Джудит и вручила мне послание для матери.

– Может быть, ты дашь его мне? – спросила Дороти.

– Он действительно хороший парень и мы с ним теперь друзья, – ответила Джуди, подошла к Дороти и обняла ее.

– Ну, пока, сестричка, – Дороти погладила ее по голове. – Скоро жди нас в гости. Времени у нас будет побольше и мы во что-нибудь поиграем.

Когда мы выехали из виллы, я спросил:

– С хозяином ты говорила о делах?

– Ну что ты! Мы с ним давние друзья. Очень давние. Нам есть о чем поговорить помимо дел. Ты извини его, что он не позвал и тебя. Ты для него случайный человек. Это еще что такое? – дорогу перегораживал знак, запрещающий проезд. – Ремонтники всегда перекроют движение в самое неподходящее время. Придется ехать по объездной, – она развернула машину и мы въехали на узкую дорогу.

– Ларри, вот номер кабинета Томпсона, моего коллеги, – она протянула мне раскрытый блокнот. – Набери, пожалуйста, я хочу поговорить с ним.

– Я снял трубку, но зуммер отсутствовал. Безрезультатно постучав по кнопке, я сказал:

– Телефон испортился.

– Проклятье. Но ничего, где-то здесь должен быть таксофон, – она остановила машину и вышла из нее. Телефонная кабина была несколько в стороне от дороги и Дороти направилась к ней.

Наблюдая за ее грациозной походкой, я не сразу заметил, что во встречном направлении на большой скорости мчался грузовик. Сначала он вышел на встречную полосу, затем, не снижая скорости, одной стороной встал на бровку и через несколько секунд готов был смять машину вместе со мной.

За мгновение мои глаза расширились, а рука потянулась к дверному замку. Грузовик, нагруженный чем-то тяжелым, рефрижератор шел точно на меня. Лицо водителя разглядывать было некогда, я заметил лишь темные очки. Как дополнение к этой картине, был черный дым, шедший единым столбом из выхлопной трубы.

Нащупав замок и открыв дверь, я кувыркнулся на землю. Как грузовик протаранил машину я не видел. Был слышен громкий удар и металлический скрежет. Машина сразу превратилась в гармошку, двигатель вошел в кабину, сминая все на своем пути. Протащившись некоторое расстояние, машина сползла с дороги и взорвалась. Грузовик, не снижая хода, скрылся за поворотом. Скатившись с насыпи, я обо что-то ударился головой и потерял сознание.

Не знаю сколько времени я пролежал в кювете, но очнулся, когда солнце клонилось к вечеру. Стрелки на разбитых часах не двигались. Я ощутил сильнейшую боль в забинтованной левой руке, но уже не в пальце, а в предплечье. Оно было набухшим и шевельнуть им я был не в силах. Руки и спину жгли асфальтовые ссадины, на разорванной рубашке

кое-где запеклась кровь, а на голове, правее затылка, я нащупал огромную шишку.

Я встряхнул головой, чтоб немного взбодриться и прийти в себя и тут же пронзительная боль застучала в моих висках.

Внезапно мне показалось, что я слышу звук полицейской сирены. Склонив голову, я прислушался. Головная боль не давала мне сосредоточиться, я постоянно отвлекался на нестерпимую боль в руке, но, собрав в кулак всю силу воли, попытался встать. Мне это удалось, но я тут же свалился опять. Тогда я начал ползти, с трудом удерживая голову над землей и волоча сломанную руку. Словно крючком, я цеплялся правой за гравий и, сталкивая его в кювет, выползал на дорогу.

Выбравшись на горизонтальную плоскость, я почувствовал жуткую усталость, со стоном выдохнул и посмотрел налево.

Я увидел торчащий из кювета обгоревший, но еще дымящийся остов автомобиля, одну полицейскую машину, скорую помощь и людей в униформе. Среди них я увидел Дороти, стоявшую ко мне спиной. Никто из стоящих меня не замечал. Они о чем-то поговорили, сели в машины и поехали в противоположном направлении от меня. Тщетно я поднимал руку и пытался крикнуть.

Я пролежал на дороге еще час. Опустился вечер и из-за поворота показались светящиеся фары. Водитель заметил меня и остановился, подошел ко мне и помог сесть на переднее сиденье. Это оказалось такси, причем оно было свободным.

– Кто это вас так отделал? – поинтересовался таксист и снял трубку, чтоб вызвать скорую.

– Не нужно никуда звонить, – сказал я. – Сейчас я должен попасть к одному человеку. Он врач и сделает все, что необходимо.

– Куда ехать?

Я назвал адрес редактора.

– И, если можно, побыстрее, – от боли я даже закрыл глаза. Приступ немного отпустил меня и я спросил: Вы, случайно, не были знакомы с Адамом Качером?

– Как же, был, – ответил таксист. – О покойниках плохо нельзя говорить, но скверный был человек, этот Качер.

– Почему?

– Жадный, завистливый, хвастун, да и приврать любил, если что рассказывал. А вы что, его родственник?

– Дальний. Я его жены двоюродный брат. Вы правы, характером Адам не вышел.

– Не то слово, он патологически не удался.

– Но мне всегда казалось...

Таксист разговорился:

– Что вы подумаете о человеке, если он хвастается новыми штанами, словно они от Пьера Кардена. Да таких штанов, как у него, сотни и тысячи. Нет же, специально к ним надел ветровку и крутил этим местом, словно баба на демонстрации моды. Он гомик был, что ли? В могилу, говорит, их с собой возьму. В эту ночь и переломали ему нога. Жаль, конечно, но что поделаешь. Ночью работать страшновато теперь, а после этого особенно. Я хотел и мимо тебя проехать. Те, кто наподдал тебе, где они? Может, они и меня достанут. Жизнь ведь, она штука такая, что не знаешь где кончится. Вот ты мог остаться лежать там, если бы я не поехал. Дорога-то объездная, машины почти не ездят да и выходной сегодня, – он замолчал, а я, закуривая сигарету, пытался не застонать. Ну и денек мне выдался!

Такси остановилось у дома редактора. Водитель вышел и через домофон сообщил ему обо мне. Через несколько минут появился Тэдди. Я открыл дверь и с его помощью вышел, шатаюсь, словно пьяный. Он подхватил меня за пояс, задев при этом левую руку. Я взвыл.

– Тебе нужен...

– Тэд, – перебил его я, – заплати за такси!

Мы вошли в его квартиру и я в изнеможении упал на диван:

– Дай виски.

Тэд налил мне полбокала. Я залпом выпил все.

– Зови Стенарда с его инструментами, только он в кредит загипсует мне руку. Звони же ему, Тэд.

Мой вид был действительно страшен. Я чувствовал, что теряю остатки сил. Виски ничуть не заглушил боль и я попросил еще. Тэд не решался расспрашивать меня о переделке, в которую я попал. Наливая, он лишь спросил:

– Это последствия твоих поисков по преступлениям? – он подал мне бокал и набрал номер Стенарда.

Я опять выпил залпом и ответил:

– Да. А, может быть, и нет.

– Рассказать сможешь?

– Попробую, – и я начал с того, как пошел в салон «Фэшн Фокс», как мне там подарили воротничок, не забыв поездки на кладбище и сдавленного воротничком пальца.

– Налей мне еще, Тэдди, – попросил я и, выпив, продолжил: – По всей видимости, людям, приходившим к Коре Качер, стало известно, что Эдвардс владеет вещью из магического гардероба и грузовик должен был уничтожить ее, если это действительно было покушением. Наверное, они следили за ней. Другого я ничего не могу предположить.

– Значит, воротничок остался у нее?

– Да, – я замолчал, почувствовав истому от выпитого. Передо мной вновь и вновь возникал грузовик, мчащийся на меня, но он был уже не страшен. Нужно звонить Эдвардс и сказать, что ты жив.

Но едва Тэд взялся за телефон, из громкоговорителя голос Стенарда произнес:

– Тэд, отпри дверь. Это я, Пол.

Когда он вошел, его лицо выражало недоумение:

– Что случилось, Тэдди?

– Снимай плащ и раскладывай инструменты.

– Так-так, – сказал он и открыл чемоданчик. – Привет, Ларри. Я смотрю, ты не скучаешь. Тэд, быстро налей теплой воды и неси полотенца, все, какие есть, – он достал ножницы и стал срезать ключья рубашки, прилипшие к предплечью. Кровь на них успела засохнуть и это доставляло мне неопиаемые мучения.

– Долго жить будешь, – сказал Пол, работая ножницами.

– Что это означает?

– Вечерняя газета сообщила, ссылаясь на Дороти Эдвардс. Ее машину, в которой находился ты, сбил неизвестный грузовик. Она сама вызвала полицию, но дорога была перекрыта и им пришлось заезжать с другой стороны. К этому времени машина уже догорела. Поздравляю тебя, Ларри, со счастливым возвращением с того света. Ты уже несколько часов числишься в покойниках. Я хотел звонить Тэду по этому случаю, но он позвонил первым.

Это известие мгновенно отрезвило меня, я даже забыл о болях в руке.

– Газета с тобой?

– Да, я захватил ее, но думаю, что сначала тебе нужно наложить гипс.

Меня затошнило и я попытался встать. Непомерное количество виски организм не принимал.

– Это не виски, – развеял мою уверенность Стенард, – это легкое сотрясение мозга. Не волнуйся, завтра твоя голова должна быть в порядке. Где же тебя носили черти, Ларри? Такое впечатление, что ты наполовину побывал в аду, – продолжил Пол, накладывая гипс – Не принимая во внимание твою голову, как минимум, неделю лежачей жизни ты себе обеспечил.

– Ну если поездку в пригород и госпиталь считать адом – то ты, несомненно, прав.

Стенард сделал мне укол и закончил со мной.

– Дай газету, – попросил я его. Заметка действительно сообщила о моей трагической гибели. Почти закончив беглый осмотр газеты и собираясь ее отложить, я обратил внимание на материал, который, по газетным понятиям, почти никак не подавался. Десять строк в углу на предпоследней странице под названием «Садизм продолжается». Труп бродяги обнаружен сегодня около четырех пополудни с переломанными ребрами и раздавленными стопами ног.

Понятно. О себе дали знать пиджак или сорочка и, конечно же, туфли. Я отбросил газету и позвал Тэда. Кратко изложив ему суть дела, я сказал:

– Мы немедленно едем в морг за этими вещами.

– Ты с ума сошел, – Стенард всегда оставался врачом. – Не знаю как Тэд, но ты никуда не поедешь.

– Ну, знаешь...

– Ларри, слушай внимательно. До морга ты, возможно, доедешь живым, но обратно тебе ехать не потребуется. Ты останешься в одном из его холодильников и тебе не придется доказывать то, что тебя рано записали в покойники.

– Я поеду один, – сказал Тэд. – Думаю, наш друг Пол не откажет в любезности дать мне на пару часов свою машину?

– Да объясните же, черт возьми, в чем дело! – вознегодовал Стенард. – Меня вырывают из дома, хотят воспользоваться машиной, мертвый бродяга, и никто ничего толком не хочет объяснить.

– Пол, ты же реалист, врач-практик, ты просто не поверишь в то, что услышишь.

– Я, конечно, не настаиваю, но в морг Тэда не пустят. Без полиции. Но даже если он будет сопровождать врача – это другое дело, – Стенард чуял, что пахнет сенсацией и хотел

принять посильное участие в ее рождении. Я до сих пор не знаю, пускают ли в морг газетчиков без сопровождения полицейского или врача. Не понять стремления Пола было невозможно и я сказал:

– Поезжайте вместе и по дороге ты узнаешь от него цель этой не очень приятной поездки. Ты согласен?

– А разве это важно?

– Хватит болтать попусту. Возьмите с собой какой-нибудь одежонки и скорей туда, пока не опередили, – говорил я, почти засыпая.

– Поехали, Пол, – Тэд стоял у дверей и закинул в саквояж старую рубашку.

Я уже не слышал последней фразы. Сон навалился на меня так же внезапно, как ураган на побережье. Я еще хотел позвонить Дороти, но не сделал этого.

Проспал я до десяти утра. Утреннюю тишину нарушил голос Тэда:

– Здоровый и крепкий у тебя сон, Ларри, молодец. А теперь взгляни-ка на это, – в одной руке он держал белоснежную сорочку, а в другой новые мужские туфли.

Я зевнул и вопросом ответил:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что они и есть те самые?

– Сказать откровенно, еще вчера я тебе почти не верил. Та ерунда, что ты нес про вещи-убийцы, походила на сказку. Если бы не такой жуткий кризис в журнале, я бы ни за что не поехал в морг, – в его голосе и взгляде просматривалось неподдельное удивление.

– Что же заставило тебя поверить?

– То, что ты видишь в моих руках. Вчера я бросил это в стиральную машину, они же были в жуткой крови. Машина сломалась. Стирать их она не стала и я пошел спать. Сегодня стал вытаскивать это тряпье обратно, но сорочка отглажена, а башмаки из старых превратились в новые, – он слегка покачал обеими руками.

– Неизвестно, когда они снова сожмутся, – повторил я слова Дороти. – Будь с ними поосторожнее. Стенард поехал домой?

– Да. Утром обещал позвонить. Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, почти нормально.

– Хорошо. Если не сильно раскалывается твоя голова после вчерашнего – начинай готовить материал к публикации, пойдет в ближайшем номере. Быстро же ты управился, мистер

детектив. А я должен съездить в редакцию. Навалилось все сразу: разбирательство в суде, ты раненый, шмотки эти, некогда жене позвонить.

– Не знаю, сумею ли я сейчас что-нибудь написать.

Тэд ушел, я поднялся, запахнул вещи в саквояж и улегся опять. Нужно звонить Дороти, сказать о добытом гардеробе, о том, что я не погиб, как сообщила газета, а лежу здесь с поломанной рукой и легким сотрясением. Но почувствовав оправданием себе в том, что можно без последствий повалиться день-два, пока будут искать обгорелое и изуродованное тело в уничтоженной машине, без суеты и беготни полежать в постели и хорошо выспаться, я так и не заставил себя подойти к телефону. Сонливость вернулась ко мне, я закрыл глаза и опять заснул.

Вещи, привезенные Тэдом почти не заинтересовали меня, совсем не хотелось их рассматривать, да и не было в них на вид ничего необычного. Я не сомневался, что это именно они, и полиции нужны не меньше, чем нам, но лень оказалась сильнее и я мирно посапывал, поддерживая правой рукой гипс.

– Ларри, – телефонный звонок разбудил меня. Это был Тэд, – я здесь почти закончил дела, через час приеду. Да! Звонила Дороти Эдвардс, справлялась о твоём здоровье.

– Что ты ей ответил?

– Сказал, что идешь на поправку. Я дал ей адрес, возможно она уже на пути к тебе.

– О вещах спрашивала?

– Нет. Сказала, что просто хочет поговорить с тобой.

– Мне не совсем понятно... – я споткнулся на полуслове.

– Что?

– Скажу, когда приедешь. Пока.

А непонятно мне было то, как Дороти узнала, что я жив. Ну что ж, подождем.

Через некоторое время раздался звонок в двери. У Тэда есть ключ. Кто-то знает еще код от дверей подъезда. Я осторожно подошел и хотел посмотреть в глазок, но что-то остановило меня. Звонок повторился. Встав рядом с дверным проемом, я взял ложку для обуви, слегка приоткрыл ею глазок и в ту же секунду раздался выстрел, затем еще один и следом третий. Ложку сразу вырвало из моих рук, а сам я прижался к стене. Выстрелы были не громче хлопков, вряд ли на них об-

ратят внимания соседи. Треск раздираемого пулями дерева был значительно громче выстрелов.

Я быстро лег на пол и пополз в спальню. Сейчас они будут взламывать дверь, чтобы убедиться: я – мертв. Прятаться мне было абсолютно негде и я приготовился к самому худшему. Взял в руку саквояж и забрался с ним под кровать в ожидании «гостей».

Несколько минут я лежал неподвижно, глядя одним глазом вдоль пола на сторону дверей, но ничто не нарушало моего уединения. Сердце бешено стучало и голова болела как никогда, но я старался не обращать ни на нее, ни на руку внимания. Пистолетной стрельбой пульс гремел в висках и, казалось, наполнял собой тишину.

Я осторожно вылез из-под кровати и открыл стол Тэда. Черным цветом в нем блеснул «Вальтер». Я схватил его и вытащил обойму, неловко придерживая ее сломанной рукой. Четыре патрона. Четыре патрона. А сколько понадобится, чтобы отразить нападение? Крадучись, я подошел к входным дверям, оставив саквояж у стола. За дверями было тихо. Я взял пистолет оставшимися незабинтованными пальцами левой руки, а правой отпер замок, затем переложил оружие опять в правую и с силой пнул дверь на открытие, сам при этом отскочив в сторону от возможного выстрела. Доли секунды, пока я был в прыжке, мне хватило посмотреть за дверь. Там абсолютно никого не было. Я осторожно вышел в коридор. Пусто.

Вернувшись, я подошел к телефону и набрал номер криминальной полиции:

– Могу ли я поговорить с мисс Дороти Эдвардс?

– К сожалению, нет. Позвоните попозже или оставьте для нее информацию, – ответила трубка.

– Немедленно пришлите кого-нибудь. Вооруженное нападение на квартиру, – я назвал адрес Тэда.

Минут пять я сидел неподвижно, не думая ни о чем, пока не услышал шаги в прихожей. Вошла Эдвардс, держа в руке пистолет.

– Привет, Ларри. Положи трубку на рычаги, телефон еще пригодится. Поздравляю с возвращением с того света. Ты один?

– Уже да.

– О простреленной двери расскажешь после, а сейчас выкладывай, что произошло на дороге?

– Ничего особенного, – равнодушно ответил я. – Водитель грузовика не справился с управлением. Не пытались искать его?

Грузовик-то нашли быстро, а вот водителя?.. Машину угнали от пиццерии за сорок минут до аварии. Тебя кто-то знает, Ларри, и охотится за тобой.

– Может быть, за тобой?

– Я только что хотела это сказать. Что с рукой?

– Последствия кувырка в кювет. Закрытый перелом. А как ты узнала, что я жив, не поверила газете?

Прежде всего, от моей машины не осталось почти ничего, но я сразу определила, что тебя в ней не было. К тому же, никакого заявления для прессы я не делала. Твой брат-журналист обязательно придумает сенсацию, если она ему нужна. Ну а здесь кто побывал?

– Если бы я увидел того, кто побывал здесь – сейчас бы ты со мной не разговаривала. Я был бы уже в компании тех троих.

– У меня не очень хорошие новости, Ларри. Прошедшей ночью могильщик раскопал беднягу Адама Качера. Он был без брюк. Кто-то уже снял их с него. Гардероб не собирается воедино.

– Что делать?

– Ума не приложу. Будем искать остальное и, конечно же, брюки. Я чувствую, скоро появятся и остальные вещи, – она закурила сигарету и добавила: – Это даже хорошо, что тебя похоронили. Тебе до поры можно укрыться где-нибудь, чтоб о тебе забыли. Где? Самое, как мне кажется, подходящее место – у меня. Возьми ключ от моей квартиры. Поторопись, здесь скоро будет полиция, увидимся вечером.

Я взял саквояж с вещами и направился к выходу.

– Что это? – спросила Дороти.

– Сменное белье, – я решил на этот раз не отдавать вещи Эдвардс, пока не опубликую материал. Продолжать разговор мне не хотелось, я спрятал ключи в карман и вышел на улицу, когда к дому как раз подъехало несколько полицейских машин, завывая сиренами. Сделав безразличное лицо, я прошел мимо них, как ни в чем не бывало. Напротив меня резко затормозило такси и из него вышел Тэд.

– Куда ты направился? – спросил он, ничего не подозревая.

– У тебя в доме полиция, – вместо ответа сказал я. – Мисс Эдвардс там же. В меня опять стреляли, Тэд.

– Одежда при тебе?

– При мне, – я приподнял в руке саквояж. – Останови мне такси, я еду домой к Дороти.

Едва Тэд вышел на обочину, как к ней мгновенно подскокил черный «Мерседес». Быстро вышедшие из него три человека очень ловко затолкали Тэда и меня в салон. Это произошло так стремительно, что ни Тэд, ни я не успели даже опомниться. Из руки забрали саквояж, один из похитителей направил на меня ствол и приказал молчать.

Я посмотрел на Тэда и прочел в его глазах полную растерянность. Не поворачивая головы – боковым зрением – я стал, отбросив на задворки страх, рассматривать похитителей. Нет, нигде я раньше не встречал этих людей. Моя профессиональная память меня не подводила, пока один из них, обращаясь к другому, не сказал:

– Этого держи на мушке постоянно, Дэн, он нам нужен больше других, – и при этом показал на меня кивком головы.

Вот оно что! Тот самый Дэн! Значит, мы попали в компанию визитеров к Коре Качер, к этим бравым ребятам, расправившимся с беззащитной женщиной.

Я опять взглянул на Тэда. Его растерянность медленно, но верно перерастала в панику. Глаза начали бегать, голова стала вертеться из стороны в сторону, вжимаясь в плечи, в лежащих на коленях руках появилась дрожь, а лицо приобрело бледный мраморный оттенок.

– Позвольте мне закурить, господа, – сказал Тэд и громко сглотнул. Один из сидящих протянул ему пачку сигарет. Жадно затягиваясь, Тэд продолжал смотреть на меня, словно я был его спасителем, и лишь когда окурочек стал обжигать ему пальцы, тот, кто сидел рядом с водителем, повернулся и сказал:

– Вам не следует так волноваться, мистер Прайсон. Вы в полной безопасности.

Трудно было поверить в сказанное. Ну что ж, если мы останемся живы, публикация будет сенсационной, дополнительный тираж нам обеспечен и мне не придется искать другое место.

– Что с вашей рукой, Балентайн? – сидящий около водителя проявлял редкую осведомленность в области заочных с нами знакомств. При этом выражение его лица не давало по-

вода усомниться в искренности. Интонация была дружелюбной и даже какой-то располагающей. Я посмотрел на свою руку, затем на него:

– Вас интересует моя биография от рождения или только карьера журналиста? – я знал, что следующим будет вопрос о Дороти Эдвардс, о наших с ней поездках, о гардеробе и обо всем, что прямо или косвенно связано с ним.

– А вы знаете цену словам.

– Я – журналист.

– Я вижу, мы знакомы с вами как-то односторонне. Я знаю о вас все или почти все, вы же меня видите впервые. Вам, наверняка, все равно, как меня зовут?

– Да, – присутствие духа я пока сохранял.

– И, тем не менее, я представлюсь. Друзья называют меня Дарвином. Вам это о чем-нибудь говорит?

Я выдал из себя улыбку.

– Можете не запоминать маршрут, мистер Балентайн, вас привезут обратно.

– Так я тебе и поверил. Жаль, что нет у меня хлебных крошек, как у братьев Мальчика-с-пальчика, кидал бы их на дорогу. Но откуда у тебя на затылке глаза, увидевшие, как я наблюдаю за дорогой! Теперь завяжут глаза. Полные атрибуты голливудских детективов.

Нет, глаза нам завязывать не стали, не заставили лечь на пол, нас не били, не было набора действий «классического» похищения, кроме направленного на меня ствола.

Я прекрасно запомнил, что, попетляв по городу, мы приехали на кладбище, но с другой его стороны. Нас встретил старик, ведший меня на могилу Монта, только на этот раз в нем не было того угодничества, с которым он встречал клиентов, меня, например.

Дарвин вышел из машины и о чем-то несколько минут с ним говорил, после чего старик ушел, а Дарвин махнул рукой и попросил нас выйти.

Мы проследовали кладбищенские ворота и затем долго шли мимо могил, выписывая замысловатые круга. Я потерял всякую ориентировку: склепы, кресты, скульптуры, плиты и просто безымянные камни окончательно сбили меня с толку. Растущие деревья закрывали видимую площадь и я не знал, насколько мы углубились. Так же как и я, Тэд шел молча, иногда оборачиваясь на могильные холмы и читая на них имена.

Так мы ходили взад и вперед, пока не оказались у склепа, сложенного из темно-серого мрамора. Упершись плечом, Дарвин отодвинул каменную дверь и перед нами предстало темное холодное подземелье. Оттуда пахло плесенью и мертветчиной. Дарвин достал фонарик, включил его и стал спускаться вниз.

Я почувствовал, что мне в спину, прямо в левую лопатку, уперлось что-то тонкое и металлическое. Наверняка ствол пистолета, и он подталкивал меня туда же. Я сумел оглянуться на Тэда: через «конвоира» он стоял за моей спиной и в нем не чувствовалось спокойствия. Глубоко вздохнув, я встал на первую ступеньку и начал спускаться. В нескольких ярдах от меня Дарвин подсвечивал путь. Наши шаги гулким эхом отдавались в тесных стенах, нарушая могильную тишину.

Дарвин отпер еще одну дверь. В бегающем луче фонарика я увидел три стоящих параллельно гроба. Один из них был приоткрыт и из него шел слабый фосфоресцирующий свет. Дарвин прошел мимо гробов и плечом толкнул еще одну дверь, искусно замаскированную в стене. Там оказалась просторная комната с мебелью, телевизором и стоящим посреди нее манекеном с надетой на голову шляпой.

Все это я увидел после того, как Дарвин нажал на выключатель и загорелся обычный электрический свет.

– Прошу садиться, господа, – сказал он, обращаясь ко мне и Тэду. – Извините, но иного способа побеседовать с вами, мистер Балентайн, у меня просто не было.

Я обратил внимание, что на один из углов свет не падал вовсе. Спиной к нам стояло высокобортное кресло и в нем явно кто-то сидел.

– Дэн, – продолжил Дарвин, – покажи, что там!

Дэн не спеша извлек сорочку и туфли, затем подошел к манекену и надел их на него. Если бы это происходило при других обстоятельствах, я бы рассмеялся, так нелепо выглядел манекен в туфлях, сорочке и шляпе.

– Можете смеяться, – угадав мои мысли, сказал Дарвин. – Он действительно забавен. Теперь к делу. Где остальные вещи?

– Послушайте, Дарвин, – ответил я, вы имеете в виду вещи-убийцы?

– Не прикидывайтесь простачком, Балентайн. Вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Где остальные вещи?

– Могу ли я позвонить отсюда?

– В полицию? В сумасшедший дом? На телевидение? А, может быть, в журнал «Вторая Ступень»?

– Что за игру вы ведете, Дарвин? Если все это время вы следили за мной, вы должны знать, где находятся вещи.

– Вы правы. Дэн, покажи мне содержимое карманов Балентайна, – Дарвин подошел ко мне и, не прекращая улыбаться, взялся за гипс. Дэн достал из моих карманов бумажник, две кредитных карточки, пачку сигарет и два комплекта ключей. Улыбаясь, Дарвин вдруг с силой сдавил гипс и проломил его. Я ощутил резкую боль и в голос выдохнул через нос – Где одежда, Балентайн? – он пальцами надавил на сломанную кость. От боли я напрягся. – Повторить еще раз? – он слегка пошевелил кончиками пальцев под проломанным гипсом.

– Не надо, – ответил я, глядя на Тэда. У меня на лбу выступил холодный пот. – Не надо. Что вы хотите вместо них?

– Дорогой Балентайн, нам нужны вещи, только эти вещи и ничего более.

– Дарвин, – произнес Дэн, – здесь двое ключей. В его квартире пусто, воротничка при нем нет. Наверняка, он отдал его Эдвардс.

– Прекрасно, – сказал Дарвин. – Немедленно отправляйтесь туда и привозите, – он махнул рукой и второму, державшему нас на прицеле.

После их ухода Дарвин прошел в затемненный угол и развернул кресло. Сидящий не был нам виден, но я сразу понял, что знаю этого человека.

– Позвольте вам представить Дугласа Вилаччи, – Дарвин зажег лампу над его головой, – главного консультанта, о! прошу прощения! теперь уже владельца салона «Фэшн Фокс», любовника мисс Санджес и автора одного из самых загадочных убийств.

Вилаччи сидел в кресле, связанный по рукам и ногам, его рот был заклеен пластырем. Взлохмаченные волосы и выпученные глаза выдавали следы еще не прошедшей для него борьбы. Он то и дело выгибался всем телом, пытаясь освободиться, что-то мычал, не имея возможности говорить, глаза смотрели то на меня, то на Дарвина, то на моего редактора.

Изгибаясь как змее, ему удалось сползти на пол и едва Дарвин нагнулся, чтобы поднять Вилаччи, Тэд схватил со столика свинцовую пепельницу и с силой, какой только обладал, опустил ее на голову Дарвина. Последний произнес что-то нечленораздельное, повернулся и упал. Прайсон подошел к

консультанту и стал развязывать его, а я взял в здоровую руку пепельницу, покачал ее, прикидывая на вес, и стал смотреть за Дарвином. Едва он шевельнулся, я тут же огрел его вторично.

Освобожденный Вилаччи осыпал нас благодарностями и подошел к манекену. Взяв с пола саквояж, он стал снимать с манекена вещи и запихивать их внутрь.

– Где-то здесь должны быть и брюки, – торопливо говорил он. – Если вас не затруднит, поищите их.

Я положил пепельницу рядом с головой Дарвина и сказал:

– Зачем вам этот гардероб?

– Дорогая ткань, очень дорогая ткань, – отвечал Вилаччи, запихивая в саквояж туфли. – Французский полушерстяной драп. Изготавливается в очень малом количестве. Только на один костюм. Только на один костюм, – повторял он, словно в кошмарном сне.

– Брешешь ты, приятель. Рубашка и обувь тоже драповые?

Когда Вилаччи запихнул в саквояж последнюю вещь, снятую с манекена, я подошел к нему и с силой вырвал саквояж у него из рук, при этом выставив немного вперед гипс.

– Пойдем, Тэд, – сказал я.

– Брюки, Ларри, где-то здесь брюки, – к нему вернулась решительность, хотя дрожь в руках так и не прошла. Тэд занес ногу, чтоб перешагнуть через Дарвина и продолжить путь к шифоньеру, как Дарвин схватил его за ногу, дико при этом улыбаясь. Руками он завернул стопу и Прайсон, как подкошенный, упал. Меня удивило неожиданное «воскрешение» Дарвина, мне казалось, что он без сознания проваливается не меньше часа.

Встать на ноги Дарвин не успел. Я бросил саквояж на пол и одним ударом свалил его с ног. Он полетел прямо на манекена, который с грохотом упал и рассыпался на части. Дарвин схватил отколовшуюся руку и стал подходить с ней ко мне, словно с мечом. Я попятился. Сломанная рука все время напоминала о себе болью в продавленном месте. Инстинктивно я выставил вперед гипс, защищаясь от замаха Дарвина. Как в замедленном кино, я увидел ладонь манекена в руках Дарвина,двигающуюся ребром. Какая-то сила заставила меня наклонить голову и я отчетливо услышал звук рассеченного над ней воздуха. Дарвин замахнулся с другой стороны, но Тэд, находясь сзади, сильно толкнул его прямо на меня. Я едва успел отскочить, как Дарвин, падая, шагнул через то место, на котором только что стоял я, и повалился на пол, выронив свое

орудие. Он упал на живот и стал поворачиваться в направлении манекенной руки, стараясь дотянуться до нее.

В этот момент я понял, что схватив эту руку, он швырнет ее в меня и никакой реакции не хватит, чтоб увернуться от броска. Только его ладонь схватилась за изваяние, я ногами прыгнул на его спину, стараясь проломить ему грудную клетку. Дарвин увернулся и я ударил ногами о пол. Он бревном откатился на два шага, невесть откуда у него появился пистолет. Держа его в правой руке, а левой потирая ушибленное на голове место, Дарвин сказал:

– Здорово у вас это получилось, Балентайн. Однако со мной подобные номера не проходят. К стене, все трое, – и он выстрелил в пол. Пулю со звоном отрикошетило вправо.

Тяжело дыша, мы отошли от него на некоторое расстояние, Дарвин достал платок и вытер кровь, выступившую на затылке и стекающую по виску.

– Дайте саквояж, – обратился Дарвин ко мне. – Стоять на месте! Поднимите его и бросайте сюда.

Мне ничего не оставалось, как выполнить приказание. Немного постояв у стены, я уселся прямо на пол. Моему примеру последовали Тэд и Вилаччи.

Немного посидев и повертев головой по сторонам, я увидел слабенькую полоску света от неплотно закрытой двери. Точнее сказать, дверь была закрыта, но не совсем точно входила в проем, оставляя еле заметную щель. Да в этой могиле целое жилое помещение!

– Что нас ожидает? – спросил я Дарвина, продолжавшего так же пристально наблюдать за нами, не опуская пистолета.

– Вас отвезут по домам, как только мы получим то, Ради чего сюда прибыли.

– Следует ли нам звонить куда-нибудь, сообщить о нашем похищении? Сколь большая сумма вам нужна?

– Никаких денег. Единственное, что я могу вам пообещать – это то, что вы пробудете здесь до тех пор, пока не соберется гардероб. Затем вы спокойно покинете это не совсем приятное место.

Мне показалось, что я услышал приглушенный стон и невольно повернул голову в том направлении. На глаза мне опять попала полоска света. Стон повторился, очень тихий и далекий.

– Уходим так же, как тот, что за этой дверью?

– Ни в коем случае. Человек, который там находится нуждается в нашей помощи. А мы нуждаемся в вашей. Оказав помощь нам, вы поможете и ей.

– Это женщина?

– Женщина, к тому же известная вам.

Мы замолчали. Я иногда поглядывал на Тэда, но, кроме обреченности, я ничего не мог прочесть на его лице. И лишь Виладчи проявлял видимую трусость, раскачиваясь из стороны в сторону и что-то бормоча себе под нос.

Так мы просидели около часа, пока не вернулись помощники Дарвина.

– За нами гналась полиция, – сказал Дэн, усаживаясь в кресло. – Но наша поездка не пропала даром. Кроме воротничка мы нашли у нее и это, – и он вытащил две вещи. Воротничок я узнал сразу, а вторая вещь была похожа на тазобедренную повязку. И лишь когда Дарвин развернул ее, я – о ужас! – узнал плавки Энмалса, которые мне показывала Дороти. Яркий рисунок почти исчез, они были неестественно растянуты и имели совсем непривлекательный вид.

Мое лицо оставалось совершенно безучастным и, я уверен, они не заметили моего удивления.

– Я вижу, что вы тоже времени не теряли, – продолжил Дэн. – Что случилось?

– Наш друг Балентайн решил уйти не попрощавшись и прихватить с собой весь гардероб. Что поделаешь, я был вынужден просить его и этих господ остаться, – иронично говорил Дарвин.

Мне велели подняться, Дарвин прошел вперед, открыл увиденную мной дверь и предложил войти в нее только мне. Я нехотя прошел и увидел лежащую на тахте Кору Качер. Чересчур много сенсаций за один день на голову бедного журналиста. Так же, как в госпитале, в ее руке находилась игла капельницы, на лице была маска от аппарата искусственного дыхания.

– Мы забрали ее сюда, – сказал Дарвин, опережая мой вопрос.

– Ее могли убить. Собственно, смерть грозит ей и сейчас, но от ран, а не от отчаяния. Но вы, – он посмотрел мне в глаза, – можете помочь ей.

– Отправиться к праотцам?

– Вы жестоки, Балентайн. Необходимо найти ее дочь. Ей тоже грозит гибель. Вы, наверняка знаете, куда ее увезла мисс Эдвардс. Помогите.

– Вас интересовал гардероб...

– Гардероб собран.

– Вы хотите сказать...

– Через ваши руки прошла вся эта одежда, кроме, пожалуй, брюк. Должен сказать, что брюки здесь, а пиджака не существует.

– Вы просите помощи у похищенного вами же? Считаете, что я поддамся на ваше дешевенькие уловки и испугаюсь могильной темноты?

– Погибли люди, Балентайн, ни в чем не повинные люди. На волоске жизнь еще двоих. Кору Качер и ее дочери. Одну погубят насильственно, а другая не переживет смерти двух близких. Следующими в этой дьявольской цепи будете вы, Прайсон и все, кто хоть немного знает об этих вещах. Решайтесь, Балентайн, мы можем опоздать. Убийство первой в списке жертвы было назначено на вчерашний день. Только наше вмешательство спасло бедную вдову.

– Почему я должен вам верить?

– Вы неглупый человек. Если бы мне нужна была ваша жизнь, я давно взял бы ее.

– Грузовик и выстрелы в двери – не ваша работа?

– Не моя, Балентайн. Вы, конечно, все узнаете, если можете нам. Но не забывайте, что ваша жизнь тоже в опасности. За вами уже идет настоящая охота. Вы втянули в это дело Прайсона и теперь он тоже под колпаком. Даже если вы откажете нам в помощи – вы спокойно можете уйти отсюда, но оставшихся вам дней вряд ли хватит, чтобы опубликовать результаты ваших поисков. Понимаю, что вы хотите поднять тираж вашего журнала, обещаю, что он поднимется и о вас заговорят. Я многое знаю из того, что неизвестно вам.

Я не доверял Дарвину. Его располагающий тон трудно было назвать лицемерием, но все-таки... Казалось, он забыл о попытке нашего бегства отсюда. Дело оборачивалось таким образом, что не мы у него в руках, а он у нас. И лишь когда он начал говорить об истинном предназначении одежды, я понемногу, с трудом, стал верить ему. Но это трудно было назвать верой в изначальном смысле. Скорее, это было сочувствие или даже просто понимание.

Вещи были сделаны в глубочайшей древности. Во времена правления египетского фараона Хеопса. Во время войны с бедуинами в его стане случился пожар, он обжег лицо фараона. С тех пор Хеопс панически боялся смерти. И нашлись люди, при помощи черной магии и соков экзотических растений, изготовившие ему такую одежду, что он стал неуязвим. Одежда не старела, не загрязнялась и могла трансформироваться согласно моде и вкусам, хотя в то время этого не требовалось. Хеопс носил ее четыреста двадцать три года. Он прожил намного больше, чем записано в ваших справочниках. Маги, колдовавшие над одеждой, были сожжены, но успели наложить проклятие. Пока одежда собрана воедино и находится на теле человека, человек будет жить столько времени, сколько ее не снимает. Но лишь гардероб будет разделен на части, как каждая сама по себе вещь становится убийцей. Фараон Хеопс умер в тот же миг, когда его сын с сообщниками снял со спящего отца последний аксессуар. Именно за долголетие Хеопс на четвертом веке своей жизни воздвиг себе грандиозную усыпальницу, в которую и был положен. Вас не интересовало, сколько людей, то есть современных исследователей, внезапно умирали, проникнув в нее? Близкие слуги знали тайну вещей и сумели их выкрасть. Надеясь жить так же долго, как их властитель, они разделили гардероб между собой, не догадываясь о проклятии. В первое же полнолуние они умерли в страшных мучениях.

– Красивые легенды очень долго живут, Дарвин. Каким образом вы это выяснили?

– Не спрашивайте меня об этом, Балентайн. Уверен, вы узнаете и это, но несколько позднее. Вами играли, как куклой. Вы получили вещь из гардероба и все время оставались под пристальным вниманием. Вы остаетесь живой мишенью, и если не принять никакой защиты, вы при первом удобном случае займете одно из этих мест в этой земле, – Дарвин провел рукой, напоминая, где мы находимся. – Но я продолжу об одежде. Сейчас она претерпела трансформацию и я сам не знаю, что побуждает ее на сжатие. Со временем гардероб разошелся по свету и только сейчас нам удалось собрать его воедино. Но во многих странах, отстоящих на тысячи миль от Египта, она успела проявить себя.

– Каким образом вы нашли меня?

– Мы наблюдали за Вилаччи. И старик, показавший вам захоронение Джефферсона Монта, следил за вами. Вилаччи,

давший вам воротничок, за день до вашего приезда на кладбище очень хорошо заплатил этому старику, что тот снимет с Монта воротник. Старик откопал беднягу, снял с него вещь и, пока закапывал, вставил в расщелину дерева. После того, как все было закончено, он дернул лоскут, но его зажало стволом. Он дернул сильнее и разорвал его пополам. Испугавшись, что Вилаччи не заплатит ему за рваную вещь, он раскопал еще одну могилу, снял с другого покойника еще один воротник. Не задавайте ваш вопрос, Балентайн, ночью, когда старик вскрывал могилы, супермаркеты не работают. Купить воротничок было нельзя. Старик позвонил Вилаччи, который тут же примчался на кладбище и забрал оба воротничка, заплатив намного больше, чем обещал. Вот тогда мы и поняли, что консультант решил не только тихо собирать гардероб, но и через мисс Санджес запустить лапы в состояние Монта. И с вами, Балентайн, решили поиграть те, кто хочет иметь вечную жизнь и стремиться к неограниченной власти. Они будут уничтожать всех, кто хоть немного причастен к гардеробу. Мы, конечно, можем сейчас покинуть вас и уйти навсегда, но что вы будете делать с ней, – он показал на Кору, – что будет с ее дочерью, уже лишившейся отца? Что, в конце концов, произойдет с Прайсоном и еще теми, кто знает о гардеробе?

– Но о нем знает и полиция.

– Только Дороти Эдвардс. Только она. Итак, вы готовы нам помочь?

– Я заколебался. Слишком уж его откровение походило на вымысел. Но тогда вымыслом является и мой сломанный воротничком палец и три убийства.

– Я должен подумать.

– Мы располагаем очень малым временем. Прошу вас поторопиться. От вас зависит жизнь ребенка.

– Ну что ж, если охота – жертвоприношения не избежать!

– Я согласен, – следующую фразу я прожевал, но затем внятно повторил ее: – Но при одном условии: какую-нибудь из вещей вы должны оставить мне.

– Хорошо. Будь по-вашему.

– Еще одно. У меня послание для Кору Качер, – лежавшая открыла глаза. Я достал изрядно смятую бумагу и протянул Коре.

– Glenn, – открыв дверь, позвал Дарвин, – останешься здесь и сделаешь все необходимое с раненой, – Дарвин жестом указал на выход.

– Вещь, – сказал я, – мне нужна любая вещь из гардероба, Дарвин.

Я клянусь вам, Балентайн, вы получите ее, получите сегодня же, но ради Бога, не сейчас, не в эту минуту.

Мы вышли к остальным. Тэд вопросительно посмотрел на меня, а Дарвин продолжил:

– Попрошу всех на выход.

Руки у консультанта были опять связаны сзади, а рот заклеен пластырем. Мы молча поднялись на поверхность и я с удовольствием вдохнул свежий воздух. Короткая прогулка между надгробиями – и мы вновь оказались у машины. Про себя я отметил, что это уже не «Мерседес», а «Вольво». Дарвин сел за руль, а мне любезно предложил место рядом.

– Вы меняете машины каждый час?

– Как придется, – ответил Дарвин и завел мотор. – Куда прикажете ехать?

Я назвал район, куда мы ездили с Дороти.

– Мисс Эдвардс бывает даже там?

Вилаччи что-то мычал себе под нос, пытаясь привлечь внимание.

– Не стоит отвлекаться на него, – опять угадав мои мысли, сказал Дарвин. – Этот человек сильно машет руками и выкрикивает ужасные оскорбления. Терпеть не могу бульварную брань. Он нам нужен по другой причине.

Посмотрев через зеркало на Тэда, я увидел на его лице злость. Глаза смотрели яростно и я понял, что он считает меня предателем. Само собой на моем лице появилось выражение невинности, словно я мальчик и украл яблоко, предназначенное младшему братишке. Да, Тэдди, я не знаю что произойдет с нами через час. Если я предал, то не только тебя, но и себя, это уже точно. Возможно, мы, а вслед за нами и журнал, прекратим существование. Не забудь мне прислать потом в ад приветик с небес.

Тем временем мы въехали в пригород и я показал дом, где мы были с Дороти. Дарвин остановил машину, а Вилаччи принялся что-то отчаянно мычать.

– Он хочет что-то сказать, – Дэн смотрел то на Вилаччи, то на Дарвина.

– Убери пластырь с его рта.

– Дэн сорвал пластырь и Вилаччи, мешая ругательства с нормальной речью, стал кричать, что мы не имеем право посягать на частную собственность, что нам это будет стоить не-

скольких лет тюрьмы или даже жизни, что он найдет способ нас посадить, и так далее.

– Терпеть не могу бульварную брань, – повторил Дарвин и Дэн снова заклеил ему рот. Дарвин вытащил из кармана шприц и ампулу. Отломав горлышко, он наполнил шприц жидкостью и протянул его Дэну: – Остайся здесь с мистером Прайсоном, а я и Балентайн сходим за девочкой. Присматривай за Виладчи и если что, сделай ему инъекцию. Я думаю, это должно его успокоить. Возьмите пистолет, – сказал он мне и протянул оружие. – Возможно, оно нам понадобится.

– Что за снадобье вы оставили помощнику?

– Не все, не все вам можно знать, Балентайн. Прошу извинить меня.

Холодная тяжесть «Вальтера» успокоила меня почти окончательно. Мы вошли в ворота и проследовали по пустынной аллее, минуя автостоянку. Дарвин шел несколько позади меня и, оглянувшись пару раз на него, я вновь стал терзаться сомнениями. Мы вошли в дом. Повяло жуткой тишиной.

– Вы знаете внутреннее расположение дома?

– Я был только в гостиной.

Обстановка не изменилась, лишь плотно задернутые на окнах шторы создавали полумрак, которого не было при моем первом визите сюда.

Дарвин бесшумно начал подниматься по лестнице, а я стал осматривать другие двери, выбирая, в какие войти сначала.

– Балентайн! – приказным тоном сказал Дарвин, – оставайся на месте. Из этой комнаты не выходить!

Куда же девалась любезность и даже учтивость Дарвина? Я, действительно, кукла. Помогите, Балентайн, сделайте вывод, Балентайн, возьмите, послушайте, не беспокойтесь... «Идиот ты, Ларри», – сказал я себе и навел ствол на Дарвина. Этот ублюдок, наверняка, дал мне пистолет, заряженный холостыми.

– Не стоит беспокоиться, – за секунду до спуска курка сказал женский голос, показавшийся мне очень знакомым. Мы оба посмотрели на кресло, откуда исходил голос, и я увидел Дороти, сидевшую на нем, поджав ноги. – О! И мистер Балентайн здесь, – она увидела его раньше, чем меня, это чувствовалось по интонации. – Вас похитили и сделали налетчиком. Дайте сюда оружие. Надеюсь, вы совершаете преступление

под принуждением. Закон на вашей стороне. Вы можете без опасений прекратить в нем участие.

Наконец-то! Дороти сделает все, что нужно. Подмогу она, наверняка, вызвала. Я почувствовал в безопасности не только себя, но и Джудит Качер.

– Привет, Дороти, – я опустил пистолет и подошел к ней. Что-то злобное мелькнуло в ее глазах, чего я раньше не замечал. Она кивнула, взяла у меня оружие и выдавила из себя улыбку.

– Ты, конечно же, пришел за девчонкой, – обратилась она к Дарвину. – Я ждала тебя. Не поделишься ли ты со мной, как тебе удалось разговорить Балентайна? Что ты ему пообещал?

Из дверей вышла Джудит, подошла к Дороти и прижалась к ней. Дороти погладила ее по головке и обняла.

– Мы поедем к маме?

– Обязательно, детка. Прямо сегодня. Но вон тот нехороший дядя, – она показала на Дарвина, – не хочет этого.

Внезапно Дороти встала на ноги и силой дернула девочку к себе и, словно мешок, прижала ее к груди. Затем также быстро повернулась ко мне и я увидел выстрел, направленный мне в голову.

В мгновение ока передо мной пронеслась вся моя жизнь, включая последние дни. Вслед за первым прогремели второй и третий выстрелы.

Я качнулся, но на ногах устоял. Какая-то невидимая преграда встала на пути у пули. Она толкала все мое тело, но была непробиваема. Пули со звоном ударялись о нее и отлетали в сторону.

– Брось пистолет, Хемма, – сказал Дарвин. – Ты изменяешь себе: раньше ты не пользовалась современным оружием! Пока я здесь, пули не причинят вреда Балентайну. Отдай нам девочку и мы уйдем, – голова Дороти-Хеммы стала круто заворачиваться влево. Джудит громко закричала. Не выпуская ее, Хемма прохрипела:

– Отпусти захват, Калин, иначе я убью ее.

Голова Хеммы вернулась в прежнее положение. Она повертела ею из стороны в сторону, разминая шею:

– Послушай меня, Калин, – спокойно говорила Дороти-Хемма, перебивая плач Джудит, – гоняясь по всему свету за этим бараклом, я потеряла руку и мне пришлось сделать восковую. Из-за этого я слабее, чем тогда, но эту руку тебе разжать не удастся. Я могу убить девчонку в любой момент. В

прошлый раз я сдалась тебе без боя. Ты всегда был сильнее меня, Калин, однако немного изменилась ситуация и я предлагаю тебе сделку: эта девчонка в обмен на вещи. Они принадлежат мне. Ценой долгих лет и потери здоровья я, и только я, создала их. Я должна была родить Хеопсу ребенка, но он безжалостно сжег меня и неродившегося Ларинфа. Ты успел принять снадобье и не чувствовал тех адских болей, когда сжигали твое тело. Тебя и похоронили по всем обычаям, Калин. Одежда моя! Тебе она не нужна! Не делала я, а ты занимался лишь лечением. Отдай ее мне и ты получишь девчонку. Ведь ты не допустишь смерти ребенка, а, Калин?

– Мне трудно поверить, – ответил Дарвин-Калин. – Хемма в нерешительности. И еще беседует со мной.

– Беседую, потому что знаю, что гардероб собрался. И так, ты согласен?

– Я слушал тебя внимательно. Ты говоришь только о себе, Ларинфе и вещах Хеопса. Почему ты не вспомнишь о тысячах убитых рабов, ради нескольких капель крови, выдавленных из их сердец для этой одежды? Сколько человек ты убила еще, возвращаясь в этот мир, не принадлежащий тебе? Сколько войн из-за тебя охватывали целые государства? Ты пытаешься поставить меня перед выбором, выменивая одежду на жизнь девочки и зная мою слабость. Я не гонялся за тобой в этой эпохе, ожидая, пока соберется гардероб на какой-нибудь одной территории, закрывая глаза на творимые тобой злодеяния. Могу ли я пожертвовать еще одной жизнью ради лишения тебя цели твоих возвращений? – Дарвин сделал паузу и посмотрел мне в глаза. Его взгляд был очень тяжелым, совсем не тем, что я видел некоторое время назад. Но не пропуская ни одного слова из их разговора, я подумал, что вот это будет сенсация из сенсаций! Современники Хеопса! Да что мы знаем об этом фараоне? Почти ничего. Передо мной живая история. Да быть этого не может!

Между тем, Джудит кричала и пыталась вырваться. Она царапалась и кусалась, била маленькими ручками, но силы были слишком неравны.

Хемма вдруг изогнулась, словно почувствовала резкую боль в животе. Меня что-то дернуло. Я в прыжке подскочил к ней, здоровую руку просунул между ее грудью и Джудит и с силой рванул за предплечье. Джудит упала на пол, обнимаемая оторванной рукой. Из плеча Хеммы повалил дым, запахло горелым мясом. Хемма обернулась в мою сторону и взглядом

толкнула меня. Некоторое расстояние я летел по воздуху и горбом ударился о стену. То же самое Хемма пыталась сделать с девочкой, но ее голова опять завернулась влево. Дарвин держал руки впереди себя и, состроив жуткую гримасу, на расстоянии заворачивал голову Хеммы-Дороти. Послышался хруст позвонков и ее голова повисла на одной коже.

Отвратительное зрелище. Тело еще стояло несколько секунд на ногах, единственная рука продолжала искать в воздухе что-то несуществующее, затем все упало на пол. По коже поползли трещины, из них пошел дым, и через минуту на полу осталось что-то бесформенное, обугленная масса, в которой трудно было что-либо различить.

Джудит не видела этих превращений. Я успел поднялся, подбежать к ней и закрыть собой это зрелище. Она тихонько плакала, уткнувшись в меня.

– Вы молодец, Балентайн, – вывел меня из оцепенения Дарвин. – Я не в силах был управлять ее рукой. Я не простил бы себе смерть девочки. Все кончилось. Пора уходить.

С трудом передвигая ноги, я вышел на улицу. Свежий воздух! Тот самый свежий воздух! Теперь уж точно ближайший уик-энд я проведу где-нибудь за городом, на дикой природе!

Джуди взяла меня за руку:

– Ты хороший парень.

– Знаете, Балентайн, – сказал Дарвин, теперь я вынужден быть с вами полностью откровенным. Я не могу вам дать НИ ОДНОЙ ВЕЩИ ИЗ ЭТОГО ГАРДЕРОБА! Я должен уничтожить его, иначе не избежать новой беды. Вещи восстановятся, если останется хотя бы одна из них. И за ними снова начнется охота. Возвращаясь в этот мир, я пытался уничтожить их поодиночке. Увы, их полный набор оставался неизменным... Много веков они совершали только зло, но в последний раз послужили добру. Они вылечили эту женщину. А ну, девочка, беги за ворота, твоя мама ждет тебя! – Джуди не заставила себя просить вторично и побежала к воротам, проявляя недюжинную резвость. – Я уже двенадцатый раз возвращаюсь в погоне за Хеммой. Она создала эту одежду, но была сожжена Хеопсом, который, кстати, прожил намного больше, чем думаете вы. К сожалению, Хемма сожжена не до конца и имеет возможность возвращаться. Она вернется опять, только не знаю, в этом столетии или следующем. Но это будет уже не нужным. Гардероб будет уничтожен в ближайшие часы.

Убить Хемму известными мне способами не удавалось. Она успокаивалась лишь на короткое время.

– Извините меня, сэр, – я намеренно сделал ударение на последнем слове, на этом обращении, – но как же ваше обещание? Вы оставляете меня без куска хлеба, без честно заработанного материала!

– Я предвидел ваш вопрос и приношу вам извинения. Но я не отказываюсь от помощи вам. Посмотрите вот это, – он достал из кармана несколько фотографий и карту. – Очень удобный вы создали мир, Балентайн: оружие, автомобили, фото, много еще чего. Только жестокости в нем, увы, не убавилось. Напротив, стало еще больше. Посмотрите, под этой цветочной клумбой находится контейнер с ядерными отходами. Я не понимаю, что это такое, я пользуюсь терминами вашего времени. Клумба расположена вот здесь, – он с фотографии перешел на карту. – Следующее: вот этот высокопоставленный чиновник часто проводит вечера в гостиницах с любовницами. Скандал, конечно, но сенсация. Ваш мир построен на скандалах, – Дарвин достал из кармана конверт и вложил в него фотографии и карту. – Здесь материала хватит на полгода, публикуйте, разоблачайте, а там как-нибудь выберетесь из кризиса.

Мы вышли за ворота и я не поверил своим глазам: Кора Качер, целая и невредимая, обнимала дочь и щеки ее были влажными. Наши глаза встретились и я невольно поежился. Она не доверяла мне, я это чувствовал. Около машины я увидел обгоревший труп младенца. Заметив это, Дарвин произнес:

– Прошу извинить меня. Это нерожденный сын Хеопса и Хеммы. Вы его знали как Дугласа Вилаччи.

С непрошеным испугом в глазах редактор сказал:

– Я тебе потом расскажу, Ларри, что с ним происходило, когда Дэн сделал ему инъекцию.

– Что же, все-таки, вы в него вприснули, Дарвин, – спросил я.

– Препарат, изготовленный в вашем мире и вызывающий преждевременные роды. Итак, господа, на этом позвольте нам откланяться. Прощайте. Не пытайтесь догнать или найти нас. Балентайн, объясните, что это невозможно, – Дарвин сел за руль «Вольво», а Дэн и Гленн устроились во второй машине, на которой привезли миссис Качер. – Мы не можем увезти вас обратно, – опустив стекло, продолжал Дарвин, – у нас оста-

лось очень мало времени. Извините, – и их машины тронулись.

Тэд сел на траву и подпер голову руками. Посмотрел на меня бессмысленным взглядом и попросил сигарету:

– Знаешь, Ларри, что хочешь, то обо мне и думай, но я ухожу из газеты, – только сейчас я увидел много седых волос на его голове.

– Из какой газеты?

– Иди ты к черту! Журналистика мне осточертела. Сам теперь пиши, твори, добывай сенсации. Пошло оно все к чертовой матери! – он поднялся, махнул рукой, продолжая говорить что-то себе под нос, и пошел по дороге.

Я повернулся к Качерам:

– Пойдем и мы?

– Пойдем.

– Кажется, нас догоняет автомобиль. Может быть это такси? Я слышу шум мотора, – это был действительно свободный чекер. Гул их двигателей всегда отличался от шума других автомобилей. Я устроился на переднем сиденье, а Качеры сзади.

Таксист повел машину по той же объездной дороге, где я сломал руку. Мне показалось это несколько странным. Главная дорога была лучше и шире. Лицо таксиста показалось мне знакомым. Несомненно, он вез меня раненого.

– Здравствуйте, – сказал я, но он не ответил на приветствие и молча глядел на дорогу. Мне бросилось в глаза, что автомобиль он ведет только одной рукой и все время отпускает руль, чтобы сделать переключение передач...

Таксист остановился там, где грузовик сбил машину Дороти и повернул лицо ко мне. Широкая улыбка появилась на нем и я понял, что видел эту улыбку раньше. Это была улыбка Дороти. Нет, лицо было мужским, но выражение его, а также глаза, глаза, которые меня ненавидели! Ошибиться я не мог, это была она, но в другом обличье.

В ту же секунду ее рука схватила мое горло и с нечеловеческой силой сжала его. У меня мгновенно помутнело в глазах, но хватило сил ударить лжетаксиста в живот. Я почувствовал, что нанес удар беременной женщине и потерял сознание.

Я очнулся от того, что меня сильно кто-то хлестал по щекам. Открыв глаза, я увидел над собой лицо Кору Качер. Она

на коленках стояла на водительском сиденье и пыталась при- вести меня в чувство.

– Мама, мама! – услышал я голос Джудит. – Там едет ка- кая-то машина!

Кора бросила меня, увидев, что я в сознании, затем села за руль, включила передачу и что есть силы нажала на акселера- тор. Двигатель взревел и, прочистив колесами асфальт, мы понеслись, нарушая все ограничения скорости.

– Почему он напал на меня? – спросил я.

– Не знаю почему он напал, но схватил он тебя крепко. Но ты молодец, одним ударом отключил его на полминуты. Я выволокла его из машины и уехала. А он остался лежать на дороге. Ты жив, это главное.

– Куда мы сейчас едем?

– В полицию.

И тут я вспомнил. Вспомнил улыбку таксиста. Это Хемма Полиция нам не поможет. Вот почему таксист поехал по объ- ездной и мы не увидели Тэда.

Здоровой рукой я схватился за руль, но Кора решительно оттолкнула меня:

– Жалеешь о том, что не умер?

– Ехать нужно не в полицию. Ехать нужно к Дарвину!

– Это куда? – Кора резко затормозила.

– На кладбище.

– Как же все-таки тебя зовут?

– Балтазар Балентайн.

– Дай сигарету. Ужасно хочется курить. Я не курила с тех пор, как вышла замуж за Адама.

– Нет у меня сигарет, – ответил я и открыл бардачок. Рас- крытая пачка лежала внутри. – Возьми.

Кора затянулась и громко закашлялась, выпуская дым.

– Мама, зачем ты куришь?

– Так нужно, Джуди. Ты хочешь навестить могилу папы? Ну что ж, не будем терять время, – сказала Кора и нажала на газ.

Виталий Обедин

РЕЗИДЕНТ И УТРОБА

Фантастическая детективная повесть

1. Зверство

– О, Боже! – простонал Томас Грегор.

Спустя пару секунд детектив второго класса повторил, на пару октав повысив и без того звучный голос:

– О, Боже!

В широко раскрытых глазах детектива медленно выкристаллизовывался шипастый ком ужаса. Grimаса отвращения кривила его тонкие губы. Было видно, что Грегора тошнит и вот-вот вырвет.

– Я... – голос его осекся, – ...я больше не могу видеть это!

Горло Томаса издало низкий спазматический звук. Он судорожно сглотнул, попятился к распахнутой настежь двери, резко крутанулся на каблуках и выбежал из коттеджа, едва не вынеся косяк своими широченными плечами.

Я же остался, с мужеством мифического героя борясь с тошнотой, вздыбившей желудок похлеще, чем Медный всадник своего медного же скакуна. Хорошо еще, что сегодня мне не удалось толком позавтракать. Впрочем, эта мысль слабо утешала.

То, что видели мы с Томасом Грегором действительно было ужасно.

Коротко остриженные «ежиком» волосы на моей голове шевелились, ничуть не уступая в подвижности змеиной шевелюре Медузы Горгоны. Никогда еще за всю свою карьеру оперуполномоченного детектива из специализированного отдела при российском департаменте КИВ – Комиссии по Ино-

планетным Ведомствам, мне не доводилось видеть что-нибудь подобное.

От супругов Лоуэллов практически ничего не осталось. Комната, где произошло убийство напоминала скотобойню (во всяком случае такую, какой я ее себе представлял – в нашем веке подобный анахронизм можно было увидеть разве что изрядно покопавшись в архивных материалах). Стены, пол, потолок, все было забрызгано кровью, словно краской из неисправного пульверизатора. Ошметки плоти и вывороченные внутренности мокли в темно-багровых лужах. Лоскутья кожи, мяса, мышц, нечистоты из распотрошенных желудков, смешанные в непередаваемо тошнотворное месиво, кровавыми кляксами покрывали полированный паркет.

Ни один, даже самый извращенный и озверевший сверх всякой меры садист не сумел бы учинить такое...

Я помотал головой и попытался глубоко вздохнуть, что удалось мне не без труда. Облизнув разом пересохшие губы, я поднял объемистый цилиндр голографической камеры. Спектральные лазерные лучи блеснули пару раз в полусумраке мрачной комнаты, пропитанной ощущением и запахом смерти, и я тут же бросился вон, прикрывая рот ладонью. Дробно стуча по ступенькам подошвами ботинок, я сбежал с крыльца коттеджа Лоуэллов и очутился в прилегаемом к нему саду. Том был тут же – он стоял, упершись бугрящейся мускулами рукой в невысокое аккуратно подстриженное деревце и опустив голову. Его неудержимо рвало.

Не в силах совладать с брезгливостью, я помедлил, прежде, чем подойти к детективу. Опустошив желудок, Грегор повернулся ко мне, несколько раз сплюнул, утер кулаком губы и хрипло проговорил:

– Не человек это сделал, Вик... Ты же сам видел!.. Не мог человек сделать подобное. Просто физически не мог!

Я молча кивнул в ответ, подобное заключение не минуло и мою голову.

Твердое угловатое лицо Тома исказила злобная гримаса, сделавшая парня похожим на безумного берсеркера.

– Я не знал этих Лоуэллов, – медленно, тщательно подбирая слова, пробормотал он, с хрустом сжимая огромные кулачища. – Но, клянусь, я отомщу за них этому ублюдку, кем бы он ни был! Если доберусь до него первым – прикончу на месте, без колебаний! без всяких раздумий!.. Я знаю, что это незаконно. Частное правосудие, суд Линча, называй это как хо-

чешь, но я достану его. А там плевать, что понизят в звании, а то и вовсе выгонят из полиции... Вик, такая тварь не имеет права даже на лишнюю секунду жизни.

Эмоции он выражал не по-английски бурно. Впрочем, Том и внешним обликом больше походил на скандинава. Парень был в шоке.

– Успокойся, Том, – мягко сказал я, пытаюсь дружески похлопать его по плечу, но полицейский резко отстранился.

– Я найду его, Банев, – угрюмо пообещал он. Типично английское упрямство.

В воздухе послышался пронзительный вой полицейских сирен. Я поднял голову и, сощурив глаза, различил среди точек спящих во все стороны флайеров быстро увеличивающуюся в размерах каплю полицейского реактивного хоупа. Такие используются только службами особого назначения. Быстро же они прибыли. Мы с Грегором опередили их на каких-то две-три минуты.

– Не завидую я им, – хрипло произнес детектив. – Этим ребятам ведь только предстоит увидеть... это.

Хоуп полицейских расцветок мягко опустился прямо в сад, подминая ровно подстриженную роботом-газонокосилкой траву. Я бросил взгляд на герб – так и есть – отдел по расследованию убийств, Скотленд-Ярд. Да, отреагировали они на редкость быстро.

Сирены умолкли, только «мигалки» продолжали бодро салютовать нам с Томом. Дверца поднялась и из хоупа легко выпрыгнул молодой темноволосый полисмен. Огляделся по сторонам, одернул новенькую с иголки форму и спортивной пружинящей походкой направился в нашу сторону. Короткоствольный пистолет-парализатор полицейского образца (боевое оружие разрешалось носить только бригадам штурмовиков и отрядам быстрого реагирования) хищно поблескивал на его бедре.

– Инспектор Тонкингтон. Авраам Тонкингтон, – представился он звучным красивым баритоном. – Отдел по Расследованию убийств.

– Томас Грегор, детектив второго класса. Полицейский Департамент, третий юго-восточный сектор, – произнес я, указывая на Грегора – тот в настоящий момент ожесточенно отплевывался от привкуса рвоты.

– А вы кто? – ознакомившись со значком Тома, спросил Тонкингтон.

Я сунул руку в карман пиджака и извлек свое удостоверение и лицензию.

– Оперуполномоченный детектив Виктор Банев, специализированное детективное агентство при Комиссии по Инопланетным Ведомствам.

– Вот как? – по-русски сказал инспектор, едва скользнув по моим документам взглядом. – Пойдите-ка... Банев. Знакомая фамилия. Я точно слышал о вас. Одну минутку... Вспомнил! Марс! Что-то связанное с Марсианской колонией сделало вас знаменитым, не так ли?

Я хмуро кивнул... Марс. Опять Марс. Ненавистная красная планета!

– Здесь произошло убийство? – по-деловому спросил Тонкингтон.

Но он зря пытался придать своему голосу будничность. Молодой инспектор буквально дрожал от возбуждения. Несомненно, он еще даже ни разу не видел воочию настоящего трупа. – Земля в последнее время становится слишком тихим местечком. Крим-элементы либо отмирали, либо эволюционировали в новые формы столь тесно переплетенные с общественно-социальной жизнью, что правосудие против них было бессильно.

– Да, инспектор. Двое убитых. Супруги Мишель и Тереза Лоуэлл. Преступникам удалось скрыться прежде, чем мы прибыли на место, – отрапортовал Грегор.

– Вы здесь, конечно же, оказались случайно? – вновь переключая внимание на меня, спросил инспектор Тонкингтон.

– Не совсем так. Вообще-то в Европейском Союзе я нахожусь по делу, не имеющему никакого отношения к случившемуся. Просто так сложились обстоятельства, что в момент поступления сигнала о совершенном преступлении мы с Грегором оказались ближе всех к месту происшествия.

Полицейский отрывисто зевнул, задев квадратной челюстью собственную грудь.

– Хорошо. Свидетели и эксперты придут с минуты на минуту. Вы, если хотите, можете задержаться, чтобы получить копию протокола допроса свидетелей, если таковые будут, и заключение экспертизы. Вам надо полагать, будет интересно расследование этого преступления.

Я бросил взгляд на часы – время поджимало. В Москве ждали моего звонка. Следовало сообщить шефу, что Михаил Кожевников, известный так же, как Мишка-Кожемяка, при-

знанный особо опасным рецидивистом и осужденный на коррективную личность за контрабандный провоз на планету церцессанских наркотических псевдобацилл наконец-то задержан, арестован и ждет отправления на горячо любимую родину.

– Спасибо. С заявлением экспертов и протоколом меня ознакомит детектив Грегор. Я еще заеду в полицейский участок, чтобы утрясти кое-какие бумажные дела.

– Дело ваше. Надеюсь мы еще встретимся, мистер Банев, – сказал Тонкингтон и, повернувшись, зашагал к дому.

Грегор двинулся было за ним, но почти сразу же остановился.

– Я не могу... – беспомощно произнес он. – Нужно предупредить его.

– Инспектор! – окликнул я полицейского. – Инспектор!

Тонкингтон обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

– ...наберитесь мужества, прежде чем войти туда.

– Неужели? – браво спросил он, картинно подняв одну бровь.

Мальчишество! Впрочем, что с него взять, мальчишка и есть – от силы лет двадцать.

Грегор смачно сплюнул и угрюмо сообщил:

– То, что вы там увидите станет самым страшным кошмаром в вашей жизни.

Тонкингтон посмотрел на коттедж через плечо, и лицо его приобрело сосредоточенно-серьезное выражение.

– Спасибо за предупреждение. Я приму ваши слова к сведению... И все-таки я должен войти туда.

Он быстро поднялся по ступенькам и исчез в дверном проеме.

Я повернулся к Грегору, остервенело трущему губы.

– Вечером встретимся.

– О'кей... Впрочем, я не вижу особых причин, по которым тебе следует совать нос в это дело. Им займется отдел по расследованию убийств.

– Положим так, – произнес я, – меня интересует, чем кончится это расследование. И потом, уверен, что и КИВ не пропустит это дело мимо своего внимания... пахнет здесь чем-то неземным. Да и ты вроде бы горел желанием лично найти убийцу.

На лице Тома заиграли желваки.

– Не иронизируй, Вик. Моей решимости ничуть не убавилось. А результат ты вполне сможешь узнать из завтрашних газет. Я думаю, мы быстро выйдем на след убийцы – ему ни-почем не удастся ускользнуть.

– Очень надеюсь, что так все и будет. Тем не менее, я все же загляну в участок сегодня вечером. Все равно нужно будет выправить бумаги на Кожевникова. Вот заодно ты и ознакомишь меня с материалами следствия.

– Пусть будет по-твоему, – согласился Грегор.

Мы пожали друг другу руки, и я уже зашагал к флайеру, незаметно для Тома крутя кистью, чтобы восстановить в ней нарушенное кровообращение, когда детектив окликнул меня:

– Вик! А что там Тонкингтон говорил про Марс?

Марс. Этот чертов Марс, когда же о нем забудут?!

Я неопределенно дернул плечом и поспешил укрыться в кабинке своего одноместного флайера, взятого напрокат.

Прежде, чем выйти на свободную воздушную трассу, я еще успел заметить, как из коттеджа Лоуэллов, пошатываясь, вышел Тонкингтон. Похоже, ему было много хуже, чем пару минут назад Тому – прежде, чем Грегор успел подоспеть, инспектор без чувств повалился на землю, уткнувшись лицом в траву. Вот он – конец романтики и начало реальности. Парень безусловно был уверен, что любой подвиг ему по плечу, но стоило ему увидеть кровь...

Мрачные мысли роились в моей голове, когда я, переключив управление с ручного на автопилот, сосредоточенно размышлял о зверском убийстве молодой супружеской пары. И чем дольше я думал, тем все более мрачными становились мои предположения (пока по большей части преждевременные и безосновательные), беспорядочным хороводом кружащие в голове вокруг одного-единственного слова, возможно, содержащего в себе ключ к разгадке – НЕЧЕЛОВЕК. Безусловно, Грегор был прав: человек не мог убить себе подобного таким образом, сколь извращенными бы не были клеточки его серого вещества. У меня возникло тягостное предчувствие будущих несчастий, а за долгие годы работы в детективном агентстве я научился доверять своим инстинктам и подсознательным ощущениям.

«Семья Лоуэллов только начало. Будут еще убийства не менее страшные, чем это», – ворочалось в сознании навязчивая и неприятная мысль, и сколько я не старался прогнать ее – ничего не получалось.

2. Резидент и утроба

«Планета типа 0-4... состав атмосферы... гравитационное поле... максимальные и минимальные колебания температурного режима... степень влажности... радиоактивный фон... плотность ноосферы... нусогенные факторы... первоначальные данные о составе флоры и фауны... наличие разумных форм жизни... технократический путь развития цивилизации... телепатическая предрасположенность невелика... степень годности для заражения агентами ноль-шесть, причина – обильное количество гемоглобина в крови... Общее заключение: планета пригодна для заселения... Основная задача – Миссия... Миссия: подготовить плацдарм для вторжения».

Отрывистые стремительные мысли-импульсы – плод работы бесчисленного количества внутренних биолокаторов, датчиков, рецепторов, анализаторов – изобилуя непонятными человеку данными и параметрами, вспыхивали и гасли в мозгу Резидента (до недавнего времени клетки этого мозга принадлежали землянину Мишелю Лоуэллу), подобно разноцветным гирляндным лампочкам на рождественской елке.

Медленно повернув голову – координация движений производимых мышечными сокращениями еще была им не совсем освоена – Резидент устремил пронзительный взгляд огромных выпуклых глаз-фасеток (такое зрение устраивало его больше, нежели бинокулярные оптические органы местных аборигенов) на своего чудовищного телохранителя, примостившегося рядом и продолжавшего трансформацию захваченного у аборигена тела в наиболее приемлемую в данных условиях форму. Утроба плавно подняла огромную тяжелую брыластую морду, сплошь усеянную шипами, бородавками и наростами всех форм и размеров. В принципе это движение было для нее отнюдь не обязательными – оптические органы монстра находились на концах гибких подвижных отростков-щупов, поэтому он не меняя положения своего тела мог вести наблюдение одновременно во всех направлениях. Взгляды двух инопланетян встретились, Резидент без труда проник в сознание чудовища и установил с ним первичный контакт.

Нашупанные им мысли твари – шедевра биотехники, универсально квазибиологического организма-полуробота – были до примитивного просты. Они вяло тащились в мозгу Утробы, словно крупные, сверх меры обожравшиеся дождевые черви в куске чернозема, оставляя за собой слабый гаснущий след:

«...есть... протоплазма... съедобная, вкусная протоплазма... есть... протоплазма активная, живая – убить и съесть... очень вкусная протоплазма... нужна, чтобы есть».

Смутные образы тщедушных субтильных существ, населяющих эту потенциальную колонию в огромных количествах, неотступно маячили в сознании квазибиологического монстра. Утроба была голодна. Голод, свирепый хищный зверь, непрестанно терзающий внутренности, был первым, что она ощутила, едва начав развиваться в теле несчастной Терезы Лоуэлл: организм Утробы непрерывно генерировал огромные запасы энергии, аккумулирующиеся внутри чудовища и потом расходуемые по мере надобности Резидентом, поэтому оно постоянно нуждалось в пище.

Огромная эластичная пасть Утробы, способная разеваться едва ли не под развернутым углом, распахнулась, подобно челюстям гигантского капкана, и струйка вязкой тягучей слюны медленно стекла с тонких колючих, слегка загнутых назад зубов, бесчисленными рядами начинявших не только челюстные кости, но даже язык и небо. Едва коснувшись травы, слюна испарилась почти бесследно.

Резидент постоял еще какое-то время, окончательно свыкаясь с моторными функциями своего нового организма, привыкая к неудобному скелету, позаимствованному у одного из типичных представителей местной цивилизации, чей примитивизм подтолкнул ее в тупиковую сторону развития техники, а не био- и психоэнергетики. Низшая раса, что уж тут поделаешь! Затем он неторопливо двинулся в сторону огромного мегаполиса, опутавшего своими цепкими щупальцами из стали, бетона, стекла и пластика территорию, на которой без труда бы уместилось десятка два крупных городов двадцатого столетия. Мегаполис урчал, шумел и гудел точно огромный единый механизм – каменные дебри, в которые готовился вторгнуться страшный беспощадный хищник. Переваливаясь на множестве сильных когтистых конечностей, Утроба потрусила вслед за своим хозяином, глухо ворча и подвывая на ходу.

3. Расследование в тупике

Анализ произведенный группой экспертов полностью подтверждал первоначальные предположения: семейная чета Лоуэллов была убита столь зверско нечеловеческой рукой. На

полу в доме и на траве в саду были обнаружены скопления слизи, состав которой не удалось идентифицировать ни с одной из известных ныне биологических субстанций, несмотря на то, что к ее химическому анализу был подсоединен Мозг-энциклопедия – мощнейшая компьютерная сеть, хранящая в своих ячейках памяти информацию о всех известных науке представителях флоры и фауны исследованных отрядами Первопроходцев миров.

Вот и все...

Кроме нескольких десятков граммов этого непонятого вещества, проявляющего тенденцию к постепенному коллапсированию вплоть до полного исчезновения, ничего более найти не удалось, несмотря на самые долгие и тщательные поиски. Новейшая поисковая аппаратура, представляющая из себя удивительный комплекс разного рода датчиков, определителей, позволяющая отслеживать практически что угодно и где угодно, оказалась абсолютно бесполезной – мы потеряли всякое преимущество перед своими коллегами из предыдущего столетия и, как следствие, очутились в тупике.

Убийца словно ушел по воздуху. Конечно, можно предположить, что он использовал самый обыкновенный заурядный антиграв, но тот должен бы был оставить хоть какой-то след в гравитационном поле. Если отбросить в сторону мысль о том, что преступник имел на вооружении какие-то передовые технологии, то остается думать одно – он умеет каким-то образом левитировать. Но, странное дело, ни одна из многочисленных камер безопасности, патрулирующих на специальных антигравитационных подвесках улицы и площади мегаполиса, а также прилегающих к нему районов, не обнаружила никого и ничего, кто бы перемещался привлекающим внимание нестандартным способом. Экранирующее поле? Но и оно оставляет определенные изменения в атмосфере. Разве что убийца использовал образец армейского экранирующего прибора. Эту версию тщательно проработали, однако результаты шебуршения по армейским складам и архивам не дали никаких новых зацепок.

И, главное – мотив. Мотив убийства оставался неизвестным. Врагов у Лоуэллов, которые могли бы жаждать их крови не было. В коттедже, по-видимому, не пропало ни одной вещи, да и не было там чего-либо по-настоящему ценного, из-за чего можно было бы пойти на убийство. Наиболее приемле-

мой версией признали убийство ради самого процесса убийства.

Естественно, произошедшее в загородном коттедже зверство не было оставлено без внимания прессой. В это дело вцепились не только корреспонденты и репортеры Евроюниона, но и всех остальных стран и государственно-территориальных объединений, союзов, альянсов и т. д. С присущем только прессе цинизмом эта так называемая «четвертая власть» принялась разрабатывать золотую жилу, обеспечившую сенсационный материал на несколько выпусков вперед и разом поднявшую тиражи. Журналисты изощрялись как могли, пытались превзойти друг друга в расписывании трагедии самыми яркими красками, в выдвигании и опровержении десятков гипотез, начиная со сказочно-невероятных и кончая фантастически-невозможными.

Над раскрытием чудовищного преступления бились не только детективы из различных департаментов Лондонского мегаполиса, но также и частные сыщики из различных сыскных агентств и организаций подобного рода. К делу были подключены такие ведомства межпланетного масштаба, как СИБ – Служба Инопланетного Барьера и ФБОЧ – Федеральное Бюро Охраны Человечества. В обязанности этих, отпочковавшихся от Интерпола организаций входило всяческое препятствование проникновению на Землю чужеродных инопланетных организмов, контроль над биологическими и биотехническими проектами и разработками и т. д. В свое время служащих этих учреждений гордо именовали «защитниками человечества», они обладали весьма широкими возможностями и полномочиями, но сейчас они решительно не знали кого конкретно и от кого именно защищать.

Помимо всего прочего к расследованию убийства Лоуэллов стали проявлять активный интерес разные военные ведомства Европейского Союза, что несколько сковывало свободу действий остальных организаций...

После ареста Мишки-Кожемяки я намеревался взять давно заслуженный, но многократно откладываемый отпуск и провести недельку другую на Багамах или же в превращенной в гигантский снежный парк Гренландии, причем желательно в компании с очаровательной девушкой. Кроме того, давно следовало опробовать на плаву приобретенную полгода тому назад красавицу-яхту. Однако убийство супругов Лоуэлл переречкнуло все мои планы.

Комиссия по Инопланетным Ведомствам, не желая отстать от СИБ и ФБОЧ тоже проявила прямую заинтересованность данным расследованием. Мой непосредственный начальник связался со мной из Москвы и заявил, что я должен вплотную заняться этим делом в качестве представителя правоохранительных органов России, а часом позже меня лично посетил мистер Гроган О'Хара, возглавлявший оперативный отдел местного департамента КИВ, предложив работать вместе с его людьми. На это предложение я был вынужден ответить отказом – я привык работать индивидуально. Тем не менее мы договорились поддерживать связь и информировать друг друга о своих успехах.

Как оперуполномоченный детектив я являлся фигурой процессуально свободной, а международная лицензия на ведение свободных, не политических, расследований в любых иностранных державах на правах полномочного представителя правоохранительных органов России и российского департамента КИВ в частности сообщала мне необходимый статус, согласно Вашингтонской Конвенции Юристов 2104 г. Конечно, я вполне мог отказаться от расследования и с чистой совестью отправиться на Багамы. Вместо меня в Евроюнион был бы командирован из России другой детектив моего класса, а агентов Комиссии к этому делу и так было подключено более, чем достаточно. Все решили личные мотивы. Расследование преступлений – та область деятельности, в которой мне бы хотелось считать себя профессионалом, поэтому убийство Лоуэллов я воспринял, как личный вызов и не смог себе отказать в удовольствии отправить на эшафот чудовище, совершившее это, как цветисто высказался один из лондонских журналистов «беспрецедентное, стоящее все всякой морали, убийство».

Отправив Кожевникова с надежным сопровождением на родину, я взялся за дело со свойственными мне энергией и упрямством, однако, приходится признать, что ни то, ни другое пока не дали сколько-нибудь ощутимых результатов. В своих попытках я не продвинулся дальше своих коллег – целой армии специалистов в области криминалистики – ни на йоту. Убийца по-прежнему оставался на свободе и все еще представлял угрозу для общества.

С трудом оторвав жадный взгляд умирающего от жажды человека от вожделенного бокала с мартини, я тяжело вздохнул, торжествуя победу своей воли над мелкими поползнове-

ниями слабодушия, и (уже в который раз!) погрузился в чтение досье, дотошно вникая в каждую букровку, за которую можно было хоть как-то зацепиться, чтобы найти ниточку, дернув за которую можно будет размотать весь преступный клубок. Напрягая положенный мне Богом полуторакилограммовый запас серого и белого вещества, я пробовал размышлять логично, использовать дедуктивный метод, думать индуктивно – ничего. Ноль. Пусто. Это «бумажное» расследование начинало меня злить. Распутывать преступления, не выходя из своей квартиры на Бейкер-стрит здорово получалось у мистера Холмса, но я, похоже, ему и в подметки не гожусь.

Проклять! Привыкнув полагаться на технику, мы стали зависимы от нее больше, чем сами это подозревали. Теперь же, когда техника оказалась бессильна, как следствие, бессильны оказались и мы.

Все, что у меня было в активе – жалкие несколько фактов, на основании которых я мог строить сколько угодно домыслов и гипотез, не имевших никакого подтверждения и не способных реально помочь раскрытию преступления. Сомневаюсь, что даже мой коллега Холмс сумел бы нащупать след убийцы, располагая тем объемом информации, каким оперировал я.

Я поймал себя на том, что вновь с вожделием смотрю на мартини. Увы, пока бокал был столь же недосыгаем, что и разыскиваемый нами убийца. Голова должна оставаться кристально ясной и чистой. А может стоит, наоборот, попробовать напиться и попробовать отыскать ответ сквозь мутные алкогольные пары? Нет. Такой способ пожалуй годится разве что для какого-нибудь незатейливого детективного сериала.

Побарабанив пальцами по клавишам терминала (всегда предпочитал модель с доброй старой клавиатурой, нежели все эти новомодные экранные сетки и перчатки-манипуляторы), я вызвал на экран трехмерное изображение комнаты где произошло убийство. Брррр! То, что показалось на стереомониторе окончательно отбило у меня потребность в завтраке на несколько дней вперед. Одно слово – зверство.

Примечателен был тот факт, что во всем этом хаосе крови и изуродованной плоти напрочь отсутствовали какие-либо части скелета – ни одной косточки! ни одного сустава! Кроме того не было найдено остатков мозга и сухожилий. Нет нужды говорить, что это обстоятельство всесторонне рассматривалось полицией, спецслужбами, частными детективами и жур-

налистами. Было выдвинуто несколько рабочих гипотез, противоречащих друг другу в мелочах, но одинаково правдоподобных.

Работая в тесном контакте с Комиссией по Инопланетным Ведомствам, мне приходилось не раз сталкиваться с весьма необычными животными и различными биологическими организмами, а потому ни одну из этих гипотез не мог однозначно подвергнуть сомнению. Существуют же, например, такие существа, как церцессанские черви-паразиты, которые не имеют даже собственной формы, как таковой: они внедряют свои личинки в тело других живых существ, и те медленно начинают развиваться внутри своих хозяев, постепенно усваивая их нервную систему, мозг, мышцы... С Лоуэллами вполне могло произойти что-либо подобное.

Следует заметить, правда, что с тех пор, как был введен запрет на пересечение орбиты старушки-Земли представителями всех исследованных и особенно неисследованных миров без специального на то разрешения Координационного Центра (его можно было получить лишь пройдя тщательнейшее медицинское освидетельствование) угроза нападения на человека на его собственной планете со стороны инопланетника была сведена к нулю. Дотошная проверка и бесчисленное количество разного рода дезинфекционных процедур лишали космонавтов, вернувшихся из космических перелетов, возможности вольно или невольно провести с собой «зайцем» не то, что целую личинку, но даже ничтожно малый вирус. Контрабанда инопланетных организмов на Землю была признана особо опасным преступлением.

Человечество сделалось весьма бдительным по отношению к внеземлянам после самой страшной в его истории эпидемии – Великого Мора 2034 г., опустошившего едва ли не все Южное полушарие Земли. Жертвы исчислялись миллионами. Причиной эпидемии явился вирус-протеин, занесенный звездопроходцами из необъятных глубин Космоса.

Проникновение чужеродной жизни на планету Человека считалось невозможным! Куча специальных служб, таких как КИВ, СИБ, ФБОЧ, занимались этой проблемой... Но из правил нередко бывают исключения. Весьма опасные исключения.

– Виктор!

Я вздрогнул и резко обернулся.

Взволнованный Грегор в полицейской форме Еврюниона стоял в дверях, упираясь в косяк своим могучим плечом. Он

шумно и глубоко дышал, словно после долгого бега. Неужели все лифты разом вышли из строя? Если так, надо будет сменить гостиницу.

– Он объявился, Вик!

Детектив быстрыми широкими шагами пересек комнату и очутился около меня.

– У меня для тебя веселые новости. Этот мерзавец не просто убийца! Он вдобавок ко всему еще и каннибал, обладающий сверхтелепатическими возможностями! – прорычал Том и решительным, неуловимо быстрым движением схватил мой бокал с martini.

– Э... – успел выдать я, прежде, чем содержимое бокала исчезло во рту полицейского.

– Он убил еще троих, – не обращая внимания на мой негодующий взгляд проскрежетал Том.

Он сам был полон негодования.

– Двое мужчин и девочка... – голос детектива осекся. – Ей было всего пять лет, Вик... Слышишь?! Всего пять.

После короткой паузы Грегор добавил пустым, лишенным эмоций голосом:

– При нападении присутствовало семь человек. Камеры наблюдения не зафиксировали ничего, хотя работали не переставая.

– Что? – оживился я. – Есть свидетели?

– Ха! Свидетели... Если бы все было так просто. Они ничего не помнят, Вик. Вообще ничего не помнят, понимаешь? Им все мозги прополоскали – память чище, чем у ребенка. Это теперь даже и не люди. Самое глубокое психосканирование ничего не выявило из их голов. Сейчас все семеро в Научном Центре Изучения Возможностей Человеческого Мозга, в отделе Мнемологии, но я сильно сомневаюсь в том, что будут сколько-нибудь положительные результаты... Черт подери!

Детектив в сердцах стукнул кулаком по столу. К счастью, прежде я успел убраться с него терминал.

– Пять трупов за три дня, – продолжал Грегор. – Лоуэллы, и теперь эти. Проклятье! Это же не двадцатый век, когда убийства были делом обыденным. Это же двадцать второй! Мы выстроили гуманное общество!

Что я мог ему сказать? Ничего. И потому я промолчал, переваривая полученную информацию.

Грегор вздохнул и тяжело опустился на диван.

– Я еще доберусь до этого ублюдка, Виктор. И когда я сделаю это, он крупно пожалеет, что вообще появился на свет!

Мне не очень хотелось встречаться с ним взглядом, поэтому, поступая сообразно желаниям, я отвернулся. В поле моего зрения случайно попала газета, небрежно брошенная на пол. На тонком матовом экране мелькали яркие буквы броских заголовков. Глядя на него и машинально считывая текст, я подумал, что от дурной привычки устраивать вокруг себя маленькие беспорядки мне никогда не избавиться.

«Вероника Кэрролл», – вспыхнуло на экране. – «Человеческий потенциал или дар от Бога?» И тут меня осенило!

– Ага! – воскликнул я и забегал по комнате. Набегавшись, я остановился и, победно глядя на Грегора, заявил:

– Я гений!

Том смотрел на меня с глубоким сомнением. Но если это сомнение переключалось к нему из бокала с мартини – он ошибался. Я был кристально трезв.

4. Две смерти

Брайан де Вито, молодой удачливый бизнесмен, недавно вступивший в должность вице-президента транспортной компании «Пелл энтерпрайсез», человек с блестящим прошлым и многообещающим будущим, отличался завидным хладнокровием и поражающей людей дальновидностью, но такого конца своей стремительно идущей вверх карьеры, несмотря на свойственные ему пронизательность и расчетливый реализм, он предвидеть никак не мог.

24 июня 2213 г. около трех часов дня де Вито собирался на неофициальную встречу со своим потенциальным партнером по бизнесу – Ченингом Николасом Айлендом. От исхода этой встречи зависело многое, и, в частности, массивное кожаное президентское кресло старого Боба Пелла, к которому Брайан примеривался уже давно. Пост вице-президента устраивал его лишь в качестве одной из ступеней, ведущих к вершине.

В последнее время дела де Вито шли весьма успешно. Великолепным экономистом он не был, но великолепным психологом и стратегом – безусловно. Де Вито вел очень тонкую расчетливую игру, щекотливые нюансы которой умело сплетал в красивый изящный узел.

Почти половина членов совета директоров открыто поддерживали его. В том случае, если Ченинг Айленд подпишет ряд весьма взаимовыгодных для них обоих контрактов, через неделю, когда начнется очередное плановое заседание членов совета директоров, блестящее выступление обеспечит ему все условия, необходимые для того, чтобы прямо поставить вопрос о выборе собственной кандидатуры на пост президента компании. Де Вито самоуверенно и не без оснований полагал, что президентский кабинет и кресло старика Пелла уже принадлежат ему – это всего лишь вопрос времени. Впрочем, само кресло Брайан намеревался оставить старику Бобу. Он искренне хотел обойтись с ним как можно мягче. Де Вито умел не только использовать людей в своих целях, но и уважать их.

Легкая дежурная улыбка играла на губах вице-президента «Пелл энтерпрайsez», когда он уверенной пружинистой походкой шел к своему автолету, напоминающему внешними обводами изящные машины двадцатого столетия. Это была тщательно отработанная улыбка – добродушная, заразная, кажущаяся искренней, улыбка одинаково воспринимаемая как маленькими клерками, так и их большими боссами. Брайан был полностью уверен в благоприятном для себя исходе предстоящей встречи и ничуть не сомневался, что Айленд, больше известный своими любовными похождениями, нежели удачными капиталовложениями (что, однако, не мешало ему войти в двадчатку богатейших людей мира), подпишет все необходимые ему документы.

Не только характер, манера держать себя и умение контактировать с совершенно разными людьми помогали Брайану манипулировать окружающими. Внешность де Вито располагала к нему. Он выглядел значительно моложе своих тридцати семи лет, был строен и атлетически сложен. Строгий, тщательно подогнанный костюм ладно облегал его мускулистое тело прирожденного борца. Мужественный профиль де Вито напоминал властные сильные и волевые лица великих древних деятелей, которые изображали на старинных монетах. Прямые черные волосы вице-президента были коротко острижены и гармонировали с бронзовым цветом его ухоженной кожи. Густые брови сходились над выразительными и пронзительными карими глазами. От этого человека ощутимо веяло самоуверенностью и удачливостью.

Де Вито не торопясь пересек посадочную площадку, прилегающую к деловому центру «Пелл энтерпрайsez». Его лич-

ный пилот, выполнявший по совместительству и чисто формальную роль телохранителя, терпеливо ожидал своего хозяина, небрежно опершись о дверцу автолета. Лицо пилота имело скучающее выражение, а в голове его неотступно маячила мысль «о паре-другой бутылочек пива».

Заметив приближающегося де Вито, пилот выпрямился, одернул на себе форменную одежду и изучающим взглядом впился в хозяина. «Улыбается. Удивительно. Улыбается просто так, самому себе. От души. Похоже его дела идут на редкость хорошо». Мысли пилота мигом свернули в сторону возможного повышения жалования. «Черт побери! а почему бы и нет? Нужно только выбрать нужный момент и намекнуть. Босс человек понятливый и нежадный. Глядишь, и Джейн будет поласковее, если капуста оттянет карман пониже. Кстати, надо будет киске купить какой-нибудь подарок. Давненько я ее не баловал».

Пилот нагнулся и, заглянув внутрь автолета, тронул пусковой жетон, давая команду бортовому компьютеру выбрать свободную воздушную трассу и подать на нее заявку в центральный транспортный компьютер. При этом он на мгновение выпустил своего хозяина из поля зрения, а когда повернулся, чтобы распахнуть перед ним дверь, Брайана де Вито уже не существовало.

Атлетическое туловище в элегантном дорогом костюме мешком повалилось на потрясенного пилота. Горячие соленые ручейки потекли по его лицу, нестерпимо обжигая кожу. В ужасе вскрикнув, пилот с силой оттолкнул от себя обезглавленный труп человека, до недавнего времени платившего ему жалование. Тело Брайана сделало два заплетающихся шага на подгибающихся безвольных ногах и глухо шлепнулось на пластиковое дорожное покрытие. Грудь и лицо пилота были залиты кровью, он с отвращением тер их руками, но только больше размазывал по себе жгущее пятно. Серо-стальной пластик посадочной полосы ярко расцвел багровой кляксой, быстро увеличивающейся в размерах. Пилот ощутил, как тугой ком подступает к горлу, и сильная неумная дрожь начинает бить его сильное тренированное тело. Он попытался отступить на шаг, но тут же уперся спиной в автолет. Нужно было забираться внутрь и бежать, однако, пилот никак не мог заставить себя повернуться спиной к трупу. Раскрытыми от ужаса глазами, ставшими похожими на две огромные белые виноградины он смотрел на изуродованную

шею де Вито, из которой выпирали исковерканные позвонки, трубки вен с слабеющими фонтанчиками крови, белые жилки...

КТО-ТО ОТОРВАЛ ГОЛОВУ БРАЙАНУ ДЕ ВИТО!

Пилот отнюдь не был трусом. Напротив, в кругу своих знакомых он слыл дерзким и отчаянно смелым парнем. Потому-то он и выбрал подразумевающую риск профессию телохранителя (правда этот самый риск был чисто формальным – такие преступления, как грабеж и убийство потихоньку превращались в термины судебной литературы). Обладатель черного пояса по сётокан-каратэ и великолепный стрелок из пистолета, он в теории вполне мог справиться с вооруженным головорезом и даже не одним, а двумя-тремя. Но тот кто убил Брайана де Вито не мог быть человеком! ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ УБИТЬ ТАК! Это сделало НЕЧТО, и панический страх перед ним, смертельно опасным и неведомым, сжал его сердце цепкими ледяными пальцами. С внезапной до умопомрачения ясностью пилот в доли секунды осознал, что его собственная смерть сейчас смотрит на него долгим безжалостным взглядом.

Привычным, многократно отработанным движением его рука скользнула под мышку, липкие, мокрые от пота пальцы жадно сомкнулись на рукоятке мощного пистолета-парализатора «дабл зет'12». Но прикосновение к оружию ничуть не сделало его уверенней в себе. Страх остался. Рукоятка пистолета тут же стала мокрой и скользкой, точно рыба чешуя, и он едва не выронил оружие из рук. «Соберись!» – стиснув зубы приказал пилот себе. – «Соберись! Будь мужиком! Ты вооружен, тренирован, ты силен и ловок, поэтому кем бы не был этот урод, он нарвался на достойного противника... Но он убил босса. Боже, он оторвал ему голову быстрее, чем я успел бы сказать «мама»!

В памяти пилота разом ожили тексты прочитанных и просмотренных сообщений репортеров о зверском убийстве супругов Мишеля и Терезы Лоуэлл. Холодный пот, смешиваясь с кровью де Вито выступил из каждой поры на его теле. На виске яростно пульсировала жилка, и в беспокойном ритме биения ему слышалось «ты умрешь, ты умрешь, ты умрешь», повторяющееся с настойчивостью прорицания.

Щелчок предохранителя показался пилоту оглушительно громким. Он затравленно переводил взгляд с одного автолета или флайера на другой. «Почему оно не нападает?» – мучи-

тельно думал пилот, неосознанно отделив местоимением «оно» убийцу от мира людей. – «За какой машиной оно при- таилось? Может быть за тем синим флиппером? Он так близ- ко... А, может, оно ушло? Босс мертв, что ему еще надо? За- чем ему я? Господи, где же оно спрячется?!»

Пилот вполне отдавал себе отчет в том, что не может со- перничать в быстроте с неведомым противником. Он понимал – если и удастся выстрелить, то только один раз, поэтому если он промахнется, то умрет. «Один выстрел... только один. Нельзя промахнуться. Промах – смерть... Ну давай, ублюдок, покажись. Сейчас я тебе так врежу по заднице, что поколения потомков чувствовать будут! Спокойней, спокойней... только один выстрел».

КАКОЙ ПРИМИТИВИЗМ! РЕАКЦИЯ ТИПИЧНАЯ ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СЛАБОРАЗВИТОЙ, ОТСТАЛОЙ ЦИВИ- ЛИЗАЦИИ.

...ЕСТЬ, ПРОТОПЛАЗМА...

«ГДЕ ЖЕ ОНО, ГДЕ?!»

Нервы пилота были на пределе. Его палец дрогнул на спусковом крючке, и выстрел сухо щелкнул в мертвенной ти- шине. Ампула с транквилизатором со звоном высадила стекло в ближайшем флиппере.

Дыхание с хрипом вылетало из сжатого спазмом горла пилота. В отчаянии он вновь огляделся по сторонам, но ниче- го не увидел. Тем не менее почти физическое ощущение чего- то реального и смертельно опасного не оставляло его ни на секунду. «Почему площадка пуста? Где все люди? Где камеры безопасности? Выстрел! Выстрел должны были услышать! Сигнал о нем должен быть немедленно отправлен в полицию. Но где она?! В автолете есть видеотелефон. Достаточно на- брать на нем три цифры, и здесь тут же окажется полным- полно полиции... Убийца, кто бы он не был, не осмелится оста- ться здесь!» – все это мелькнуло в голове пилота с быстро- той молнии. Не осмеливаясь повернуться, он нагнулся и спи- ной вперед нырнул внутрь автолета, продолжая удерживать в виду большую часть посадочной площадки. Похолодевшие, мокрые пальцы коснулись заветного аппарата, но нажать хотя бы на одну кнопку он уже не успел.

НЕ ДВИГАЙСЯ! хлестнула его мозг резкая отрывистая команда.

Это властное вторжение разом парализовало пилота. Он попытался оказать приказу какое-то сопротивление, но не

смог. С нарастающим отчаянием, готовым вот-вот перерасти в безумие, он рвался из-под незримого контроля, но одеревеневшие мышцы больше не слушались его. Человек беспомощно замер, словно живая статуя.

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ДВИГАТЬСЯ. ТЫ ПАРАЛИЗОВАН.

Когда в автолет с голодным урчанием и предвкушающим чавканием полезло ЭТО, разекая неимоверно широкую эластичную пасть, в которой зубов было намного больше, чем в кабинете зубного протезирования, пилот собрал в себе все силы, чтобы хотя бы закричать и выплеснуть в безумном, рвущем голосовые связки крике свой безграничный ужас, но так и не смог разомкнуть губ.

Он умер, громко крича от боли и страха... про себя.

5. Пир утробы

Утроба была голодна.

Вообще-то она была всегда голодна, но в данный момент это чувство стало для нее особенно глубоким. Резидент непрерывно выкачивал из своего квазибота энергию, для восстановления которой Утробе приходилось мобилизовать все ресурсы своего организма. Поглощенной ранее протоплазмы было явно недостаточно, чтобы обеспечить потребность в необходимом количестве энергии для них обоих, и потому Резидент, несмотря на все свое недовольство, был вынужден позволить Утробе поохотиться на местных жителей. И все же, он очень злился на своего монстра – прожорливость Утробы, хоть и абсолютно обоснованная необходимостью, не только выдавала их нахождение аборигенам, но и задерживала выполнение Миссии. Резиденту было необходимо как можно скорее достигнуть ближайшего достаточно мощного источника атомной энергии, чтобы установить там односторонний «нуль-переходник». Резидент осторожно прикоснулся к объемистой выпуклости на своей груди – теплый пульсирующий пар, биотехническая полумашина-полуживотное, непостижимое творение необыкновенной высокоразвитой древней цивилизации, способное перемещать в пространстве живые и неживые объекты путем тессирования, почти вызрело. Скоро его нельзя уже будет хранить внутри себя... На удачу Резидента, аборигены этой захолустной планеты уже научились расщеплять атом, тем самым упростив его задачу до элементарного – найти и использовать. Когда «нуль-переходник» начнет дей-

ствовать, между этой планетой и ближайшей колонией его перенаселенного мира возникнет межпространственный тоннель, по которому сюда хлынут потоки переселенцев-колонистов. Но для функционирования «нуль-переходника» необходима энергия – огромный заряд энергии, чтобы пробудить его к жизни и заставить действовать. Получить такое количество энергии можно было лишь задействовав целый завод аборигенов по расщеплению атомов. Согласно информации, которой располагал Резидент на данный момент, в непосредственной близости такого завода не было. Конечно, он и сам мог создать достаточно мощный ядерный реактор, но это было делом весьма сложным и долгим, поэтому наиболее простым и приемлемым казалось решение прибрать планету к рукам с помощью ее собственных хозяев. А без Утробы выполнить это представлялось делом не самым легким, поскольку заботиться о таких проблемах насущных, как экранизация и эктопсихологическая защита придется самому и, значит, увеличится расход психокинетической энергии, которая в его организме восстанавливается значительно медленней и в меньших количествах, нежели в организме Утробы. Да и работать в одиночку, без такого мощного бойца, как это чудовище небезопасно. Мало ли что... Несмотря на то, что Резидент крайне низко ценил аборигенов, как своих противников, он не мог позволить себе такую роскошь, как риск.

Утроба с довольным влажным чавканием выползла из примитивного транспортного средства аборигенов. Она часто и тяжело дышала, широко раздувая растягивающиеся эластичные бока. Отростки оптических органов подергивались от удовольствия. Еще одно крайне вкусное тело с нелепо разбросанными конечностями лежало у ног Резидента. Чудовище распахнуло пасть и издало горлом дребезжащий квакающий звук, от которого у любого аборигена застыла бы в жилах кровь. Резидент недовольно посмотрел на своего телохранителя и послал ему короткий приказ поторапливаться. Утроба послушно мотнула тяжелой колодой головы, после чего с голодным урчанием накинулась на труп, словно ножницами выстригая из него громадные куски плоти и, не жуя, мощными глотками проталкивая их в глотку.

Резидент терпеливо ждал, пока она пожрет тело аборигена. Он не боялся того, что их могут сейчас обнаружить – монстр-телохранитель держал над ними мощнейший энергетический зонд, обеспечивающий им относительную безопас-

ность. Даже если аборигены набегут на хлопающий звук примитивного оружия своего сородича-воина (таков был его ранг в это обществе, насколько понял Резидент), они ничего не обнаружат своими недоразвитыми сенсорами. Однако не стоило искушать судьбу и оставаться долго на месте охоты – всех возможностей техники аборигенов он не знал и потому не хотел рисковать.

А Утроба меж тем пировала во всю. Ее крепкие зубы с хрустом рассекали и перемалывали в жерновах челюстей хрупкие нежные косточки жертвы. Она работала, как заведенный механизм, имеющий лишь одно предназначение – пожирать, пожирать и еще раз пожирать.

Подняв мокрую лоснящуюся голову, усеянную всевозможными шевелящимися отростками, наростами и псевдоподобиями чудовище с наслаждением квакнуло, едва не вывернув наизнанку свою растягивающуюся пасть. Жиденькая кровь аборигена, так богатая гемоглобином, горячими ручейками струилась по его коже, срывалась вниз тяжелыми округлыми каплями и с едва слышным плеском разбивалась темными крохотными кляксами о серо-стальной пластик.

В мозгу Резидента внезапно родилась идея – не использовать ли для ускоренного перемещения транспортное средство аборигенов? Проанализировав ее и взвесив все плюсы и минусы, он в конце концов был вынужден отказаться от этой неплохой на первый взгляд мысли. Техника слишком примитивна и ненадежна, чтобы ей можно было доверять. Кроме того, ее невозможно экранировать с большой эффективностью, а значит, аборигенам будет несложно ее обнаружить и отследить. Нет, передвижение своими силами наиболее безопасно.

Послав Утробе короткий сигнал-импульс, Резидент неторопливо повернулся и неуклюжей, ковыляющей походкой двинулся прочь. Утроба нерешительно оглянулась на то немногое, что осталось после ее трапезы и жалобно квакнула. На одном из тонких по-змеиному загнутых зубов монстра слабо блеснул серебряный перстень с монограммой БдВ. Не в силах побороть свой неумный аппетит, Утроба подскочила к исковерканному куску человеческой плоти и принялась торопливо и жадно заглатывать его. Перстень сорвался с зуба и покатился по покрытию из пластика, пока не остановил свой бег в багровой луже. Резидент остановился, и солнечный зайчик резво скакнул по его слюдяным фасеточным глазам. Или то было проявление злости? Утроба ощутила сильное жжение

внутри своего огромного вместительного черепа, прочного, словно десантский шлем. Издав протяжный жалобный вой, она тут же прекратила пожирать свою добычу и поспешила к разгневанному хозяину. Одним длинным плавным скачком она покрыла разделяющее их пространство в шесть-семь метров длиной. Приземлившись у ног Резидента, квазибиологический робот моляще квакнул. Боль прекратилась. Утроба довольно и часто задышала и двинулась вслед за хозяином, переваливаясь на множестве когтистых ногап.

6. Следствие ведет... экстрасенс

– Кстати, Вик, куда мы едем? – как бы невзначай поинтересовался Том, одновременно заглядывая ко мне через плечо, чтобы проследить по экрану бортового компьютера наш маршрут.

– Спешим нанести визит одной очень неординарной личности, на которую я возлагаю очень большие надежды, – уклончиво ответил я, не желая, чтобы Грегор начал сомневаться и иронизировать над моим планом, прежде, чем мы достигнем нужного места.

Грегор невесело усмехнулся.

– Занятно. Должно быть торопимся в гости к какому-нибудь современному мистеру Холмсу. (Оказывается не один я был знаком с этим знаменитым сыщиком девятнадцатого столетия!) Но, Вик, тогда ты ошибся с выбором маршрута. Бейкер-стрит лежит совсем в другой стороне.

Это была его первая шутка за последние несколько дней.

– Нет, Том. Человек, о встрече с которым я разговаривал битые полчаса после того, как выпроводил тебя за дверь (ты не представляешь какие невиданные потоки красноречия мне пришлось излить равнодушному стереофону!), не занимается расследованием преступлений ни как любитель, ни как профессионал. Но сегодня он сделает для нас исключение.

– Я заинтригован, – с сомнением, которого не пытался скрыть, пробурчал детектив второго класса. – О ком ты говоришь?

Я изящно приземлил флайер на крышу огромного небоскреба, аккуратно поправил галстук, провел зачем-то по своему «ежику» расческой-вибратором и, выдержав эффектную паузу, провозгласил:

– Нас ожидает Вероника Элизабет Кэрролл. Телепат-экстрасенс с мировым именем. Женщина, обладающая (конечно, если верить газетным сплетням) сверхъестественными способностями.

Окончив свою маленькую речь, я замер, ожидая криков одобрения, либо насмешливого улюлюкания. Не дождался ни того, ни другого. Том отнесся к моему сообщению довольно спокойно.

– Кэрролл? – переспросил он недоверчиво. – Ты говоришь о Колдунье-Кэрролл? Хм... странно. Ты думаешь, экстрасенс справится там, где оказались бессильны мы с тобой – профессионалы-детективы?

Вот он, ропот недоверчивой толпы!

– Я надеюсь на это. Если феноменальные способности этой женщины хотя бы наполовину меньше тех, о которых так восторженно вопит падкая на сенсации пресса всего мира, то может стать так, что мисс Кэрролл действительно сможет нам помочь.

Том пристально посмотрел на меня, словно спрашивая «все-ли с тобой в порядке, Вик?», но вслух он сказал другое.

– Странно думать, что я – полицейский иду за помощью к современной колдунье... Конечно, сейчас с экстрасенсами считаются. На что-то они и в самом деле способны... Но, послушай, как тебе удалось добиться встречи с мисс Кэрролл? У нее, надо думать, каждый час разбит по минутам. Честное слово, Вик, я исполнен восхищения перед русскими детективами.

А вот и овации, бальзам на душу!

– Ну, – польщено улыбнулся я, – прием был типично западным – набор несколько модифицированных уловок нахального коммивояжера. Работает безотказно, как часы «Ролекс».

– Никогда не носил.

– Ничего. Закончим это дело, подарю свои.

– Ловлю на слове!.. Но, Вик, кое-что меня смущает. Допустим эта мисс помедитирует там, или вызовет нам дух Шерлока Холмса, и тот выложит всю подноготную этого маньяка. Кто поверит нам в Управлении? Если я наберусь наглости, заявлюсь к боссу и заявлю ему: «Знаете, мистер Броди, сэр, мы тут с мистером Баневым из России были у мисс Кэрролл, и она сообщила нам все о убийце Лоуэллов и прочих, а так же его местонахождение на настоящий момент», не ис-

ключено, что он встанет, потрогает мой лоб и скажет: «Томми, мальчик мой, наверное, ты немного переутомился на работе и нуждаешься в отпуске». Чего доброго, меня еще отстранят от расследования!

Веское замечание. Но у меня уже был готовый ответ.

– Не беспокойся. Мы заставим их поверить. В крайнем случае придется уговорить мисс Кэрролл на мнемоскопию. Снимки ее памяти будут неопровержимым доказательством, с которым никто не захочет спорить.

– Ты забываешь, что мнемоскопирование свободной личности разрешено только с полного ее на это согласия, – ехидно возразил Грегор. – Мало кому захочется, чтобы в его мозгу копался кто-нибудь посторонний. Тем более она экстрасенс и голову свою, наверное, бережет, как зеницу ока. Если Кэрролл ответит отказом, мы ничего не сможем с этим поделать.

Я недовольно сморщился. Его упрямство начинало меня раздражать.

– Ну что ж, Том. В таком случае мы будем действовать одни на свой страх и риск. Ты ведь намеревался собственноручно прикончить убийцу.

Мое напоминание задело его за живое. Лицо детектива превратилось в неподвижную маску.

– Знаешь, Виктор, – медленно сказал он. – Никто никогда не смог сказать обо мне, что я чего-то испугался, не покрывив при этом душой... Но сейчас я сам говорю – я боюсь... это не человек и не инопланетянин. Порой мне кажется, что это сам дьявол.

За разговорами мы и не заметили, как спустились на пару десятков этажей, прошагали по длинному извилистому коридору, наводящему на мысль о дедаловом лабиринте (где здесь бродит минотавр?). Вокруг нас сновали в деловой суете похожие на трудолюбивых муравьев озабоченные чем-то люди в костюмах и с дипломатами, пока не очутились около нужных нам дверей. Простая, но бросающаяся в глаза табличка лаконично гласила «Вероника Кэрролл. Экстрасенс». Какой-то маленький человечек с удивительно гладким лысым черепом налетел было на нас с расспросами, но услышав мою фамилию почти сразу же отстал, недовольно бормоча: «Поспешите, не задерживайтесь. Пожалуйста, поспешите.»

Войдя внутрь, мы очутились в сравнительно небольшой комнате, неотъемлемыми атрибутами которой казались несколько пустующих кресел, мерцающий стереоэкран компью-

тера и длинноногая привлекательная девушка в строгом, подчеркивающим ее великолепную фигуру, костюме, деловито и удивительно быстро манипулирующая видеосеткой, наложенной поверх экрана. Кончики ее длинных изящных пальчиков, украшенных кольцами-манипуляторами, были тщательно наманикюрены.

Дежурная улыбка на моем лице немедленно превратилась в ослепительно обворожительную. Когда девушка подняла взгляд, я даже слегка повернул голову, давая ей возможность рассмотреть мой неотразимый профиль. Увы! почти тотчас я понял, что делать этого не следовало. Прелестные губки девушки издали надменное фырканье, больно меня уязвившее, но куда более сильное огорчение я получил от созерцания мрачной физиономии плечистого типа в сером пиджаке, скромно сидящего в дальнем углу. Сейчас он чуть привстал. На его подчеркнуто равнодушном отрешенном лице буддийского монаха крупными буквами отпечатались предупреждение: прояви я по отношению к хорошенькой секретарше чуть больше внимания, чем это нужно для деловой встречи, мне быстро будет разъяснено, сколько чувствительных недостатков имеет привлекательная профессия повесы и ловеласа. Или, по крайней мере, будет сделана попытка разъяснить. Последняя версия льстила моему тщеславию. И потом, я чувствовал за своей спиной ободряющее присутствие Тома, который шириной плеч ничуть не уступал Серому Пиджаку.

– Мистер Банев? – вопросительно произнесла девушка.

Прежде, чем я успел ответить, она добавила:

– Тот самый русский детектив, который так долго мешал мне работать вчера утром?

Сколь долговечна людская память!

– Он самый, – согласился я, несколько обиженный таким приемом.

Определенно здесь привыкли к людям с более respectable внешностью. Но мой галстук! мой неотразимый профиль!

– Вам надо бы сменить профессию и работать коммивояжером, – небрежно заметила секретарь. – На мой взгляд, это получилось бы у вас не в пример лучше того, чем вы занимаетесь в данный момент.

А вот это был уже острый укол! Я хотел было сделать ей напоминание о том, что секретарю следует быть более обхо-

дительным и предупредительным по отношению к посетителям, но опять не успел. Девушка указывала на дверь.

– Проходите. Мисс Кэрролл ждет вас. Но учтите – более чем на десять-пятнадцать минут не рассчитывайте. Вы и без того разворошили наш рабочий график на неделю вперед.

Теперь ясна природа нелюбви. Оказывается по моей милости на плечи этой юной особы легла работа внушительных объемов – звонить, отменять назначенные ранее встречи, договариваться о новых, утверждать их, согласовывать и т. д.

Я тронул за плечо Грегора, настороженно переглядывающегося с типом в сером пиджаке (два самца в брачный период – мелькнула у меня в голове дурацкая и нелестная для Тома аналогия, и мне стало совестно перед другом) и шагнул в дверной проем. Полицейский чуть помедлил, чтобы метнуть в Серого Пиджака последний уничтожающий взгляд и двинулся вслед за мной.

Кабинет экстрасенса разительно отличался ее приемной. Мы очутились в просторном светлом помещении, полы которого были застелены коврами из натуральной шерсти, а вдоль стен строились большие черные шкафы из полированного дерева, полки которых ломались под тяжестью объемистых томов. И шкафы и книги, несомненно, не были бутафорией – предметы антиквариата. Не было видно никаких намеков на компьютеры, психотроны, мнемоскопические устройства и прочую технику для потрошения мозга. Комфортабельно. Обстановка определенно располагала к светским беседам и разговорам о «возвышенном». Мне сразу захотелось заявить, что я читал Достоевского. Дурацкое, конечно же, желание.

– Мистер Банев? – полувопросительно-полуутвердительно прозвучал мягкий и глубокий голос, который мне сразу же понравился.

– Да, мисс Кэрролл. А это детектив второго класса Томас Грегор. Полицейский департамент, третий юго-восточный сектор.

Детектив смущенно кашлянул и издал какой-то непонятный звук.

– Здравствуйте, мисс Кэрролл, – выдавил он из себя.

– Здравствуйте, детектив... Прошу вас, джентльмены, проходите и располагайтесь.

У меня впервые появилась возможность рассмотреть эту женщину вблизи живой, а не ее трехмерное изображение, сотканное лазерными лучами голографа, И то, что я увидел, мне

весьма понравилось. Веронике Кэрролл на вид было никак не больше двадцати семи лет. Красивые черные волосы были коротко и со вкусом острижены. Элегантное, но не кричащее и не броское черное платье обтягивало очень даже неплохо сформированное тело. Кэрролл имела хорошую фигуру, чем-то неуловимо отличающуюся от эталонов, каковыми мы привыкли считать фигуры манекенщиц и моделей. Лицо ее я оценил как очень привлекательное, не смертельно красивое, а именно такое, какое увидев один раз уже не можешь забыть никогда. Но главным в ней были глаза. Мне еще не приходилось когда-либо видеть таких глаз – по-цыгански черных, глубоких, колдовских. Когда Кэрролл встретила мой взгляд, мне на мгновение показалось, что я просто растворился, потерялся в бездонных черных омутах ее пугающе-таинственных зрачков, которые, казалось, просветили меня насквозь лучше всяких рентгеновских лучей.

Двигаясь плавно и ритмично, с непередаваемой грацией, какую нельзя приобрести никакими тренировками на пластике движений, Вероника приблизилась к нам и указала на кресла.

– Садитесь, джентльмены, прошу вас.

Кажется, я уже говорил, что голос ее мне тоже понравился? Он был очень красив: негромкий, но глубокий, емкий, проникновенный. Я неожиданно почувствовал себя замороженным. Движения, голос, глаза экстрасенса погрузили меня в подобие транса. Мне вдруг страстно захотелось рассказать этой удивительной женщине обо всем, что меня мучает, что не дает мне покоя в жизни, о своих грехах и достоинствах. Я был готов исповедаться перед Вероникой Кэрролл... Опомнившись, я отрывисто кивнул, скрывая свое смущение, и уселся в удобное широкое кресло со спинкой-вибратором, которая тут же охватила мою спину и начала легко массировать мышцы. Грегор тяжело опустился рядом, а Вероника села в кресло напротив.

Глядя на нее, я подумал, что если бы этой женщине было суждено родиться в древности, ее бы несомненно сожгли бы на костре, как ведьму.

– Я готова выслушать вас

Я на мгновение замялся, подбирая слова.

– Э... вы наверное, знаете, какая причина заставила меня искать вашей помощи?

Эта фраза заставила меня почувствовать себя до невозможности тупым.

– Да. В общих чертах. Речь идет о чередовании зверских убийств на территории мегаполиса. Полиция пока не может выйти на след маньяка-убийцы, если, конечно, слово «маньяк» применимо к нему... и вы надеетесь, что мне удастся войти в контакт с ним. Я кивнул головой.

– Да, мисс Кэрролл. Дело обстоит именно так. Ваша помощь весьма облегчила бы нашу работу. Мне крайне неприятно признаваться, но ни я, ни полицейский аппарат Еврюниона, ни другие службы и ведомства, не в силах поймать этого, прошу меня извинить, подонка.

На мгновение повисла пауза.

– Ваше самолюбие уязвлено? – мягко спросила Вероника. Вопрос застал меня врасплох, и я запнулся, отвечая на него.

– Ну... Да. Причем самым сильным образом. Я считал себя профессионалом.

Помолчав несколько секунд, Кэрролл задала следующий вопрос.

– Вы действительно полагаете, что мне окажется по силам сделать то, что не удалось целому полицейскому штату, Службе Инопланетного Барьера, Бюро Охраны Человечества и знаменитому детективу, в одиночку опрокинувшему марсианский мафиозный клан?

Я вздрогнул, услышав это от нее... Марс. Неужели эта проклятая красная планета никогда не оставит меня в покое?! Прошло уже больше восьми лет.

От Вероники не ускользнуло проявление эмоций с моей стороны.

– Извините, – тихо сказала она.

– Ничего. Вам не за что извиняться.

Грегор вопросительно посмотрел на меня. Я едва заметно покачал головой.

– Вернемся к нашему разговору. Я очень надеюсь на вас, мисс Кэрролл. Вы ведь обладаете уникальными и даже более того, сверхъестественными способностями.

Вероника не потрудилась скрыть слегка ироничной улыбки.

– Вполне возможно, – продолжал я, – им найдется применение и в криминалистике. В прошлом, насколько я знаю, были подобные прецеденты.

Женщина склонила голову на плечо и задумчиво посмотрела на меня.

– Возможно. Но если вы хоть немного разбираетесь в том, что называется словом «экстрасенсорика», то должны знать, что возможность установить ментальный контакт двух независимых личностей на подсознательном уровне бывает весьма редкой. Со своей стороны я не могу дать вам никаких гарантий. Может статься ничего не выйдет.

– Попытка не пытка, – изрек я. – Это такая поговорка у нас, русских. Наша встреча не носит официального характера, поэтому если вас постигнет неудача, никто кроме нас троих об этом не узнает. Вашей репутации ничего не грозит.

Вероника посмотрела на меня так, словно была удивлена тем, как я мог сказать подобное.

– Вы думаете, разговаривая с вами я прежде всего пекусь о собственной репутации? Что ж, теперь мы квиты за Марс.

– Примите мои извинения, мисс Кэрролл. – промямлил я, несколько ошеломленный подобным поворотом событий.

К счастью в разговор вступил молчавший дотоле Грегор, и положение было спасено.

– Мисс Кэрролл, мы просим помочь не только и не столько нам, сколько вашим соотечественникам, людям, которые каждую секунду рискуют стать потенциальной жертвой озверевшего убийцы.

Кэрролл «прозондировала» Тома взглядом своих необыкновенных глаз, который простодушный детектив воспринял с полным спокойствием, затем перевела его на меня.

– Хорошо. Вы убедили меня, детектив. Я попытаюсь и сделаю все, что в моих силах.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Это уже лучше, чем ничего. И еще раз прошу принять мои извинения. У меня и в мыслях не было обидеть вас, мисс Кэрролл.

– Это уже в прошлом, – мягко сказала Вероника, и я так и не понял, были мои извинения приняты или же нет.

Грегор молча встал и потянулся к внутреннему карману. Судя по выражению его лица он был настроен довольно скептически.

Я в свою очередь сунул руку в карман и извлек чековую книжку.

– Заранее приношу свои извинения, – сказал я в третий раз, чувствуя себя круглым идиотом. – Но я слышал, что услу-

га экстрасенсов, тем более таких как вы весьма дорого ценятся. Я готов оплатить их, если вы назовете сумму.

Глядя в глаза мисс Кэрролл, я приготовился к наихудшему, но обманулся в своих ожиданиях.

– Вы так стараетесь не злоупотреблять оказанным вам вниманием, что у вас это плохо получается, – произнесла Вероника и широко улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ.

– Наверное, извиняться следовало бы мне, – продолжала Кэрролл. – Ваше стремление быть тактичным разбилося о мои представления о такте.

Она что, хотела сказать, что я плохо воспитан?

– А что до суммы, то обычно мои сеансы оплачивались цифрами с четырьмя нулями.

Я понимающе кивнул, нарисовал на чеке четыре симпатичных пузатых нуля и, подняв бровь, вопросительно посмотрел на Веронику. Сумма, конечно, обещала пробить изрядную брешь в моем банковском счету, однако это меня не слишком беспокоило – я никогда не жаловался на недостаток денег (может быть потому, что не умел толком их тратить). Кроме того, в случае успеха мои затраты будут в полной мере возмещены.

Я был уверен в том, что затеянная игра стоит свеч.

– Какую цифру мне нарисовать впереди?

– Пишите пятый ноль, – сказала Вероника Кэрролл. – Я не возьму плату за свою помощь. Человеческие жизни не продаются и не покупаются.

Помятуя ее недавний выпад в мою сторону, я хотел вставить язвительное замечание, но не смог – присутствие Вероники надело упряжь на мой сарказм.

– Но ваш секретарь сказал мне, что я и без того внес кое-какие... гм-гм... незапланированные изменения в ваш рабочий распорядок, – осторожно заметил я, старательно пририсовывая пятый ноль.

– Да, это так, – улыбнулась Кэрролл. – Но не думаю, что из-за этого у меня будут значительные убытки. Придется отменить несколько встреч и перенести их на другие дни. А теперь мы можем приступить к делу. Я надеюсь, у вас есть с собой изображения жертв.

Грегор, наконец, вытащил из внутреннего кармана засунутую туда несколько минут назад руку, и протянул экстрасенсу

дискету со всей информацией по делу Лоуэллов и прочих жертв таинственного убийцы.

– Здесь все, – сказал он. – Снимки, биографии, наши рабочие теории.

Вероника покачала головой.

– К сожалению, я не могу это использовать. Компьютер бездушен. Мне нужны снимки жертв, которые хранились у них дома, к которым прикасались, на которые смотрели. Снимки, в которых запечатлена Память о людях на них изображенных. И еще было бы очень желательно иметь что-нибудь из личных вещей погибших.

Грегор пожал могучими плечами, о нашем визите к мисс Кэрролл он узнал лишь в последний момент и таких тонкостей предусмотреть не мог.

– Все в порядке, Том, – сказал я. – Вот, мисс Кэрролл. Эти голографии я взял у родственников жертв убийцы. А это кое-какие личные вещи, бывшие на них в момент гибели. Кроме того, я могу вам предоставить единственную улику, которой мы располагаем на данный момент.

С этими словами я протянул ей небольшой пакет с мелкими вещами, несколько черных голографических кубиков и маленький запаянный контейнер, в котором находились частички неопознанной слизи, обнаруженные на месте убийства Лоуэллов.

Вероника погладила кончиками пальцев кубики с записанными на них голографическими изображениями. Глаза ее еще больше потемнели, превратившись в бездонные черные провалы по-ведьмовски завораживающие и затягивающие.

– Джентльмены, я вынуждена просить вас удалиться, – приглушенным пустым голосом проговорила она, глядя куда-то сквозь меня. – Когда я работаю, ничто не должно отвлекать меня и нарушать мое сосредоточение. Это очень важно. Подождите результатов в приемной. Я позову вас, когда это будет нужно.

– Хорошо, мисс Кэрролл.

Я встал на ноги и вышел из кабинета экстрасенса. Грегор, тяжело ступая, следовал за мной.

– Тяжелая штучка, – пробормотал он, прикрывая за собой дверь.

Я был погружен в свои мысли и поэтому смысл его слов от меня ускользнул.

– Что ты сказал?

– Так, ничего, – отмахнулся Том. – А ты, оказывается, богатый человек, Вик.

– В какой-то мере, – согласился я. – Мои услуги тоже ценятся достаточно высоко.

– Должно быть ты берешь непомерно высокие взятки, – попытался пошутить детектив, но поскольку я на шутку не ответил, он решил сменить тему.

– Надо сказать, эта Вероника Кэрролл умеет производить впечатление на людей. Я даже начинаю верить, что она как-то сумеет помочь нам в поисках этого ублюдка. Но характер у нее тот еще. Мне было жаль тебя, Вик. Ты выглядел как неандерталец, попавший на званый обед к чопорной английской леди.

И Грегор туда же! Я фыркнул, выражая свое возмущение. Честное слово, я начинал жалеть, что к Тому вернулось утраченное было чувство юмора.

Секретарь Вероники Кэрролл, оставив на время похожие на занятия у-шу манипуляции с видеосеткой компьютера, откинулась на спинку рабочего кресла, начала снимать кольца-манипуляторы и, небрежно посмотрев в нашу сторону, неожиданно подарила мне широкую белозубую улыбку. В глазах ее появилось нечто вроде интереса. Должно быть она, наконец, рассмотрела мой шикарный галстук. Обнаружив это, Серый Пиджак предупреждающе засопел в своем углу. «Как собака на сене», – подумалось мне.

– Знаешь, Вик, – негромко заявил Том, проследив мой взгляд. – По-моему ты понравился им обоим.

Я поперхнулся и с негодованием посмотрел на детектива.

– На что ты намекаешь?

Грегор с трудом подавил приступ безудержного смеха.

– Ты не понял меня, Вик. Я имел в виду не этого пария, а мисс Кэрролл. Мне показалось, она смотрела на тебя не только, как на своего клиента.

Я не смог удержаться от идиотской самодовольной улыбки, которая конечно же не ускользнула от внимания Тома. Он по-мальчишески хихикнул. Хихикающий двухметровый детина в форме полицейского – зрелище довольно карикатурное, и я не преминул сообщить это Тому, но детектив меня проигнорировал – он наслаждался своим остроумием.

– Теперь я понимаю, почему ты добился столь высокого места на поприще криминалистики. Ты быстро располагаешь

к себе людей, а что до женщин, то они к тебе прямо-таки неравнодушны.

– И я к ним тоже, – в тон Грегору сказал я, предоставляя девушке возможность получше рассмотреть мою неотразимую внешность.

– Да, кстати, Вик, – оторвал меня от этого приятного занятия Том. – Я все порываюсь тебя спросить, но как-то не получается. Что там произошло на Марсе? Твое имя постоянно связывают с этой планетой? Я проверил информацию о Марсианской колонии за последние пять лет, твое имя вроде бы нигде не фигурировало... надо бы было копнуть поглубже, да времени не было.

Его вопрос мигом вышиб из меня приятные грезы и иронию. Когда же мне, наконец, дадут забыть о этой чертовой планете?! Прошло уже столько лет!.. Марс! как я ненавижу тебя, планета, названная в честь кровавого бога войны!

7. Что произошло на Марсе

– Вообще-то, – начал я после долгой тяжелой паузы, – я не люблю говорить об этом. Всякий раз воспоминания о тех событиях оставляют в душе неприятный мутный осадок. Старые раны и все прочее в этом роде... но раз уж ты спросил, я отвечу. Что толку носить это в себе?

Все началось почти девять лет назад. Моя сестра Ольга работала тогда инспектором Интерпола. Ее отправили на Марс проинспектировать тамошнюю шахтерскую колонию и предоставить в ООН подробный доклад о жизни и деятельности колонистов. Очутившись на Марсе, Ольга сразу же столкнулась с целым рядом различных бюрократических проволочек и явным утаиванием информации. Ее инспекцию превратили в прогулку по диснейленду. Показухой несло за версту. У меня были на Марсе кое-какие связи, и когда Ольга отправила мне на Землю депешу, прося о помощи, я посоветовала ей найти Арчибальда Гаррисона – репортера Эй-Би-Си и моего старого приятеля. Сам я был тогда слишком занят... А впрочем, какой там слишком! – Земля была весьма тихим местечком.

Арчи в это время собирал материал для своего репортажа о колонии марсианских шахтеров. Узнав от Ольги о нежелании марсианских властей идти навстречу инспекции в ряде вопросов, он тут же учуял что-то неладное в этом деле и с

жаром набросился на него, рассчитывая найти сенсацию. Бедный Арчи! он нашел, что искал... Пошуровав по притонам и растормошив кое-кого из марсианских старожилов, Арчи – пробивной и шустрый парень – узнал о сомнительной связи Верховного Координатора колонии с местным монополистом в области снабжения Марса алкоголем, табаком, наркотиками и прочими пороками цивилизации – Тацумотой Кавасаки.

Вдвоем с Ольгой они провели расследование и вскоре накопали целый ворох улик против мистера Кавасаки – местного крестного отца...

– Мафия? – изумленно перебил меня Том. – В наше время?

– Она самая, – кивнул я. – Порой мне кажется, что тот, кто впервые сказал «мафия бессмертна», был не так уж далек от истины... Но я, кажется, отвлекся. Как я уже сказал, Арчи и Ольга нашли много улик против Кавасаки и Верховного Координатора Марсианской колонии, который покрывал клан Тацумоты и следил за надежностью транзита контрабандных товаров со старушки-Земли на Марс и обратно...

– Коррупция? – вновь вставил изумленный возглас Том.

На этот раз я оставил его без внимания – мне вдруг стало трудно удерживать слова внутри себя. Я хотел рассказать все и все равно кому. Молчать было невозможно.

– Увы, поиски моего друга и сестры не остались незамеченными. И Координатор, и местный дон Карлеоне очень обеспокоились присутствием на красной планете дотошного инспектора и расторопного репортера, проявивших слишком большой интерес к быту колонии. В ход наряду с взятками и соблазнительными предложениями пошли угрозы и многозначительные намеки. Однажды Арчи избили на улице, переломав ему ключицу и несколько ребер. В гостиничный номер, который был забронирован на имя Ольги, ворвались какие-то типы, вооруженные похлеще боевиков из спецотрядов.

– Это... невозможно! – возмущенно заявил Грегор. – Варварство! Я понимаю, если бы все происходило в двадцатом веке, тогда...

– Том, – устало произнес я, – там (я указал пальцем на потолок) не Земля. Там все проще и гораздо жестче. Там не живут, там выживают. Ты снова меня отвлек.

– Извини, Вик, – виновато пробормотал детектив. – Но слушать все это... такая дикость... Пожалуйста, продолжай.

– Арчи попал в больницу. Таким образом он надолго вышел из игры. Кавасаки приставил к нему своего человека под видом санитаря, и мой друг ничем не мог помочь Ольге. Он сам мог только гадать, зарежут его в ближайшие пять минут или дадут еще пожить.

Том хотел что-то сказать, но не осмелился меня перебить в очередной раз.

– Ольга ежесекундно подвергалась риску нападения. Но она не отступила. Моя сестра была упрямой девушкой. Помню, я в детстве никогда не жалел, что у меня не было старшего брата. Связавшись с Землей, она попросила помощи, но человек, принявший ее депешу, уже давно работал в связке с земным партнером мистера Кавасаки и, естественно, сообщение Ольги никуда не попало. К счастью, Ольга отправила на Землю две депеши. Одна попала по непосредственному каналу в Интерпол и была «утеряна», но другая, отправленная на мое имя, перехвачена быть не могла. Ольга просила помощи, просила известить власти, придать делу широкую огласку. Материалы, присланные ей, были весьма правдоподобны, но все же недостаточны... Я принял решение (вот уже девять лет без малого я проклинаю себя за этот идиотский поступок!) собственноручно отправиться на Марс и помочь сестре в расследовании. Самоуверенный, лихой – еще бы, за плечами тернии и лавры десантного корпуса! – я не мог отказать себе в удовольствии вляпаться в сулящую приключения и опасности авантюру. Пакет с предоставленной Ольгой информацией остался на Земле. Он должен был попасть в КИВ и ООН лишь в случае моей гибели, или гибели Ольги. Я полагал этот старый, проверенный много раз трюк будет нам надежной страховкой! Какой же я был дурак! Я воспринимал все это, как увлекательную рискованную игру. И как дорого мне пришлось заплатить за это свое заблуждение!..

Когда я прибыл на Марс, охота на мою сестру и Арчи шла уже полным ходом. Репортеру удалось обмануть своего сторожа и сбежать. Он так же сумел найти мою сестру прежде головорезов мистера Кавасаки. Вдвоем они скрывались где-то в трущобах колонии, ожидая помощи с Земли. Они были в безвыходном положении, полностью отрезанные от Терры, брошенные в жернова огромного преступного механизма, опутавшего своими проводами-щупальцами весь Марс. Они ждали помощи... а прибыл я один – тщеславный, чересчур уверенный в своих силах юнец.

Продолжать я не мог. Воспоминания были слишком яркими... Боже, что я наделал?! Я уронил голову на ладони и с силой стиснул виски.

– Вик, ты в порядке? – заботливо спросил Том, подавшись вперед.

Усилием воли я взял себя в руки и выпрямился.

– Да, я в норме. Извини. Просто я все это слишком хорошо помню. Знаешь, Том, я даже хотел сделать себе небольшую чистку в мозгах и удалить этот участок памяти. Но потом я понял, что это будет слишком легким выходом из положения. Грязная сделка с собственной совестью. Это моя вина, и я не имею права об этом забывать... Моего прибытия ждали. Первую попытку вывести меня из игры предприняли еще в космопорте. Но Кавасаки недооценил меня. Я был не просто туристом-землянином, я тоже был знаком с азбукой выживания. Я не просто уцелел, но и устроил ребятам мистера Кавасаки неплохую «молотиловку». Сообразив что к чему и несколько отвлекшись от мыслей о славе и почестях, я внес в развитие событий свою лепту. Я решил открыто выступить против мафии, чтобы отвлечь ее молодчиков от Ольги и Арчибальда. Возможно, из этого и могло что-то получиться, но сестра, в свою очередь, совершила ошибку. Узнав, что я на Марсе, Ольга вместо того, чтобы действовать оставаясь невидимой или залечь на дно, покинула свое укрытие и принялась разыскивать меня... Что же ты сделала, Олечка!..

– Через три дня я был приглашен в морг. Опознать тело.

Грегор смотрел на меня расширенными глазами, в которых смешались боль и недоверие.

– ...пескоход Ольги сломался в пустыне, и она задохнулась во время песчаной бури, когда пыталась добраться до шахтерских поселений. Так гласила официальная версия. Но я-то знаю, что на самом деле это было хладнокровное убийство! Я зна-аю.

– Вик. – Том положил мне на плечо свою руку. – Хватит. Не надо больше рассказывать. Тебе трудно. Я вижу, что твои глаза становятся бешеными.

– О, да! Бешенство, – закивал головой я. – Моему бешенству не было предела. Я любил сестру достаточно сильно, чтобы возжелать крови мистера Кавасаки. Весь налет цивилизации слетел с Виктора Банева – все лекции о ценности человеческой жизни, морали и заповедь «не убий» вылетели из моей головы. Я... как это говорится?.. ах, да! вышел на тропу

войны. Были драки, погони, перестрелки. Судьба покровительствует отчаянным и безумцам. Мне везло, я выигрывал раунд за раундом и оставался жив. С помощью Координатора меня признали террористом – я уничтожил караван пескоходов, перевозивших контрабандный алкоголь. Против меня теперь были и полиция колонии. Но на Землю, конечно же, ничего сообщено не было.

Арчи сумел установить со мной контакт через одного из своих вездесущих знакомых и передать мне все, что им с Ольгой удалось накопать помимо того, что мне было уже известно. Мы договорились о встрече... И мафия опередила меня. Когда я пришел в убежище, где скрывался Гаррисон, то нашел его мертвым. Он лежал весь в бинтах, и тонкая рукоятка стилета торчала у него из груди... Там была засада. Мне чудом удалось бежать.

Это была последняя капля, перевесившая чашу моего терпения. Озверев, иного слова не найдешь, от ярости, я пошел ва-банк. Я захватил в заложники младшего сына Тацумоты Кавасаки и угрожал расправиться с ним...

– Ты сделал бы это, Вик? – тихо спросил Том, глядя мне в глаза.

– Сделал бы я это? Смог бы хладнокровно убить беззащитного, безоружного человека?

– Да, – твердо произнес я, спокойно встретив напряженный взгляд детектива. – Я всадил бы ему пулю в голову и смотрел бы, как он агонизирует у моих ног. Я сделал бы это.

– Я не понимаю, почему ты все еще являешься детективом. Первая же проверка твоего психического состояния должна была выявить твою профессиональную непригодность.

– А ты, Том? Разве ты не собирался собственноручно прикончить убийцу, которого мы ловим?.. Я все еще веду следствия, потому что я о ч е н ь хороший детектив.

Том смутился и резко отвел глаза в сторону.

– Угрожая снести голову Оикаве Кавасаки, я добрался до космопорта, – глухим голосом продолжил я. – Там, уперев ствол одного пистолета капитану космического корабля в затылок, а другим угрожая отпрыску босса мафии, я поднялся на борт почтовой ракеты и отправился на Землю. Конечно, нас могли подбить на взлете. Кавасаки вполне мог пожертвовать своим сыном, чтобы сохранить владычество над колонией, но

он этого не сделал. У него был еще один козырь... Очень сильная карта...

– В пути мы приняли сообщение – мистер Кавасаки, – имя прозвучало, словно грязное ругательство, – напомнил мне, что на Земле, в России у меня осталась невеста. Он вежливо объяснил мне, что она может не дожить до дня нашей свадьбы, если информация, которой я располагаю, ну и, конечно же, если что-либо случится с Оикавой... Я знал – он сделает то, что обещал... Черт! Он выиграл! Выиграл на последнем раунде, когда победа уже была моей! Я потерял сестру и друга... я не мог потерять еще кого-то. Я был готов отступить, признать поражение... но было уже поздно. Тот «страховой полис», который должен был защитить меня и Ольгу, погубил Наташу. Японцы, как правило, дорожат своим словом. Я так никогда и не был женат.

Я тяжело вздохнул и уныло посмотрел на собственные руки так, словно они были в чем-то испачканы.

– Я искал славы, я ее получил. Видишь, Том, я стал знаменит! Многие помнят мою фамилию... Слишком многие.

– Если все было так, как ты говоришь, почему дело не получило широкую огласку? Не было громких разбирательств в суде? Ничего не понимаю, – пробормотал Том.

– Об этой истории в свое время кое-что говорили, но имен почти не называлось. Шутка ли – организованная преступность в наши дни! Коррупция высших правительственных чинов! Марсианские чиновники и люди с Земли, заинтересованные в прежнем функционировании колонии, оказались очень щепетильными. Им очень хотелось замять конфликт. Было слишком много властимущих людей, стремившихся избежать широкой огласки... Постепенно все забыли. И я был бы рад, если бы навсегда. К сожалению, что-то просочилось в прессу, и поэтому многие считают своим долгом напомнить мне о том, что я, Виктор Банев, был участником тех кровавых событий.

– А что стало с Тацумотой Кавасаки? Он получил по заслугам?

– Если шикарная федеральная тюрьма с теннисными кортами, саунами, массажистками и барами то, что он заслужил, значит да.

На какое-то время мы оба замолчали. Грегор тяжело переваривал услышанное, я потерявшимся взглядом смотрел прямо перед собой.

Первым молчание нарушил детектив.

– Извини меня, Виктор. Я никогда не спросил бы тебя об этом, если бы только знал, какую боль причинят тебе эти воспоминания.

8. Опережающий удар

Шло время, и мы с Грегором терпеливо ожидали результатов, сидя в приемной мисс Кэрролл.

Я вновь погрузился в переживание марсианских событий. Лейтмотив стремительных действий, словно выхваченных из стереовизионного боевика, с пугающей яркостью прокручивался в голове. Я вновь был в морге. Стоял около укрытого куском белой материи тела Ольги. Смотрел. Пытался заплакать. Не мог. А потом я очутился в пещере, выдолбленной в пористом марсианском песчанике. У моих ног лежал Арчибальд Гаррсион – маленький, похожий в гипсовых повязках на какую-то нелепую забавную куклу. В груди его торчала тонкая рукоятка самодельной пики. Темный, очень тонкий ручеек струился из-под нее и исчезал под телом репортера... И вот я уже на Земле – рвусь к искореженным остаткам флайера, от которых валит густой жирный дым. Я опоздал. На каких-то десять минут. Безнадёжно опоздал. Сергей, брат Наташи, оттащивал меня в сторону и кричал на ухо, что мне незачем смотреть на то, что от нее осталось... если вообще осталось хоть что-то.

Забавно, после всех этих смертей, «несчастных случаев», заговоров, погонь и перестрелок во мне появились новые черты характера, которые никак нельзя было ожидать. Сарказм и ирония. Я упаковался в них как в непробиваемую броню...

Грегор неуклюже елозил в своем кресле. Ему было вдвойне неловко – от того, что он, детектив второго класса, человек трезвомыслящий и рациональный, сидит здесь, ожидая помощи в раскрытии преступления от человека весьма сомнительной (на его взгляд) профессии – экстрасенса, и из-за истории, услышанной от меня. Он очень жалел, что влез не в свое дело и вынудил меня вновь вернуться на проклятую красную планету. Душевные переживания этого могучего великана были так очевидны и искренни, что я не выдержал.

– Да брось ты, Том. Это все в прошлом... У меня было восемь лет, чтобы научиться жить с этим.

– Наверное, поэтому ты постоянно начинаешь иронизировать там, где я скриплю зубами, – после короткой паузы проворчал детектив. – Что-то вроде механизма внутренней защиты, да?

Я неопределенно пожал плечами. Вибраторы, встроенные в спинку кресла, восприняли этот жест, как команду и начали легкий приятный массаж.

– Меня слишком часто жалели, вот и все.

Усилием воли оторвавшись от тревожных воспоминаний, я переключил внимание на девушку-секретаря и буквально силой заставил себя думать о том, какая она симпатичная. Впрочем, я ничуть не обманывал себя, девушка была даже более чем симпатична – классический тип броской красотки из Лас-Вегаса.

Надо сказать, и секретарша неожиданно стала проявлять знаки внимания по отношению к моей скромной персоне, отбросив в сторону маску сдержанной раздраженности, присущей человеку, оторванной от серьезной и сложной работы. Время от времени отворачиваясь от компьютерного экрана, она дарила мне весьма приятные улыбки, варьирующие от невинно-добродушной до соблазнительно-предлагающей. Я даже начал обмозговывать возможный небольшой, но бурный роман с этой милой европейской леди, скрашивающей наше с Томом ожидание, но ее образ в моей голове постоянно смешивался с образом Вероники Кэрролл: эта женщина, похоже, подействовала на меня не только как экстрасенс. Интересно, Грегор серьезно говорил, насчет того, что я ее тоже заинтересовал?

Типу в сером пиджаке наши нежные платонические отношения с секретарем мисс Кэрролл весьма не нравились. От его сердитого сопения человеку со слабой нервной системой вполне могло стать не по себе. На меня, однако, этот парень должного впечатления не произвел, телохранитель из него явно был никудышный – внешняя мощь индивида отнюдь не гарантировала безопасности и сохранности его подопечного. Задача телохранителя много сложнее необходимости произвести подавляющее впечатление своими габаритами – он должен наблюдать, оценивать, анализировать, думать... но никак не сопеть в углу, пугая посетителей, пытающихся заигрывать с секретарем. Да-а, на Земле стало слишком тихо. Человечество стало забывать свои бойцовские качества и навы-

ки. Я подумал, что не плохо было бы дать по шее тому, кто был ответственен за организацию безопасности мисс Кэрролл.

Эти мысли заставили меня нахмуриться и поджать губы. На Земле все тихо и спокойно, но ТАМ, за ее пределами – там тихо не станет никогда. ТАМ – иной мир, страшный, чудовищный, загадочный и по большей части недружелюбный к человеку.

Неожиданно Том ткнул меня своим пудовым кулачищем в бок, заставив поперхнуться и разом отрешиться от философских измышлений и приятных дум ловеласа.

– Том, ты... э, не мог бы...

– Извини, Вик. Забыл... – смущенно забубнил Грегор.

– Что я такой хрупкий, – закончил я за него.

– Я хотел сказать, что она, – Том мотнул головой в сторону дверей, ведущих в обитель экстрасенса, – уж слишком долго там медитирует.

Его слова неожиданно встревожили меня. Вспомнился случай со стертой памятью очевидцев второго нападения убийцы на граждан Еврoюниона. Почему я не предупредил об этом Веронику? Но в газетах писали об этом, она должна была знать.

– Ты прав, Том, – сказал я и встал на ноги – секретарша посмотрела на меня с недоумением и откровенной обидой, а Серый Пиджак разом подобрался, точно огромная серая кошка (кажется, я несколько недооценил этого парня, рефлексy у него вроде бы были неплохими) – но потом опустилcя обратно.

– Мисс Кэрролл сказал, что позовет нас сама. Подождем, пока она это сделает.

– Как знаешь, – пожал плечами Грегор. Форма его угрожающе затрещала по швам.

Однако, минут через пять тревожность исчерпала мой резерв терпения. Не помогли даже щедро расточаемые знаки внимания со стороны милой секретарши и демонстрация красивых стройных ног.

Я встал с кресла и направился было к дверям, но, не сделав и трех шагов, вновь в нерешительности остановился.

– Не нужно беспокоить мисс Кэрролл, мистер Банев, – поднявшись синхронно с Томом и Серым Пиджаком, заявила девушка несколько обиженным голосом. – Ее работа требует огромного сосредоточения. Ваше вмешательство может не только помешать, но и оказать травматический эффект для

мисс. Не забывайте, вам и без того сделано большое одолжение. Не нужно им злоупотреблять.

Она в общем-то была права, но я ее все-таки не послушал, движимый тяжелым мрачным предчувствием. Отворив облицованную ореховым деревом дверь, я шагнул внутрь святая святых знаменитого экстрасенса. Серый Пиджак с предупредительным рыком метнулся ко мне. Я невольно съежился, но не обернулся.

То, что я увидел заставило меня превратиться в напряженный комок нервов и мускулов. Я мягким скачком бросился вперед, вытягивая их кобуры парализатор, и на мгновение замер, обводя внимательным изучающим взглядом комнату, вернее сказать – залу, в поисках врага. Выхватывая пистолет, я на мгновение замешкался, вспомнив о типе в сером пиджаке, маячившем за моей спиной – парень вполне мог истолковать мои действия неправильно. Однако, меня прикрывал сзади Грегор, и я понадеялся, что полицейский справится с ситуацией. Обстановка в кабинете мисс Кэрролл не располагала к далеким и долгим размышлениям – она требовала действий: Вероника лежала на полу, безжизненно разбросав в стороны свои изящные ухоженные руки, рядом валялись черные кубики голографии.

Крикнув девушке, чтобы вызвала скорую помощь, я сунул пистолет в кобуру и подскочил к Веронике, намереваясь поднять ее с пола, но Серый Пиджак помешал мне. Вытянув вперед руку, он сграбастал меня за плечо и отшвырнул в сторону. Опустившись рядом с экстрасенсом, он приподнял ей голову и уверенным движением приложил пальцы к шее, нащупывая пульс. Я осторожно приблизился к ним и заглянул в лицо Вероники. В ее необыкновенных широко раскрытых глазах, подобно муравью в куске янтаря, застекленел невыразимый ужас. На уголках губ выступили порозовевшие от крови из прокушенной губы пузырьки пены. Вероника не подавала никаких признаков жизни, и я уже испугался, но Серый Пиджак обнадежил меня низким удивительно спокойным голосом.

– Жива.

– Что с ней? – рявкнул Грегор, компенсируя свое позднее появление сопровождающим его шумом.

Кажется, я сильно рисковал, доверив ему прикрывать мою спину. Забыл основное правило десанта – работать с непроверенным партнером впятеро опаснее, нежели работать в одиночку. Старею!

– Не знаю, – ответил я, опускаясь на колени подле Серого Пиджака и Вероники.

– Дай мне.

– Че? – с угрозой процедил он, уловив в моем требовании посягательство на свои права и обязанности.

– У меня есть кой-какой навык, приятель. А ты лучше открой окно и включи на всю мощь кондиционеры. Где ее медицинский браслет?

Бросив на меня тяжелый взгляд, в котором было все, кроме тепла, дружелюбия и братской любви, Серый Пиджак сказал:

– Мисс Кэрролл не носит браслета. Особенно во время сеансов. Техника.

Передав голову женщины мне, он, сопя, набросился на оконную раму. Большим пальцем я оттянул нижнее веко экстрасенса и, пристроив ее так, чтобы лицо было получше освещено, внимательно осмотрел глаз – зрачок был неестественно сужен. Бросив торопливый взгляд по сторонам, я заметил неподалеку на журнальном столике хрустальный графин с водой. Положив тело Вероники на диван, стоявший тут же у столика, так, чтобы ее затылок оказался на валике, я схватил графин и, набрав полный стакан холодной воды, выплеснул ей в лицо. Слабый стон вознаграждал меня за усилия. Ободренный успехом этой несложной операции, я начал осторожно массировать Веронике виски, с равными промежутками нажимая на известные точки за ушами – основам тибетского точечного массажа меня научил старый приятель Сэмо Чин, с которым мы когда-то учились на одном курсе в Московском Государственном Университете, да кое-чему нас обучили в десанте.

Вяло шевельнувшись, женщина уставилась на меня невидящими глазами.

– Он убьет меня, – сорвался с ее губ слабый шепот.

– Все в порядке, Вероника. Я здесь, с вами. Я защищу вас, – пробормотал я.

В следующее мгновение Кэрролл громко всхлипнула и, потянувшись ко мне, обвила руками за шею, пряча мокрое лицо у меня на груди. Если бы это могло защитить ее от испытанного ужаса! Я крепко прижал ее к себе, чувствуя, как вздрагивают от рыданий ее плечи.

Громко загудели включенные кондиционеры. Над ухом испуганно причитала секретарша. Грегор топтался рядом, со-

вершенно не зная, что ему делать. Серый Пиджак сопел возле подоконника...

9. Допрос

– Мисс Кэрролл, вы можете объяснить, что с вами произошло? – спрашивал я несколькими часами спустя в больной комнате Научного Центра Изучения Возможностей Человеческого Мозга.

– Пожалуй, да, – кивнула головой экстрасенс. – Но я уже все рассказала офицерам из отдела расследования убийств и Федерального Бюро Охраны Человечества.

– Я знаю. Я уже ознакомился с протоколом допроса, – сказал я. – Но я хочу еще раз услышать эту историю от вас.

Вероника странно посмотрела на меня, и я почувствовал себя несколько неловко.

– Это очень важно, – быстро добавил я. – И не только для меня.

– Хорошо, – глаза экстрасенса потемнели. – Я попыталась сконцентрироваться, направить свое психоэнергетическое поле на ауру убитых. Знаете, что-то вроде ментального щупа, или, говоря техническим языком, сканнера. После смерти мертвый какое-то время неразрывно связан со своей убийцей, либо с местом своей гибели. Проявления ауры заключаются в путанных образах, угрызениях совести, ночных кошмарах, мыслях убийцы, не говоря уже о изменениях в его биоэнергетических полях и прочих тонкостях, в которых сведущи разве что парапсихологи и экстрасенсы. Нашупать жертвы разыскиваемого вами существа (услышав это слово я подобрался, хотя и без того уже знал, что тот, за кем охотилась целая армия криминалистов не был представителем вида *Homo sapiens*) было очень нелегко, поскольку проводником служили только неживые предметы и рядом не было родственников погибших. К счастью у одной из последних жертв был серебряный перстень. Серебро очень чистый и сильный металл. Недаром в древности его считали смертоносным для всякой нечисти – вампиров, оборотней, призраков. Этот перстень очень помог мне.

Вероника на время умолкла, собираясь с мыслями и переводя дыхание. Я терпеливо ждал продолжения ее рассказа.

– Я надеялась, что, нашупав ауру одного из убитых, сумею войти в контакт с его убийцей. Мои надежды в конце

концов оправдались, но... там был заслон. Мощнейший психоэнергетический барьер! Не думаю, что мне удалось бы преодолеть его самостоятельно при всем желании, однако тот, кто его выставил, ощутил мое присутствие...

Я поднял руку и нервно потер висок. В душе колыхнулся комплекс вины, пробуждая к жизни угрызения совести. Вероника замолчала, ожидая вопроса, но я молча кивнул – продолжайте.

– Понимаете, мистер Банев, установленный контакт был очень слабым. Я практически полностью рассеивала свою энергию, не достигая до контактера. Единственным связующим звеном между нами была только аура погибшего. Она, словно маяк, не давала мне потерять убийцу. Вернее сказать, убийц. ОН не один. Их двое. И они очень разные. Второй имеет просто сверхъестественно огромный телепатический потенциал, но он скорее инструмент и в то же время слуга для Первого. Кажется, он только полуразумен. Насколько я поняла, в его обязанности входит защищать Первого, экранировать его, подпитывать своей энергией.

– Значит, барьер был выставлен Вторым? – спросил я.

– Не знаю, – после короткого размышления сказала Кэрролл. – Трудно понять. Кажется экран был делом рук Первого, но энергия исходила из мозга Второго... Я не уверена... Не знаю.

– Хорошо, мисс Кэрролл, продолжайте.

– Мне показалось, что Второй является для Первого чем-то вроде психоэнергетического биоусилителя. Вы понимаете меня? Вроде как мощный динамик для маленького аудифона.

Я кивнул.

– Я уже говорила, что контакт между мной и ими был очень слабым, да еще этот барьер... Но когда Первый почувствовал мое присутствие...

– Извините, мисс, – снова перебил я. – ОН тоже является телепатом?

Вероника посмотрела на меня так, словно я сказал совершенную глупость, но все же ответила:

– Да. И тоже сверхсильный, хоть и значительно уступает Второму.

– Как по-вашему, они сходны с людьми? По-существу вопрос был риторическим.

– Если я не ошибаюсь, вы сказали, что читали протокол моего допроса, – устало произнесла женщина, прикладывая одну руку ко лбу, а другой подтягивая одеяло повыше.

В просторной больничной рубашке она казалась мне очень соблазнительной, и я тратил уйму усилий, чтобы отогнать разного рода нехорошие, но очень приятные мыслишки. Чего доброго еще почувствует.

– Мне важно услышать все именно от вас.

– Нет! Они не могут быть близкими к людям – это определенно чужой, незнакомый нам сверхразум! Первый еще имеет какие-то общие с гуманоидными существами параметры, но Второй абсолютно чужд. Его можно сравнить... не знаю... с дельфином, может быть.

– Вы произнесли слово «сверхразум»?

– Да. Именно так. Интеллект Первого превосходит меня или вас в несколько раз.

Почти ничего нового из нашей беседы мне извлечь не удавалось, все то же самое было в копии протокола, но тем не менее я не торопился уходить (быть может отчасти потому, что мне просто-напросто не хотелось покидать общество мисс Кэрролл).

– Теперь вернитесь к своему рассказу. Вы остановились на том, что первый убийца запеленговал вас, – напомнил я.

– Не совсем так. ОН только почувствовал. Это просто удивительно, ведь контакт был таким слабым, а барьер, напротив, таким мощным... Это все равно, что услышать, как жужжит снаружи муха, находясь в звуконепроницаемой комнате. ЕМУ это удалось. ОН очень осторожен... ОН открылся мне. Совершенно неожиданно, разом, резко. По инерции я проникла за пределы барьера, частично поняла, кто ОН и кто Второй, но в результате контакт упрочился настолько, что ОН сумел использовать его в качестве канала для своей ментальной энергии и ударить меня. Этот сильный телепатический удар на мгновение полностью подавил мою волю, парализовал меня. Опомнившись, я попыталась разорвать контакт, оторваться от НЕГО, но ОН не позволил сделать это. Усилив свою мощь через Второго, ОН попытался убить меня.

Плечи Вероники вздрогнули от вновь переживаемого ужаса, я с трудом подавил желание обнять ее, как это случилось в кабинете.

– Повинуясь ЕГО командам мое сердце начало биться все чаще и чаще, точно хотело прорваться сквозь грудную клетку

и выскочить наружу. ОН хотел устроить мне искусственный инфаркт. Я совсем потеряла голову от страха. Пробовала блокировать ЕГО телепатическую волну, однако не смогла – ОН слишком силен для меня. Все равно, что муравью воевать со слоном.

Странный звук нарушил тишину, в которой Вероника отстраненным голосом рассказывала о произведенном на нее нападении. Мисс Кэрролл, вздрогнув, посмотрела на меня. Я смутился и неловко пожал плечами – пресловутый звук был хрустом моих пальцев, которые непроизвольно сжались в кулаки.

– Пожалуйста, продолжайте, мисс Кэрролл, – извиняющимся голосом попросил я.

– Мистер Банев, прошу меня извинить, но я очень устала и...

– Мисс Кэрролл, я понимаю ваше положение – нападение, мнемоскопия, допрос, но все же прошу вас завершить свой рассказ, – настойчиво сказал я. – Это может быть очень важно.

Женщина тяжело вздохнула, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень усталости.

– Сомневаюсь, что смогу сообщить вам что-то новое. Я отрицательно покачал головой.

– Ошибаетесь, мисс. Сообщите. Мне важны не только ваши слова – но и ваш тон, интонации, ваши эмоции. Я хочу предельно точно оценить ситуацию, не списывая ее мелкие детали на испуг и воображение очевидца, каковым вы являетесь. Знаю я этих ребят из Бюро и Службы Инопланетного Барьера – практики у них не было уже более полусотни лет. Так, одной бюрократией занимаются – все дела на бумаге. Голые теоретики. Да и полиция Евроюниона никогда не имела дела с внеземлянами.

Вероника пристально посмотрела на меня своими колдовскими глазами и проговорила:

– Если вы не льстите себе, детектив.

– Я не лъщущу! – резко прервал ее я, вскакивая на ноги. – Я был в десанте. Я заплатил жизнями близких мне людей за роскошь быть тщеславным... Потом я провел семь лет в Далнем Космосе. Я знаю, о чем говорю. Я знаю, насколько опасен мир, который начинается за пределами земной стратосферы! Даже человек вне Земли меняется. Он становится другим – более хищным, злобным, более цепким и жадным до жизни,

до тех благ, которые есть в этой жизни... Как дорого мне пришлось заплатить за это знание.

Вероника опустила голову.

– Извините меня, детектив. Я... право не знаю, как могла я позволить себе подобную бестактность.

– Ну, что вы! Не нужно никаких извинений, мисс Кэрролл. Я понимаю вас, – разом успокоившись произнес я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно мягче. – Вам пришлось много перенести, и вы очень устали. Наверное, нам следует перенести беседу на другой раз.

– Нет-нет! – быстро сказала женщина. – Вы убедили меня. Я хочу рассказать вам все.

– Тогда продолжайте. Вы остановились на том, что Первый напал на вас и попытался убить.

– Хорошо... ОН неудовольствовался только тем, что едва не довел меня до искусственного разрыва сердца. ОН хотел действовать наверняка и для достижения этой цели предпринял попытку сжечь мой мозг... Это трудно описать словами. Сумасшедшая головная боль. Мозг словно кипит внутри черепной коробки, распирает ее и вот-вот взорвется, наполнив голову кошмарным кровавым месивом. Нет ни мыслей, ни образов перед глазами – только сумасшедшая испепеляющая боль. И еще страх. Жуткий сумасшедший страх. Все это сплошное сумасшествие.

Женщину буквально трясло. Пот крупными каплями катил по ее лицу. Она с такой силой вцепилась в больничную простыню, что кожа на сгибах суставов побелела. Ее чарующие цыганские глаза широко распахнулись. В них плескался затягивающий омут безграничного ужаса. Глядя на Веронику, я ощутил себя последней сволочью за то, что заставил ее пережить этот кошмар вновь. Но я действительно должен был выслушать это от нее самой. Хотя бы потому, что Росийскому департаменту КИВ нужен был мой доклад, а не копия рапортов, скажем, Службы Инопланетного Барьера.

– ...в отчаянии я нанесла ЕМУ свой удар – направленный пучок телепатических волн... не знаю, почувствовал ли ОН вообще эту попытку сопротивляться... А потом вдруг что-то ЕГО отвлекло. На мгновение ОН был вынужден ослабить свое внимание, выпустить меня из-под своего контроля, чтобы сосредоточиться на чем-то другом. Последним нечеловеческим усилием я разорвала контакт! уничтожила этот смертоносный ментальный канал. Это последнее усилие полностью опусто-

шило меня. Я потеряла сознание и очнулась уже рядом с вами, Виктор.

Внимательно вслушиваясь в ее рассказ и анализируя его, я настолько увлекся мыслями о инопланетных (а кого можно было подозревать еще?) агрессорах, что даже не сразу понял, что Вероника назвала меня по имени – не «мистер Банев», а «Виктор».

Услышанное сильно пугало меня. Догадки, весьма неприятные и влекущие за собой целый состав мрачных перспектив, роились в моем воображении, рисуя картины одна тревожнее другой. Смутные предчувствия, копошившиеся в мозгу дотолле, теперь многократно усилились, обзавелись материальной оболочкой. Я упер локти в колени и опустил па них голову.

Опасность.

Огромная опасность.

Я ощущал ее физически, каждой клеточкой своего тела.

Убийцы должны быть как можно скорее ликвидированы, иначе... А что, собственно говоря, «иначе»? Что мы вообще знаем об убийцах? Кто они конкретно? Какова преследуемая ими цель? Насколько враждебны их намерения?

За дверью послышались возбужденные голоса, тихо зажужжали приборы охраны и опознания – надежная, многократно сдублированная система безопасности «СЭЙВ-14», на которую можно положиться вернее, чем на самый дорогой страховой полис. Двери бесшумно отворились, и в палату Вероники ворвался Томас Грегор.

– Летим, Вик! Мы получили, наконец, мнемоскопические данные! Теперь-то известно, где следует искать этих космических ублюдков! В тот момент, когда Вероника Кэрролл... э, прошу прощения, мисс, в тот момент, когда вы вступили в контакт с ними, они как раз пересекали Честер-Сквер. Примерный район их дислокации нам известен. Местность уже оцепляется силами лондонской полиции. Молодчики из Службы Инопланетного Барьера подтягивают находящиеся в их ведомстве воинские формирования. Из Бюро прислали лучших агентов – бывших десантников, прошедших стажировку в Дальнем Космосе. Проклятым тварям готовится... как это по-русски... лисья яма.

– Волчья, – поправил я.

– Что?

– Волчья яма, не лисья.

– А! Какая разница! Мы устроим на них облаву, как на опасных бешеных животных... Кстати, ты будешь приставлен к награде. И вы, мисс Кэрролл, конечно же тоже. Едем, Вик!

Выпалив последнюю фразу, Том швырнул в меня сетчатую маску с широкими прозрачным сектором обзора. В том месте, где маска ложилась на лобные доли наблюдались большие выпуклости. Я поймал ее на лету и критически осмотрел – знакомая штука – шлем-антисканнер.

– Это специальная экранирующая шлем-маска для защиты от телепатического воздействия на высоком уровне, – коротко пояснил Грегор.

Я поднялся с больничного стула и повернулся к Веронике.

– Мисс Кэрролл, прошу меня извинить. Я должен покинуть вас.

Женщина понимающе опустила и подняла веки.

– Будьте осторожны, Виктор.

На этот раз я не пропустил свое имя мимо ушей. Признак внимания? В таком случае – гип-гип ура! Сохраняя внешнюю непроницаемость, я не удержался от соблазна продемонстрировать Веронике свой неотразимый профиль, после чего чопорно склонил голову и сказал:

– Постараюсь, мисс Кэрролл. Надеюсь, мы с вами еще встретимся. Отдыхайте и ни о чем не беспокойтесь. Здесь вам ничто не грозит. До свидания.

Следуя за Томом, я очутился на улице. Мы пересекли посадочную площадку Научного Центра и очутились у служебного флайера с гербом полицейского департамента мегаполиса. Детектив нырнул внутрь транспорта и извлек на свет бронекостюм – пластинчатую кольчугу из прочнейшего сплава фибергалста, который превосходил прочностью даже непридотитан. Я присвистнул – солидный костюмчик: такие надевают штурмовики из групп захвата, когда идут на особо опасное задание. За пределами Земли такие штуковины спасли жизнь не одному храброму парню, но здесь они, должно быть, хранились только в качестве музейных экспонатов. Похоже, не один только я высоко оценил потенциальную угрозу, скрытую в двух инопланетных существах.

– Надевай. Пригодится. Мало ли что, – пробурчал Грегор, протягивая мне эти рыцарские доспехи.

– Стал проявлять склонность к лаконичной манере излагать свои мысли? – поинтересовался я, принимая из его рук бронекостюм.

Грегор молча усмехнулся.

– Послушай, Том, а где твои латы? Детектив смущенно улыбнулся.

– Для меня такие штуки жутко тесны. Человечество мельчает, знаешь ли.

Я посерьезнел. Бронекостюм тяготил руки.

– Мужская солидарность, – произнес я, засовывая его обратно в флайер.

На лице Тома появилась раздраженная гримаса. Он нервно мотнул головой.

– Да брось ты, Вик. Это ребячество. Давай, натягивай и полетели. Время не ждет.

Я пристально взглянул на своего товарища. Угрюмое лицо здоровяка-полицейского отражало одну-единственную мысль, гвоздем засевшую в голове «ну теперь я его». У меня мыслью было куда больше, но таких бравых и уверенных – ни одной. В моей груди с момента разговора с мисс Кэрролл теснился неприятный холодок страха. Порой совсем не лишним бывает признаться себе самому, что ты чего-то боишься. Космос научил меня страху, и я никогда не позволял себе позабыть его уроки.

Еще раз взглянув на твердое, похожее на древнюю каменную маску великого героя-драконоборца, лицо Тома, я с трудом подавил завистливый вздох – иногда все же хочется быть таким же, самоуверенным, упрямым, плюющим на опасности. Но я – это я, а Томас Грегор – это Томас Грегор, тут уж ничего не поделаешь. Придя к столь мудрому умозаключению, я принялся облачаться в предоставленную мне полицией Евроюниона амуницию. Давненько я ничем подобным не занимался, но сноровки еще не потерял на все про все двадцать пять секунд, как и требовал когда-то сержант Писаревский, которого мы за глаза называли Франкенштейном.

Напялив на себя, или, лучше сказать, впихнув себя в фибергалстовую скорлупу, я немедленно ощутил себя Ланселотом, собирающимся в поход на дракона. Вот только копьё по руке еще подобрать. У короля Артура были Рон и Эскалибур, а что там Грегор присмотрел для меня? Заглянув в кабину флайера, я обнаружил лежащий на заднем сиденье старый, добрый десантный пулемет-пробойник с двумя короткими спаренными стволами. Оружие армейское, но никак не полицейское. Где Том его достал? И, главное, когда успел?

– Едем на войну? – без тени иронии спросил я, побарабанив пальцами по мощным спаренным стволам с широкими утолщениями пламегасителей.

– Можешь считать, что так, – хмуро ответил Грегор с усилием втискивая свою голову в узкий для этой цели экранирующий шлем.

– На. Это тебе.

– На колени мне упал тяжелый ребристый предмет. Я невольно вздрогнул, узнав знакомые очертания – короткоствольный пистолет-пулемет «инграм ту-биг-ту». Оружие достаточно мощное, чтобы разодрать в клочья взрослого человека одной очередью, крупный калибр и кучность боя сделали это оружие незаконным. Полиция не имела права использовать его в своих операциях. Определенно, Том имел кое-какие связи, и я начинал подозревать, что не совсем законные.

– Где ты взял все это снаряжение?

– Мой кузен заведует полицейским арсеналом, – усмехнувшись ответил детектив. – Да не бойся, Вик. Все законно. Инопланетные твари поставлены вне закона. Отдан приказ об их ликвидации. Разрешено применение оружия армейского типа.

– Ты представляешь огневую мощь этой штуки? – спросил я, поднимая «инграм» на уровень его лица.

– Приходилось стрелять как-то на стрельбище, – пожал плечами Том. – Впечатляет.

– Так вот, – поучительным тоном продиктовал я, – никогда не обращай с боевым оружием таким образом. Даже если оно стоит на предохранителе.

– Вик, ты говоришь, словно инструктор в полицейской академии. Эти интонации мне до боли знакомы.

– Значит вас еще чему-то в академии учат. Сделай ты такое на глазах моего сержанта, натаскивавшего меня в тренировочном лагере на Церцессе, он сгноил бы тебя на тренажерах и под ними.

Мои слова обидели воинственно настроенного детектива.

– Ну как же, мистер Десант... – пробормотал он себе под нос.

Я ударил его согнутыми пальцами чуть ниже ушной раковины, не сильно, но весьма чувствительно.

Перетащить его тяжелое, мускулистое тело на заднее сиденье оказалось делом весьма нелегким, но я с ним управился

довольно быстро. «Совсем молодежь не воспитанная пошла», – думал я, выводя флайер на воздушную трассу. – «Никакого уважения к возрасту и опыту!»

Придя в себя, Грегор какое-то время подавленно молчал. Потом раздалось его уважительное хмыканье, а вслед за тем офицер полиции Евроюниона подал свой голос:

– Впечатляет. Но тебе повезло, что поблизости не было ни одной камеры безопасности – иначе бы обоих задержали до выяснения обстоятельств.

– Прежде, чем ударить я огляделся, – сообщил я, пряча улыбку.

– Извини, Вик. Это у меня вырвалось случайно, – минутой позже извиняющимся голосом пробормотал Том.

– И ты меня. Никогда не думал, что подниму на тебя руку.

– Забыто.

Мы пожали друг другу руки, и инцидент был исчерпан.

– Ты ознакомился с данными мнемोगрафии Вероники Кэрролл? – спросил детектив, когда мы преодолели большую часть пути.

– Нет. Не было времени. У тебя есть с собой копия?

Грегор отрицательно покачал головой.

– Могу тебя ободрить, Вик, – ты не многое потерял, не ознакомившись с кошмаром мисс Кэрролл.

– Расскажи по-подробнее, – попросил я.

– По данным мнемোগрамм, полученным при глубоком зондировании мозга Вероники Кэрролл, выходит, что эта тварь... эти твари, я хотел сказать, тайные агенты высокоразвитой внеземной цивилизации, выполняющие здесь какую-то тайную и, без сомнения, враждебную человечеству миссию.

– Хочешь сказать, эти типы шпионы? – задумчиво спросил я. – Для этого они ведут себя уж слишком небрежно.

– Шпионы, резиденты, агенты – именууй их как заблагорассудится, – ответил Том. – В любом случае они представляют собой угрозу для нашего общества... Ладно, Вик, хватит пустопорожних разговоров! Что мы тащимся, как черепахи, дай-ка я перейду на ручное управление... Вот так! Полетели, надаем им обоим по заднице! Держись, перегрузка в десять «же»!

– Меня всегда качивает на воздушных ямах!

10. Опасность

Резидент со своей стороны тоже чувствовал опасность. Он физически ощущал ее.

Даже тупоумная Утроба чувствовала в воздухе враждебные флюиды и проявляла признаки беспокойства.

Их засекли. Среди аборигенов, оказывается, имелись исключительные особи, скорее всего возникшие в результате определенных мутаций, обладающие сравнительно высоким телепатическим потенциалом. Резидент досадливо сgrimасничал – он болезненно пережил допущенный промах – когда один из таких аборигенов-телепатов нащупал выставленный Утробой психоэнергетический экран, он, изрядно удивленный подобным случаем, дал квазибиологическому роботу команду снять все барьеры, намереваясь поймать дерзкого дикаря, исследовать его, дабы не иметь в будущем подобных «белых пятен» в знании представителей местной технологической цивилизации, и, в конце концов, уничтожить. План был прост и действенен и не мог не оправдаться, если бы какой-то тупоголовый абориген не отвлек резидента, едва не врезавшись в него на полной скорости на своем дурацком аппарате для перемещения по воздуху. Сейчас же контакт был разорван, и абориген-телепат, наученный горьким опытом, конечно же не осмелится больше использовать свои способности, чтобы не обнаружить себя. А ведь он получил информацию о нем и, главное, о его Миссии. Его нужно уничтожить! Непременно уничтожить. Но прежде необходимо сменить координаты местонахождения... если еще не поздно.

Опасность.

Огромная опасность.

Теперь, когда аборигены располагают некоторыми знаниями о нем, о его задании и, возможно, о последствиях выполнения этого задания для их примитивного общества, они направят все силы на то, чтобы помешать ему. Следует, невзирая ни на что, как можно скорее добраться до источника ядерной энергии и установить полностью вызревший, наконец, «нуль-переходник». Медлить нельзя. Как только канал в межзвездном пространстве будет открыт, Миссию можно будет считать завершенной – изменить что-либо будет уже невозможно. Что потом будет с ним и Утробой значения не имеет – Миссия превыше всего. От ее исхода зависит многое.

Планета идеально подходит для колонизации, терять ее было бы преступлением против собственного народа!

Резидент включил внутренний механизм левитации и, поднявшись на несколько футов в воздух, полетел над пластиковым покрытием тротуара (теперь он знал разницу между ним и пространством, отведенным под низкие воздушные трассы), похожий и чудовищный персонаж из фильма ужасов. Правда провести подобную аналогию было некому – экранизирующее поле Утробы действовало безотказно. Сам же монстр-робот мчался вслед за своим хозяином, стремительно перебирая бесчисленным множеством своих двигательных конечностей. Скорость перемещения была такова, что все контуры тела чудовища слились в торпедообразное, вытянутое размытое пятно.

Перемещаясь по воздуху, Резидент ни на мгновение не прекращал насыщать свой мозг информацией, используя для достижения этого раскинутую вокруг себя невидимую сеть ментальных щупальцев мыслеуловителей, многократно усиленных через мозг Утробы. Все сведения, заключенные в головах встречающихся на пути аборигенов быстро и безболезненно для них переключивались в необъятные блоки памяти Резидента, где, словно в сложном быстродействующем компьютере, она тут же анализировалась, сортировалась и использовалась для умозаключений.

И чем больше информаторов было просканировано Резидентом, тем больше становилась его тревога.

Аборигены спешно эвакуировались. Это значит, что его местонахождение на данный момент было установлено, пусть даже в приблизительных границах.

Быстрее! Как можно быстрее! Вся Миссия поставлена под угрозу! Провал недопустим!

Неожиданное открытие ошеломило Резидента – мысли большинства аборигенов стали непроницаемы для его мыслещупов! Испуганный потерей такого преимущества перед дикарями, Резидент собрал всю свою мощь, многократно усилил ее через Утробу и обрушил чудовищнейший по своей мощи удар – точно тяжелый молот копера на сваю – на одного из аборигенов, прячущих мысли. Этот страшный удар, сокрушительный и неотвратимый, способный разрушить и испепелить в один миг мозг тысячам подобных существ, смял защитный экран, оберегавший сознание аборигена, ворвался в его мозг все сметающей огненной лавиной, выжег и уничтожил все со-

держимое ничтожного мыслительного придатка этого жалкого полипа.

Нет! Он еще многое может! Они все еще бессильны против него! Тщедушные примитивы! Тягаться с ним – уникальным многофункциональным организмом, предназначенным для выживания в экстремальных условиях!

Но удары подобной мощи требуют огромных затрат энергии. Слишком большие ментальные усилия должны были быстро истощить его. Расправиться со всеми аборигенами подобным образом не представлялось возможным... не будь у них всех подобной телепатической защиты другое дело... Однако, он еще не до конца исчерпал свой оборонительный и наступательный потенциал!..

В ту же секунду сильный толчок в грудь отшвырнул Резидента назад. Огромная тяжесть невидимой многотонной гирей обрушилась сверху. Механизм левитации отказал перед давлением извне, антигравитационное поле, поддерживающее Резидента в воздухе исчезло, и он, ошеломленный на какое-то мгновение, распластался на земле, скованный неизмеримо усилившимся притяжением. Утроба, тоже придавленная незримым неподъемным грузом, яростно выла, квакала и рвала когтями пластик.

Аборигены упредили их! Они успели рассчитать траекторию их движения и расставить ловушку!

11. Взгляд через бинокль

Ловушка сработала безотказно! Векторные лучи установок силового поля накрыли оба иноземных существа. Чудовищное давление в тысячи атмосфер обрушилось на них, оборвало их стремительный бег и крепко припечатало к уличному покрытию. Великолепно! Направленное действие лучей-антисканнеров и парапсихологических гипнотайзеров разрушили экранирующее поле пришельцев, их стало видно.

Затаив дыхание, я рассматривал обоих, прижав к прозрачному смотровому сектору экранирующей маски чуть изогнутый корпус электронного бинокля.

Первый походил на человека. Или скорее на его жуткую нелепую пародию. Это безусловно бы гуманоид – две руки, две ноги, одна голова... Но, чтобы назвать его братом по разуму надо было быть очень низкого мнения о своей внешности – инопланетянин обладал очень сгорбленной длиннорукой фи-

гурой с непропорционально большой, как бы раздутой головой. Плеч, как таковых, у него не было – руки неуклюже торчали в стороны прямо из тела, словно лапы у крокодила, переламываясь в локтевых суставах. Бледно-серая, скользкая на вид кожа находилась в постоянном движении – она непрерывно пульсировала, шевелилась, под ней то и дело то вздымались, то исчезали какие-то бесформенные наросты и выпуклости. Но наибольшее количество мерзопакостных ощущений мне доставило созерцание хари инопланетного убийцы (язык не поворачивается, чтобы назвать это о б р а з о в а н и е на голове существа как-то помягче, например, мордой)... Я заклятому врагу не пожелал бы увидеть во сне такую... поганую рожу (нет, все-таки харю). Разве что мистеру Кавасаки и с неперменным условием – после обильных возлияний в честь Бахуса. Бедная Вероника!

Уж на что часто я имел возможность любоваться, мягко говоря, «несимпатичными» физиономиями других инопланетных братьев по разуму (если, конечно, таковой был в наличии), но это... Описать харю Первого инопланетного агрессора так, чтобы предельно полно передать ощущение из сплава отвращения, гадливости и ужаса, вряд ли удалось бы самому виртуозному мастеру пера: какие-то нелепые напласты плоти, выпирающие во все стороны бородавчатые наросты, прыщеподобные шишки, выросты, кустики мерзкой поросли, напоминающей свиную щетину – жуткий набор всевозможных уродств, тошнотворных «прелестей», скомбинированных сумасшедшим террор-дизайнером, специально рассчитанный на то, чтобы подымать волосы на голове у землян дыбом.

Не будь мой элегантный «ежик» столь короток, я мог бы подумать, что он сейчас скинет шлем-маску с моей головы.

Когда я решился перевести взгляд на второе существо, меня посетила неожиданная и весьма дельная мысль о том, что неплохо было бы иной раз иметь бракованный бинокль. По крайней мере в ночных кошмарах, приснившихся на полный желудок, на жуткую пару страшил и ужастиков было бы меньше. Эта тварь – более точного слова, чтобы ее назвать и не подберешь – состояла из четырех основных частей: головы – обросшего плотью многозубого капкана внушительного размера, бесконечного количества непрерывно шевелящихся конечностей всех форм, размеров и когтистости, огромного провисающего брюха и еще раз брюха.

Чтобы вообразить себе это чудовище, нужно взять все страховидла из низкосортных фильмов ужасов, страшных детских слов и воображения авторов книг в стиле «хороро» и помножить их на кошмары из наркотического бреда и головы параноика.

«Ежик» на моей голове определенно зажил собственной жизнью и шевелился так, словно хотел сорваться и дать деру вместе со скальпом.

Рядом со мной шумно сопел своим аристократическим носом детектив второго класса Томас Грегор. Его могучая нижняя челюсть отвисла едва ли не до самой груди, а выпученные по-рыбьи глаза формой и размером напоминали стекла очков-поляридов. Значит, даже он может быть не таким уж непоколебимым и невозмутимо-самоуверенным? С этой мыслью во мне пропал своеобразный комплекс неполноценности, и я ощутил духовное родство со всем человечеством.

– Внимание! Приступаем к ликвидации инопланетных диверсантов! – рывкнул из динамика флайера голос, который определенно не мог принадлежать человеку, носящему полицейскую форму.

Вне всяких сомнений, это был голос военного – эдакого бравого генерала-рубача, знакомого с навыками боевых действий не только по учебникам о тактике и стратегии.

СИБ – Служба Инопланетного Барьера – похоже подключила к делу находящиеся в ее ведомстве боевые подразделения. Грегор был прав, говоря насчет воинских формирований. Нет, не только один я стремился скорее переоценить, чем недооценить противника. Что ж, отрадно.

Дела назревали более, чем серьезные. С пришельцами не собирались миндальничать – ни слова о захвате, установлении контакта, изучении – ЛИКВИДАЦИЯ. Судорожно сглотнув, я опустил бинокль и взял в руки «инграм».

12. Утроба действует

Несмотря на критическую ситуацию, мозг Резидента работал ясно и четко. Он в доли секунды проанализировал обстоятельства и осознал, что лишен практически всех преимуществ, которые предоставлял ему перед аборигенами его универсальный организм. Даже спрятаться под силовым полем было невозможно – техника аборигенов прежде казавшаяся ему крайне примитивной все же кое-чего стоила. По крайней

мере, у них были антисканеры и ан-экранизаторы, а зная примерный район их локализации, туземцы могли нащупать аномальные отклонения в статистических полях и обнаружить их, или хотя бы определить приблизительные границы распространения экранирующего поля. Скрыться от них на таком близком расстоянии не представлялось возможным.

Бегство так же не казалось реальным – пока действует силовое гравитационное поле и установки аборигенов, посылающие направленные психоэнергетические волновые удары, которые беспрестанно долбили его защиту и ослабляли его, было невозможно воспользоваться способностью левитировать или же заставить организм работать на предельном ускорении, когда время застывает и одна короткая секунда растягивается в долгие минуты. Последнее, правда, чревато мгновенной самоликвидацией – шутки с временем опасны – но Резидент был готов не колебаясь применить этот способ, если бы тот только обещал хоть какой-то успех. Был еще один козырь – телепортация. Теперь, когда «нуль-переходник» был полностью созревшим, он мог бы использовать его излучения, но опять же давление силового поля и психоэнергетическая бомбардировка блокировали любую попытку заставить организм генерировать необходимый для этой сложной процедуры заряд энергии достаточной мощности, чтобы образовать антибиологическое перемещающее поле огромной интенсивности.

Таким образом выбора у него не оставалось – нужно было принимать навязываемый бой на условиях противника.

Их было только двое против целого сонма аборигенов, носящих статус воинов, но считать этих полипов бойцами, равными себе?!.. С Резидентом была Утроба – сложнейший боевой квазимеханизм, лучше которого в этой части Вселенной не сыскать.

Пришло время ей проявить себя во всей красе и мощи.

С трудом двигая огромной головой, Резидент повернулся к Утробе. Эластичная, растягивающаяся так, словно была сделана из резины, пасть монстра-биоробота распахнулась, обнажая свое приводящее в трепет многозубие. Оптические органы на выдвигаемых подвижных отростках вяло зашевелились, приветствуя контакт с хозяином. Резидент отправил короткий импульс-приказ.

И Утроба тут же приступила к его осуществлению.

В ее огромном гибком и подвижном, словно капля ртути, теле запульсировала чудовищная энергия; резервные силы –

запас, предназначенный именно для таких крайних, критических случаев – пробудились в ней, растеклись по всему организму, наливая стальные мускулы огромной неодолимой мощью, многократно усилили ее. Полуробот по-кошачьи мягко и упруго вскочил на свои бесчисленные ноголапы, с показной легкостью преодолевая навалившуюся на него тяжесть.

Полученный приказ был предельно короток и прост – добраться и ликвидировать источники силового поля и психо-энергетических волн.

Увеличив через пульсирующий энергией организм Утробы проникающие возможности своего мыслесканнера, Резидент быстро обнаружил их, с легкостью пробив не очень сильный экранирующий заслон, выставленный аборигенами. Полученная информация немедленно перекочевала из его головы к Утробе.

Получив приказ и координаты цели, Утроба начала ДВИЖЕНИЕ. Она мчалась к заданной цели, неслась стремительно и неотвратно – пущенная с силой пружина, скрученная из стальных неумолимых мышц. Воздух разорвал сухой треск и торопливое щелканье. Многочисленные очереди пуль, содержащих в себе ампулы с транквилизатором – уникальной химической субстанцией, не прекращающей реакцию со средой, в которую попала до тех пор, пока пораженный организм не будет погружен в бессознательное состояние, вонзались и вязли в гибком, эластичном, подобном кожаному мешку с ртутью, теле.

Несмотря на отданный приказ о ликвидации, люди хотели заполучить вземных агентов живьем. Это была очень ценная добыча, которая вполне могла круто изменить соотношение сил на Земле.

Глупая самонадеянность человечества! Она вполне могла ему выйти боком.

Остановить Утробу транквилизаторами было невозможно. Всякий раз, когда ощущение действия наркотика начинало сказываться на ней, она, ни на мгновение не прерывая стремительного ДВИЖЕНИЯ, перестраивала нервную систему своего организма, и подобранная было ключевая формула становилась бесполезной.

Стремясь помешать монстру добраться до установок, аборигены спешно увеличили давление силового поля. Скачки Утробы стали короче, отрывистей, дерганей, но тварь не прекратила своего неудержимого бега. И тогда по пустынной

улице злобно и визгливо хлестнуло протяжное и грозное «тра-та-та-та-та!», извергаемое из десятков стволов вкупе с градом смертоносных кусочков металла.

Пули хлестко врезались, вгрызлись в Утробу, Отбросили ее назад, перевернули, отстрелили несколько конечностей, но квазибиологический робот упрямо поднялся и новым рывком бросился дальше – к цели, которую требовалось уничтожить.

13. Конец утробы

Грегор что-то проорал мне на ухо, но его слова потонули в оглушительном грохоте поднявшейся со всех сторон пальбы. Я отрицательно помотал головой и крикнул: «Что?». Грегор отмахнулся и выскочил из флайера, держа в руках спаренный пулемет. На мгновение задержавшись, чтобы окинуть взглядом и оценить обстановку, детектив гигантскими прыжками помчался к установкам, делая большой крюк, чтобы не попасть под действие силового гравитационного поля.

По инфракрасному датчику, вмонтированному в приборную панель флайера, было видно, что чудовищное существо, беспощадно расстреливаемое со всех сторон, сплошь израненное, изрешеченное грохочущими выстрелами, движется туда, куда бежал Томас. Он хотел лично встретить тварь! Сумасшедший! Неужели он хотел этим что-то мне доказать?!

Полицейский остановился, поджидая тварь. Толстые пулеметные стволы пробойника неподвижно замерли, нацелившись в сторону приближающегося врага. Отрешенная решимость маской сковала его лицо. Массивная нижняя челюсть Тома агрессивно выступила на несколько сантиметров вперед. Всем своим видом детектив демонстрировал хладнокровную готовность собственноручно прикончить инопланетного монстра-убийцу.

«Он сумасшедший!» – думал я, выбираясь из флайера. – «Это же не съемки фильма о крутом бесстрашном полицейском!.. Мы ведь даже толком не знаем, с чем приходится иметь дело... Почему не используются энергетические лучевые установки?! Тварь нужно не расстреливать – сжечь! Испепелить! так, чтобы расплавилась даже зола! Только тогда можно будет быть уверенными, что она окончательно уничтожена! Жгите же, черт бы вас всех побрал! Жгите, чего же вы ждете?! Но нет... не будут. Кадавр! Ну конечно! им нужен кадавр – труп этой твари! Живучесть чудовища вкупе с его

сверхъестественными телепатическими возможностями делала его идеальным боевым организмом! Вот подарочек-то для военных, разрабатывающих биологическое оружие... И для этого они готовы пойти на такой риск! Безумцы! Неужели они готовы поставить на карту судьбу, быть может, всего мира, лишь бы положить под свои микроскопы это изодранное пулями существо?! Безумцы!»

Я тронул предохранитель «инграма». Сухой щелчок был неслышен в рвущей барабанные перепонки трескотне автоматов и пистолетов.

Несмотря на проливной дождь из свинца, чудовище, неудержимое, как допотопный паровоз, промчалось через всю улицу и очутилось, наконец, напротив гудящих от напряжения установок...

Когда кошмарная тварь вылетела из-за угла, Томас Грегор что-то воинственно рявкнул, пошире расставил ноги и, уперев приклад пулемета в бедро, нажал на курок. Десантный пулемет ожил и яростно забился в его ручищах, словно пойманный хищный зверек, выплевывая свинцовую смерть. Очередь горячим хлыстом стеганула по боку, разворотив плоть и выбив тонкие фонтанчики бледно-желтой не то крови, не то лимфы. Произведенные с близкого расстояния выстрелы вновь сбили тварь с ног, и вновь с неукротимым упорством какого-нибудь неуничтожимого зомби из архивной киноленты двадцатого века, она поднялась и прыгнула к установкам.

Живучесть твари поражала сверх всякой меры.

Ее расстреливали со всех сторон, вгоняли в нее пулю за пулей, кромсая, коверкая это могучее гибкое тело. Сплошь покрытое рваными ранами изувеченное чудовище, припадая на перебитых, простреленных конечностях, уже не бежало, а ползло, волочилось к установкам, оставляя за собой влажный след. Ее открытая пасть, битком набитая осколками раздробленных пулями зубов, извергала режущие слух квакающие звуки, от которых меня аж передернуло: маска от них не защищала – она была рассчитана на блокировку звуковых атак, но только на уровне инфразвуков – этот же концерт допустимого звукового порога не превышал и не мог принести существенный вред, поэтому звуковые фильтры его пропускали лишь слегка смягкая. Но, как бы то ни было, слышать его было невыносимо.

Монстр казался неистребимым. Его наштапиговали пулями плотнее, чем утку яблоками, но он неумолимо, с неотвратимо-

стью злого рока приближался к установкам. Бесчисленные раны на ее теле затягивались в считанные секунды, однако даже эта феноменальная способность регенерировать поврежденные ткани с непостижимой быстротой не могла соперничать с разрушительной мощью бесчисленных крупнокалиберных пуль. Не успевала тварь заживить рану, нанесенную одним попаданием, как в то же место попадали три новых пули, разрывая и коверкая мышцы, дробя на сотни осколков кости, перебивая сухожилия. Очереди долбили тварь, разбрызгивая вокруг нее крошево из перемолотой плоти. Я видел, что из четырех глаз, расположенных на длинных гибких щупальцах-отростках, уцелел только один – три других были оторваны и снесены выстрелами. Вместо головы осталось одно кошмарное многократно перебитое, перерубленное, расквашенное месиво из ошметков плоти и осколков костей.

Грегор оказался прямо напротив чудовища «Уходи-и-и!» – заорал я, срывая голос. «Инграм» в моей руке нервно взметнулся вверх, но сразу же опустился – для стрельбы угол был крайне неудачным. Сумасшедший Том подбежал к нему настолько близко, насколько позволяли ему границы силового поля. Пулемет полицейского отчаянно кашлял потоками пуль, ни одна из которых не прошла мимо цели. Невероятно! Инопланетное чудовище выдерживало выстрелы из спаренного десантного пулемета-пробойника! Грегор почти перерубил тварь надвое, но она все волоклась к установкам и не останавливалась.

Огромный широкоплечий, мощно сложенный Том Грегор стоял, подобно киношному супермену или древнему герою, вбивая смертоносный свинец в это чудовищное порождение больного сознания. Латы были на мне, но Ланселотом, конечно же, был Грегор! Я видел его лицо – детектив стоял ко мне полубоком – его губы кривились в зверской гримасе впавшего в неистовство берсеркера. С непоколебимым, граничащим с откровенным идиотизмом, упорством, Том не отступал перед тварью ни на шаг. Палец его, казалось, сросся с спусковым крючком. «Уходи, Том!» – кричал я, навскидку стреляя в существо. – «Меняй позицию, твою мать!»

Он определенно переигрывал, либо находился в состоянии аффекта!

Сунув «инграм» в кобуру, я побежал к нему, намереваясь оттащить парня подальше от разрешенного пулями чудовища, хоть это и обещало оказаться делом весьма нелегким.

Силой Грегор обладал немеренной, да и весил он едва ли не вдвое больше меня.

Движения инопланетной твари стали совсем медленными, неуклюжими. Почти не приподнимаясь с тротуара, оно едва-едва тащилось вперед, глухо подвывая в бессильной ярости, осыпаемое градом пуль, истерзанное, похожее на одну сплошную рану. Я вздохнул было с облегчением...

...Словно подхлестнутое невидимым бичом, тварь, фактически уже мертвая, распоротая, едва не расчлененная пулеметным и автоматным огнем, резко подпрыгнула на несколько метров вперед и вверх, вырываясь из-под довлеющего силового гравитационного поля. Это было невозможно! невероятно!..

«Почему не бьют энергетические установки?! Жгите! Жгите ее!»

...на мгновение она зависла в воздухе, прямо над Грегором – чудовищная уродливая клякса. Закричав, я прыгнул к детективу, неуклюжий в своем ланселотовом облачении. Увы, я не мог тягаться в быстроте с тварью, казалось состоящей из одного движения – она обрушилась на детектива сверху, обхватив, облапив его своими многочисленными когтистыми лапами. «Инграм» снова был в моей руке, но стрелять я не решился, опасаясь попасть в Тома, исчезнувшего под огромным эластичным телом твари. Я продолжал слышать рокот его пулемета. На спине твари образовались десятки рваных округлых следов от пулевых ранений. Грегор раскромсал ее надвое – я видел его плечо сквозь огромную прореху в плоти чудовища!

А потом уже было поздно... Пулемет замолчал. Мгновение – и монстр находился уже около установок, бушующая среди них и обслуживающего персонала. Но я не видел того, что там творилось – я ошеломленно смотрел на Тома... На то, что осталось от детектива второго класса Томаса Малькома Грегора. Изувеченное тело полицейского лежало на мостовой, согнувшись в неестественной позе. Залитые кровью и отвратительной бледно-желтой жижей руки Тома продолжали сжимать тяжелый спаренный пулемет-пробойник.

Том... Бедный парень! Я почувствовал, как лихорадочно запульсировала жилка на виске. Чего же ты ждал, Виктор Банев?! Чего ты ждал, Мистер Десант?! Я мог его спасти. Так же как мог спасти в свое время других близких мне людей. Арчи, Ольга, Наташа, теперь еще Том... молодец, Банев! Хороший, знаменитый детектив!!! Мозг вдруг стал кристально чистым – белое пламя жгучей ярости выжгло все мысли, кро-

ме одной – УНИЧТОЖИТЬ! Я снова вернулся на Марс, мистер Кавасаки надел новую маску. Что ж, посмотрим, насколько это его защитит... теперь я был куда более жесток.

... Оказавшись вне зоны действия гравитационного поля, изодранная в клочья тварь обрела поистине фантастическую подвижность. И это при том, что в ее теле сидело пуля как минимум на пару килограммов весом! Чудовище тенью, неуловимым размытым пятном металось от установки к установке, подобно демону разрушения, вырвавшемуся из-под печати Соломона. Его превосходящие крепостью сталь когти рвали и корезили металл, раздирали в кровавые лоскутья людей, работавших с установками и пытавшихся помешать монстру их уничтожить. Теперь использовать энергетические лучи, чтобы сжечь тварь было невозможно – они испепелили бы не только инопланетянина, но и персонал установок.

С ледяным хладнокровием, замешанном на душашей ярости, я разрядил в тварь всю обойму «инграма», потом выпустил запасную, метя все время в развороченную колоду головы. Пули входили в это месиво с голодным чавканьем. Бросив опустевший пистолет на землю, я подхватил пулемет Грегора – пальцы Тома до последнего цеплялись за оружие, так словно он еще был жив – и бросился прямо на тварь, на ходу вскидывая оружие и наводя стволы на цель. Пулемет чихнул сгустком смерти, а затем разразился тягуче-долгой очередью.

Выстрелы хаотично грохотали со всех сторон. Не знаю, каким чудом меня не пристрелили вместо чудовища – шальные пули свистели вокруг чаще, чем это было в моих марсианских баталиях. Одна с сокрушительной силой ударила в грудь, едва не сбив с ног. Бронекостюм выдержал, но ощущение было такое, словно меня лягнул в грудь самый огромный жеребец из когда-либо существовавших. Чтобы удержать равновесие, мне пришлось попятиться назад, беззвучно по-рыбьи разевая рот. С трудом сумев втянуть в себя глоток воздуха, я вновь бросился к инопланетному монстру. Я стрелял, стрелял, стрелял в проклятую тварь, убившую Тома! Стрелял почти в упор, без остановки, перехватывая раскаленным шквалом огня ее в прыжках, неотступно сопровождая горячими стволами пробойника ее движения... И она, наконец, упала. Ее стремительность вдруг исчезла, словно заторможенная каким-то «стоп-кадром». Медленно, нестерпимо медленно, прерывисто квакая, дергаясь при попаданиях, цепляясь за искорежен-

ную установку, отчаянно мотая единственным, чудом уцелевшим, глазом...

Пули превратили ее горловой мешок в решето, кваканье сменилось влажным бульканьем. Последний глаз уставился на меня пронзительным игольно-острым взглядом, в котором смешались боль и жгучая ненависть. Я почувствовал тупую нарастающую боль в висках, но ничуть не испугался – напротив, почувствовал какую-то пьянящую радость – тварь признала меня, именно меня своим личным врагом. «Это за тебя Томми», – прохрипел я, направив оба ствола на этот пылающий ненавистью глаз, и нажал на спусковой крючок.

Тугая долгая очередь распорола твари голову, в клочья разнесла шевелящийся отросток с глазом.

Тварь чуть привстала. Упала. Дернулась пару раз. Затихла.

Выстрелы смолкли. Разом. Словно кто-то отдал команду, хотя на самом деле никакой команды не было. Сомневаюсь, что вообще еще сохранилась какая-то дисциплина.

Хрипло втягивая наполненный гарью воздух – пылали, выбрасывая клубы удушливого черного дыма, установки – я опустил пулемет. Нестерпимо болела грудь...

ПРИМИТИВЫ!

То, что торжествовать победу еще рано, я понял за секунду до того, как...

Все произошло беззвучно и внезапно. Слепящая вспышка обжигающе-яркого малинового пламени (не энергетический залп наших лучевых установок!) всесметающим огненным потоком, обезумевшей голодной саламандрой, пронеслась по улице, испаряя пластик, испепеляя все, что оказалось у нее на пути. Она жадно пожрала трупы Тома и твари, сожгла и расплавила покалеченные остатки установок, на которых конвульсивно то вспыхивали, то гасли лампочки и светодиоды индикаторов и датчиков. В ничто, в кучку пепла превратились десять или двенадцать человек в военной форме с эмблемой СИБ на рукаве, задетые малиновым снопом. Это все произошло в считанные мгновения, в течение которых я, инстинктивно закрывая лицо руками, падал на мостовую в отчаянной попытке укрыться от всепожирающего пламени. Малиновая вспышка не задела меня, но легко отделаться все же не удалось – жаркий поток воздуха накатил гигантской волной, ошпарил, словно кипятком (на коже тут же вздулись волдыри от ожогов), подбросил вверх, несколько раз перевернул. Что-то с

огромной силой и скоростью врезалось в меня (должно быть взорвались установки, уцелевшие под натиском чудовища) – в руки, ноги, тело, голову – точно заряд картечи, нанеся десяток ударов, ушибов и бесчисленное множество мелких кровотокающих ран и порезов там, где тело не было защищено бронекостюмом. Особенно сильным удар, лишь слегка смягченный экранирующей шлемом-маской пришелся в голову. Сознание тут же начало ускользать от меня, поглощаемое жирным непроницаемо-черным чернильным пятном беспамятства, но прежде, чем окончательно отключиться, я успел еще почувствовать тяжелый удар при падении на пластик и палящую вспышку боли, молниенным зигзагом прошившую тело от ноги до головы. Вслед за тем – черное ничто.

14. Бегство резидента

Резидент с лихорадочной поспешностью перестраивал структуру своего организма, настраивая его на самостоятельное выполнение всех функций. Трансформация в новую форму происходила крайне медленно, несмотря на нетерпение и старания Резидента: все его силы ушли на то, чтобы перекачать в тело Утробы собственный резервный энергетический запас и на создание биоэнергетического поля-аннигилятора, которым были уничтожены многие установки, пережившие атаку квазибиологического робота. Разгон энергетических частиц и генерация заряда стали возможны для Резидента лишь после того, как Утроба сумела понизить давление гравитационного силового поля и вынести из строя большую часть установок, бомбардировавших его биоэнергетическими волнами.

Жаль, конечно, что могучим телохранителем-полуроботом пришлось пожертвовать, но иного выхода из ситуации он не видел. Это был единственный шанс спастись самому и спасти Миссию, поставленную на грань провала. Без Утробы действовать будет намного сложнее, его положение намного ухудшилось, но оно отнюдь не стало критическим. Почти все функции, которые выполняла Утроба, Резидент мог выполнять самостоятельно. Другое дело, что это потребует лишних расходов времени и энергии, однако, тут уж ничего не поделаешь.

Вырваться из ловушки ошеломленных его ответным ударом аборигенов и скрыться от них не составило для Резидента

особого труда. Их технологические средства слежения были все же крайне примитивны и не могли соперничать с возможностями его многофункционального сверхорганизма.

Алгоритм дальнейших действий быстро и четко выстроился в его мозгу.

Прежде всего ему необходимо было убрать аборигена, обладающего телепатическими возможностями, того самого аборигена-мутанта, который ухитрился войти в контакт с ним и Утробой и ускользнуть с полученной информацией. Его уничтожение не было мезьей или реваншем со стороны Резидента – для этого он слишком низко ставил представителей местной цивилизации. Это был вопрос безопасности. Опасную болезнь надо давить в корне, каким бы презрением и смехотворным он не казался. Неизвестно, что удалось упрятать телепату в своих блоках памяти. Вдруг он что-то узнал о его Миссии? Если аборигенам станет известным его задание (при условии, что это уже не случилось), они встревожатся и окружают все доступные ему источники ядерной энергии охраной и защитой, через которую ему без помощи Утробы пробиться будет крайне трудно. Конечно, Резидент мог пойти в достижении своей цели более простым и безопасным путем: лечь на дно, затаиться, создать ядерный реактор самому, но это долго, очень долго. К тому же, обнаружив, что аборигены обладают достаточной технологией, чтобы добиться расщепления атома, он сразу же приступил к выращиванию «нуль-переходника», который теперь приходилось все время подкармливать, удерживая в сонном состоянии. И потом, абориген-телепат все еще жив и, кто знает, какой сюрприз он еще сумеет выкинуть? Что если контакт с ним, Резидентом, стимулирует дальнейшее развитие его телепатического потенциала? Такое было вполне возможным.

Да, это было существенным упущением – недооценить возможности местных жителей! Но ведь все данные, полученные при зондировании сознаний ряда аборигенов и работе его внутренних биологических датчиков-анализаторов, свидетельствовали о том, что их мозг еще не достаточно развит – от силы на 13-15%, и не предрасположен пока к телепатическим возможностям. И все-таки он ошибся! В массе этих примитивных, несовершенных созданий нашлось одно уникально-исключительное, может быть даже мутировавшее, которое сумело использовать свои зачатки телепатического потенциа-

ла, чтобы вступить в контакт, с таким высокоразвитым созданием, как он (правда, с его же на то согласия)!

Каковы бы не были его дальнейшие действия, этот источник беспокойства должен был быть непременно уничтожен.

Необходимость вычислить координаты местонахождения загадочного аборигена не казалось Резиденту сулящей какие-то трудности. Ему было известно, где находился телепат в момент вступления в контакт. Разумеется, сейчас его там нет, но эти существа стремятся держаться непременно стаями, а поэтому одному должно быть хоть что-то известно о том, где находится другой и что с ним. Эта всеобщая информативность делала их весьма уязвимыми. Что ж, тем хуже для них самих.

Достаточно будет прощупать сознание нескольких аборигенов, крутящихся вокруг этого места и необходимая информация будет получена в полном объеме, если даже не с избытком.

Через какое-то время Резидент уже двигался по притихшим улицам Лондонского мегаполиса, целеустремленно и неуклонно приближаясь к зданию, в котором был расположен офис всемирно известного экстрасенса Вероники Элизабет Кэрролл.

15. Тревожные мысли

Сознание возвращалось медленно, оно нехотя вползало в голову, волоча за собой пульсирующий шлейф боли.

Скрипнув зубами, я перекатился на бок, чувствуя себя куда как более паршиво, нежели после памятного запоя восьмилетней давности. Ощущение было такое, словно я провел пару раундов с паровым катком, и явно не в свою пользу. Руки и ноги кровоточили, израненные угодившими в них осколками металла и пластика. Голова гудела и раскалывалась, подобно радиопередатчику от низкочастотных помех. Маска на ней превратилась в скомканный футляр из проволоки, стекловолокна и пластика. Нещадно царапая острыми углами кожу черепа, я стянул ее и, морщась, отшвырнул в сторону. Маска весело поскакала по мостовой. Проведя рукой по голове, я обнаружил, что местами мой элегантный «ежик» превратился в обугленную щетину, спаянную расплавившимся и остывшим пластиком. Повезло еще, что не припекло мозги как следует. Двигаться было очень больно – не только от многочисленных ран, но так же и от полученных ожогов. Волдыри,

местами пробитые кусочками металла и пластика набухали и лопались прямо на глазах. Паршиво. Впрочем, бывает гораздо хуже.

Кое-как распахнув пиджак, я с благодарностью посмотрел на бронекостюм, на котором не наблюдалось ни единой вмятины или хотя бы царапины.

После всех этих процедур, выявивших плачевное состояние субъекта, именуемого Виктор Банев, я сделал попытку подняться, но тут же был вынужден вернуться в исходное состояние, невольно издавая звуки, сходные с теми, что выводит своим неподражаемым контральто Клаудия Ширнер в оперетте «Плач у саркофага». Похоже левая нога была сломана. Весьма не утешительный вывод.

Через несколько минут здравый смысл окончательно вернулся в мою многострадальную брэнную оболочку. Это была очень приятная встреча. И, одновременно с этим – очень печальная.

Том... Я подавил тяжелый вздох, вызванный отнюдь не укусами боли. Детектив второго класса, Томас Грегор погиб. Мне было глубоко жаль этого простодушного гиганта с ребяческим поведением. Бедняга, он умер смертью, о которой втайне мечтает каждый – как герой. Но такой участи Том ни за что не заслужил!.. Я уже успел привыкнуть к нему... Сволочи в военной форме! ублюдки! Ведь могли же уничтожить, сжечь, аннигилировать инопланетное чудовище, прежде, чем оно добралось до... А-а, что толку! Разве можно теперь все изменить. Тома уже не вернуть, не воскресить. Даже похоронить и то нельзя – от детектива остались только молекулы, развеянные в пространстве.

Но тварь, которая его убила, я прикончил! Слышишь, Том? Я достал ее! Добил! Собственноручно! Я видел, как она подыхала, трепыхаясь в агонии с перемолотыми в кашу мозгами. Я не сводил с нее глаз до того самого мгновения, когда вспышка малинового пламени выжгла все на своем пути. Стоп! А второй инопланетянин? Что стало с ним? Эта вспышка, несомненно, его рук дело. Может он самоликвидировался, или же...

Я тронул радиопередатчик, вмонтированный в браслет часов. Бестолку, прибор был безнадежно мертв – расколот при падении. Из надломленного корпуса торчали зазубренные края микросхемок. А еще «ролекс»! Слаба импортная техника! Удивительно, но мой медицинский браслет так же был

сломан! Я еще раз поразился собственной удачливости – уцелеть там, где вышел из строя даже браслет медицинской помощи – предмет, который остается целым и невредимым в девяноста девяти катастрофах из ста! это чего-то стоит! Быть может кто-то там, на небе, приставил персонального ангела-хранителя к оперуполномоченному детективу Виктору Николаевичу Баневу?

– Ого! Да это же тот самый русский детектив?! – раздался над головой низкий добродушный голос с сильным ирландским акцентом.

Я поднял взгляд, чтобы рассмотреть лицо говорившего, но сначала ничего толком увидеть не удалось. Вернее, ничего, кроме усов. Это были заслуживающие внимания роскошные рыжие усы, лихо торчащие в стороны, подобно распушенным кошачьим хвостам, и заслоняющие собой все остальные черты лица.

– Эй, мистер, как вас там... Бан-неф, с вами все в порядке? – поинтересовался обладатель этих выдающихся во всех смыслах этого слова усов. – Держу пари, на миллион долларов вы себя не чувствуете. И не выглядите тоже.

Поразительная наблюдательность и любезность!

– Похоже я сломал ногу. Закрытый перелом, – сgrimасничав, ответил я. – Поможете мне доковылять до флайера?

– Конечно. Об чем речь? Давайте вашу руку. Так... Перекиньте ее мне через шею. Вот так. Отлично!

Кое-как добравшись с помощью рыжеусого полицейского до флайера, я тяжело рухнул на сиденье и закрыл глаза, отгоняя подступившую дурноту. Нога тупо пульсировала болью, посылая в мозг огненные стрелы-импульсы.

– Вы родились в сорочке, коли сумели уцелеть, когда ударила эта вспышка, – словоохотливо заметил полицейский.

Боль не позволяла внимать в смысл его слов. Открыв глаза, я отрешенно уставился на усача.

– Я говорю, повезло вам, – приняв этот взгляд за невысказанный вопрос сказал тот. – Вы находились как раз в зоне действия пламени. Готов спорить, ваша баньши уже прочищала горло, чтобы завывать погромче.

– Быть может, – кивнул я, усилием заставляя мозги работать. – А что с этими созданиями? Одно точно мертво, я лично набил его пулями по самое горло и видел, как огонь его накрыл, а вот второе?

– Гм... – смущенно пробормотал рыжеусый. – Оно ухитрилось уйти...

– Но мы найдем его! – поспешно добавил он, словно оправдываясь передо мной. – Обязательно найдем!

Я устало закрыл глаза. Да, найдете... Как же! Один раз повезло, а другой? Тот инопланетный агент, что уцелел, теперь, небось, впятеро осторожней против прежнего будет, а на помощь Вероники Кэролл рассчитывать не приходится. Я лично не позволю ей второй раз подвергать свою жизнь смертельной опасности!

– Вам плохо? Да что я спрашиваю, и так видно, что едва живой! Здесь орудует группа врачей. Подождите, я сейчас позову кого-нибудь из них.

– Спасибо, – поблагодарил я, не поднимая налитых болью век.

– Ну что вы?! Какие благодарности? Мы же с вами коллеги по работе. Обождите чуток, я мигом!

Оставшись на некоторое время в полном одиночестве, я попытался расслабиться и отвлечься, но в голову упорно лезли одни тревожные малоприятные мысли. Гибель Грегора тяжелым грузом гнула плечи. В его глупой, нелепой смерти я находил свою непосредственную вину. Ведь мог же, мог спасти его! Мистер Десант... На душе было очень паршиво. Если вдуматься – никто иной, как я подвел его под бросок инопланетной твари. Мое чванливое бахвальство службой в десантном корпусе сподвигло его совершить «подвиг», чтобы доказать... что-то доказать мне. Но даже тогда я мог предотвратить его смерть! Я мог остановить его. Сколько можно брать загубленных душ на свою совесть? Даже Вероника Кэролл пострадала по моей вине!.. Как все это похоже на Марс! Далекий кровавый бог войны снова дотянулся до меня своими грязными лапами, снова поставил себе на службу.

Внезапно я вздрогнул, ужаленный мелькнувшей вскользь мыслью о Веронике. Дурак! Как просто и безответственно глупо сидеть и обвинять себя в том, что уже нельзя изменить, когда надо действовать, чтобы предотвратить то, что еще не поздно. Время думать и действовать, а не лить слезы на фибергалстовую жилетку! Вероника Кэролл обнаружила обоих инопланетных агрессоров благодаря своим сверхчеловеческим способностям, и в результате едва не погибла. Что если сбежавшее чудовище предпримет попытку закончить начатое и устранить-таки опасного ему противника? Во всяком случае

я бы именно так поступил! По словам Вероники обе инопланетных твари обладали сверхтелепатическими возможностями, а значит вычислить ее нынешнее местоположение для уцелевшего инопланетянина не составит большого труда, ведь далеко не каждый в многомиллионном Лондонском мегаполисе носит сейчас экранирующую маску!

Мне стало холодно и как-то неуютно при одной только мысли о том, что этой удивительной женщине угрожает реальная опасность. Надо сказать, по отношению к мисс Кэрролл у меня возникли определенные... гм-гм... симпатии.

Я вспомнил страх Вероники перед НИМ. Жуткий, животный страх. Ее нужно защитить! Я не прошу себе, если еще один человек погибнет по моей вине!

Следовало, конечно же, сообщить о своих опасениях полиции, но разве голые предположения, пусть и имеющие под собой реальное обоснование, будут иметь вес? Понятное дело, меня внимательно выслушают, покивают понимающе головой и в конце концов заявят, что все необходимые меры будут или уже приняты. Мисс Кэрролл тщательно охраняют. Ее палата снабжена специальной аппаратурой, предохраняющей от возможного телепатического нападения... Но после того, что я видел буквально несколько минут назад, когда инопланетянина-монстра едва ли не в упор расстреливали из сотни стволов всех калибров, и никак не могли убить... Нет, мы все-таки недооценили внеземлян! Нот они, плоды тихой безмятежной жизни! Горькие плоды.

Если сейчас обратиться в полицию, СИБ или ФБОЧ, то скорее всего не будет никакого толка; они медленно раскошегариваются, будут упрямо упираться на то, что Веронику надежно охраняют, что у инопланетного агрессора и без того хлопот полон рот – проблема номер один для него сейчас скрыться от полиции Европейского Союза, Службы Барьера, Федерального Бюро.

Нет! Нужно действовать самому! Пока с Первым не покончат я не должен отходить от Вероники. Необходимо будет убедить ее принять помощь местного департамента Комиссии по Инопланетным Ведомствам. Это учреждение, в отличие от тех же ФБОЧ и СИБ, частенько имеет непосредственные и далеко не всегда безопасные контакты с внеземными формами жизни. Люди там более подготовлены, более серьезны, более ответственны. Другие комиссии, службы, ведомства слишком оторваны от Космоса, они привязаны к Земле, к ее делам и

событиям. Все! Хватит размышлять! Надо действовать! И немедленно!

Я протянул руку к пусковому жетону. Флайер вздрогнул и начал подниматься в воздух, выбирая свободную воздушную трассу. Сирены его ожили, насилуя слух своими пронзительными воплями.

Боль сводила с ума, мешая думать и двигаться. Я даже подумал о том, чтобы вернуться и дождаться помощи врачей, но был остановлен мыслью о восстановительной терапии, на которую меня, конечно же, направят. Если бы не сломался браслет! И тут я вспомнил – аптечка! старая добрая аптечка, которая должна быть в каждом транспортном средстве. Нет, определенно, удар по голове здорово перетряхнул мои мозги. Забыть элементарное! Морщась от боли, я протянул руку и вскрыл внутренний багажный отдел, где – ура! лежал плоский белый пенал с красным крестом на крышке. Укол обезболивающего в ногу прямо сквозь штанину принес мне несказанное облегчение. Последующие уколы в различные другие части тела окончательно избавили меня от мук. Боль утихла, замерзла, скрючилась.

Подождав, пока действие лекарства наберет полную силу, я шумно выдохнул воздух из легких и включил передатчик, настраивая его на нужную частоту.

– Говорит оперуполномоченный детектив Банев. Мой личный код 2120047-LX-черный. Немедленно свяжите меня с мистером О'Харой. Настоятельно прошу вас поторопиться. Дело не терпит отлагательств.

16. Последняя схватка

Действие обезболивающего начинало проходить. Морщась и кусая губы, чтобы удержать рвущийся наружу стон, я с трудом добрался до лифта и поднялся на нужный этаж клиники Научного Центра Изучения Возможностей Человеческого Мозга. Припадая на сломанную ногу и распугивая своим всклокоченным, опаленным и измочаленным видом медсестер и врачей я побрел по длинному светлому коридору, опираясь о стену. Несколько раз меня окликали на пути к палате, где лежала Вероника, и спрашивали, все ли со мной в порядке. Риторические вопросы! В ответ я кивал головой и продолжал свое вдольстеночное перемещение. По дороге я задержался лишь два раза – первый, когда ввалился в кабинет к пожилой

женщине-терапевту и нагло конфисковал несколько шприцов с наркотическими веществами, притупляющими ощущения, а второй – при встрече с каким-то маленьким сухоньким старикашкой в просторном белом халате на несколько размеров больше, чем надо бы. Старикашка оживленно жестикулировал тонкими, похожими на хворостинки или лапки крупного насекомого, ручками и пытался выдворить меня из клиники, упирая на мое антисанитарное состояние, с которым нельзя посещать больных. Лишь демонстрация моих документов вкупе с грозным видом вернувшегося с боевых действий ветерана уgomонили его пыл. Плетясь дальше, я еще долго ощущал на своей спине его негодующий возмущенный взгляд.

Доковыляв до палаты Вероники, я столкнулся с пестрой компанией сосредоточенных мрачных мужчин, из которых мне был знаком лишь один – рослый плечистый тип с скуластой физиономией, облаченный в серый пиджак. Одно его присутствие ясно давало понять, что рассчитывать на радушное приветствие мне нечего. Трое других носили формы разного цвета и покроя – это были специально отобранные агенты трех разных спецслужб, конкуренты, выполняющие одну и ту же работу. Забавно. Первый был облачен в темно-синий костюм Службы Инопланетного Барьера, второй – зелено-коричневую, близкую к защитному цвету форму Федерального Бюро Охраны Человечества, и третий – фиолетовый с серебром мундир Европейского департамента КИВ.

При моем появлении все четверо синхронно поднялись на ноги, с шумом отстранив стулья. Пистолеты появились в их руках, как по волшебству. Неплохая подготовка.

Подобравшись поближе, я заметил на их головах легкие обручи-антисканнеры – последняя техническая разработка, выпуск которой еще даже не был поставлен на конвейер.

Поскольку я приближался весьма медленно и в руках моих не было видно оружия, ни один из агентов не был уверен в том, как ему надлежит действовать – их пистолеты были направлены на меня, но стрелять, к счастью, никто не осмеливался.

– Ни с места! – приказал человек в форме Федерального Бюро. – Поднимите руки!

Тон был непреклонным, и я не посмел не подчиниться. Правда, подняв руки, я тут же потерял точку опоры и едва не упал. Стволы пистолетов, стерегущие мое движение, грозно

дрогнули, но выстрелов не прогремело. Слава Богу! Наверное у меня и в самом деле добросовестный ангел-хранитель.

– А-а, это вы, детектив! – протянул Серый Пиджак, узнав во мне своего старого знакомого.

– Он самый, – кивнул я, – Можно мне опустить руки? У меня сломана нога, трудно стоять, ни на что не опираясь.

– Мы медицинскую помощь не оказываем, – буркнул он, но пистолет все-таки опустил.

Остальные агенты нехотя последовали его примеру. Последним опустил свое оружие служащий КИВ.

– Хочу вас сразу предупредить, – необыкновенно учтивым голосом, в котором отчетливо прослушивалось злорадство, заявил Серый Пиджак, – что к мисс Кэрролл нельзя... тем более в таком неприглядном виде.

Его тон говорил сразу о двух вещах: он меня крайне не любит, это раз, и к Веронике не пропустит, это два. О том, чтобы переубедить этот пучок мускулов в сером пиджаке не приходилось и мечтать. И все же я попытался.

– Послушайте, я оперуполномоченный детектив из...

– Ну и что, – выбросив всяческую любезность из своего голоса, грубо перебил меня Серый Пиджак. – Детектив из России в конце концов не президент.

Чванливый самодовольный болван! Таких, должно быть, выращивают на специальных фермах! Мое негодование, наверное, как-то отразилось на лице, потому что Серый Пиджак, явно стремясь подлить масла в огонь, изрек:

– Пойдите и поищите симпатичную медсестру, она скрасит ваше одиночество, а заодно и вернет вам благовидный вид. Не беспокойтесь, у вас здорово получится заинтересовать ее. Я уверен в этом.

Надо же как высоко ценятся мои таланты!

– Вот как? – вяло улыбнулся я.

Парень в форме Службы Инопланетного Барьера открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но не успел.

– Именно так, – непреклонно изрек Серый Пиджак.

– Послушайте, ребята, – безнадежно произнес я, улавливая в своем голосе хриповатые нотки глухой ярости.

Я чувствовал, как подсознательная бесформенная тревога все сильнее разрастается во мне, расплзается внутри головы во все стороны, смешивается с досадой и раздражительностью, переплавляясь в одно жгучее, побуждающее действие.

вать и действовать немедленно, грубо, жестоко и эффективно, желание.

Знакомое чувство. Знакомое желание. До боли знакомое. Перестать рассуждать, думать, соотноситься с правилами, с моралью, с логикой – действовать!

Я сделал над собой чудовищное усилие, собирая воедино рассыпающиеся крохи терпения и здравомыслия.

– У меня есть предписание от Грогана О'Хары, главы оперативного отдела Европейского департамента Комиссии по Инопланетным Ведомствам – доставить мисс Кэрролл в конспиративную квартиру, защищенную должным образом.

– Постойте-ка, мистер! – подал голос агент в фиолетовой с серебром форме – высокий атлетически сложенный парень с мягкими кошачьими движениями. – Я не получал никаких указаний от мистера О'Хары. Сдается! мне, вы вешаете нам на уши лапшу.

Пистолеты вновь угрожающе качнулись в мою сторону.

Я разом напрягся. Бюрократические проволочки? Исключено! Но неужели инопланетянин ухитрился каким-то образом перехватить приказ О'Хары своему агенту?! Чушь!

Не может этого быть?!

– Как бы то ни было, – вступил в разговор служащий Федерального Бюро. – Комиссия не имела права принимать какие-то решения относительно безопасности мисс Кэрролл без ведома Бюро и этих.

Он пренебрежительно мотнул головой в сторону темно-синего костюма.

– И потом ваш внешний вид никак не внушает доверия. Боюсь, нам придется задержать вас до выяснения обстоятельств.

Серый Пиджак злорадно осклабился и шагнул ко мне, протягивая свою лапищу.

И тут запас моего терпения показал дно. Словно лопнула какая-то перепонка в мозгу, отделяющая нормальное программируемое рассудком поведение от импульсивного, вызванного ситуационностью обстановки. Так было на Марсе! То же самое я испытал, стоя над телом старины Арчи. Я даже сам не успел осознать, как начал действовать. Обе руки производили манипуляции независимо друг от друга, но взаимосвязано. Левая прыгнула вперед, пальцы ее сжались в кулак, предплечье пришло в движение, закручивая кисть. Правая с той же стремительной быстротой отпрыгнула назад, к бедру,

усиливая удар и одновременно приближая кисть к кобуре с пистолетом-парализатором («инграм» и пулемет остались на поле боя с первой тварью, что, впрочем, было к лучшему – заставить себя стрелять в агентов правительственных служб из боевого оружия я бы не смог). Безукоризненно выполненный цуки. Мой инструктор рукопашного боя мог бы мной гордиться.

Пущенный с сокрушительной силой кулак угодил Серому Пиджаку в челюсть. Несмотря на все мое отрицательное отношение к этому парню, я высоко оценил его рефлекс: совершенно не ожидая атаки, он все же успел отреагировать на нее – опустил голову на грудь, защищая подбородок, вскинул руки, одну на уровень живота, другую чуть выше, качнулся в сторону, уходя с линии удара. Но все же он опоздал. Всего лишь на какую-то долю секунды – и моя левая достала его. Крепко. Так, что острый болезненный шок кинжалом прошел сквозь руку от кисти до локтя. Ноги Серого Пиджака еще только начали подгибаться, когда я уже выхватил парализатор.

Однако парни в разноцветных формах отреагировали не менее быстро. Пистолеты, так и не спрятавшиеся в кобуры с момента моего появления, взметнулись. Но только два. Агент Службы Барьера, едва только я заехал Серому Пиджаку по физиономии стремительно вертанулся на каблуке и с силой впечатал подошву своего ботинка мне в грудь, после чего сразу же отклонился в сторону, чтобы не послужить мне своеобразным живым щитом. Очень технично выполнено. Но не совсем верно в ситуации, когда приходится работать с непроверенными партнерами. Два других агента, не ожидая такой предусмотрительности от своего коллеги, сами сместились в сторону, чтобы стрелять в меня, потеряв тем самым то мгновение, которое он для них выиграл. Падая, я успел всадить в него две ампулы с транквилизатором, прежде, чем они успели нажать на курки.

В следующую секунду два крупнокалиберных пистолета оглушительно рывкнули – несколько пуль едва не вмяли фибергалстовые пластины бронекостюма мне под ребра. Воздух напрочь вышибло из легких. Превозмогая боль, я перевел пистолет на сотрудника КИВ и дважды дернул спусковой крючок. Тот нелепо взмахнул руками и аккуратно сложился пополам. Парень в темно-синей форме моментально проанализировал и оценил ситуацию – поняв, что на мне бронежилет и

стрелять в корпус бессмысленно, он выстрелил, целя в голову. К счастью, мгновением раньше я успел поднять свою левую руку, инстинктивно закрываясь ею от изрыгающего смерть пистолетного ствола. Пуля пробила мышцы и, очевидно, срекошетив при ударе о кость, ушла в сторону. Странно, но боли при попадании я не почувствовал – только тупой удар. Должно быть, мой мозг перекормился на сегодня болевыми импульсами, и наступил болевой шок. Мой пистолет глухо хлопнул, отвечая своему более смертоносному и менее гуманному собрату. Агент ФБОЧ шумно выдохнул и бессильно повалился на своих коллег-конкурентов.

Кое-как мне удалось подняться с пола. Кровь из простреленной руки хлестала ручьем. Действие обезболивающего еще сказывалось, да еще шок – боли не было. Вспышка ее, заставившая меня корчиться при попадании в бронекостюм, почти сразу утихла. Оставалось только неудобство сковывающее движения. Тем не менее, я не собирался истекать кровью до тех пор, пока не упаду без чувств. Пустив в ход здоровую руку и зубы, я крепко перетянул левую руку повыше локтя обрывком собственного рукава. Коридор, насколько я мог видеть, был пуст: поднятая нами стрельба разогнала по углам весь персонал клиники, к которой вне всяких сомнений на всех порах спешит армия полицейских, агентов всех мастей и военных.

Неуклюже подняв пистолет одного из мирно почивавших охранников, я шагнул к дверям, с удовлетворением ощущая приятную тяжесть настоящего боевого оружия. И тут же выругался во весь голос – они были заблокированы. Ну конечно! Как я мог забыть! «СЭЙВ-14», система безопасности! Едва началась перестрелка, она тут же отреагировала и полностью заблокировала доступ в палату Вероники, превратив ее в своего рода укрепленный бункер, обшитый металлическими листами, которым ничего не стоило выдержать попадание гранатомета!

Какое-то время я тупо смотрел на заблокированную дверь, а потом обессилено опустился на пол и сел, вытянул ноги, привалившись спиной к стене... Затмение прошло, ярость схлынула. Я чувствовал себя полностью опустошенным. Может быть, это маленькое кровопускание – я посмотрел на руку – прочистило мне мозги? Идиот! Что же я наделал?! Ворвался в медицинское учреждение, устроил перестрелку с правительственными агентами. Чего теперь ждать? Сейчас прибудет полиция, на меня наденут наручники, отвезут в участок. От-

туда я, скорее всего попаду в клинику – восстановительная терапия и все такое прочее. Затем будут психологические тесты, проверка на профессиональную пригодность и на этот раз мне уже не удастся отвертеться от диагноза «неконтролируемая агрессия» и, как следствие, будет отставка. Великолепно для одного дня! Том погиб, Веронику я так и не увидел, сам остался едва жив, да еще и с малоприятными перспективами на будущее и плюс ко всему загубил карьеру трех в общем-то неплохих агентов (Серый Пиджак не в счет) – как теперь к ним будет относиться начальство, если они не смогли вчетвером остановить одного израненного измученного человека, правда облаченного в фибергалстовый бронекостюм. Чего я добился устроив это побоище? А ведь нужно было всего только подождать. Даже если приказ, отправленный Гроганом О'Харой был каким-то образом перехвачен, сюда должны были с минуты на минуту подоспеть высланные им агенты Комиссии. Глупо! Как все глупо! Деградируете, Мистер Десант – процесс мышления вытесняется кулачными рефлексам!

Неожиданный звук привлек мое внимание – металлическая пластина сантиметровой толщины, бронировавшая дверь, медленно отъезжала в бок. Но это было невозможно! Система безопасности «СЭЙВ-14», начав операцию по обеспечению сохранности индивида прекращала ее лишь после ввода специального кода, доступ к которому имеется лишь у высших чинов служб правоохраны и защиты.

Я почувствовал, как у меня пересохло во рту. Это могло означать только одно...

Ударом плеча отворив дверь, я ввалился внутрь.

– Мисс Кэролл!

Бах! Бах! Бах!

Я ощутил два мощнейших удара в грудь, а потом с секундным опозданием еще один, в плечо. Моя грудная клетка должна была превратиться в сплошной синяк! Пули, вновь принятые на себя бронекостюмом, подбросили меня вверх и ударили об косяк так, что едва не вытряхнули из головы сознание. Сломанная нога взорвалась вулканом адской боли, дала знать о себе и рука, но позволить себе такую роскошь, как сползти в черную пучину беспамятства или скорчиться от боли я не мог. Превозмогая боль, я вяло пытался подняться на потерявших силу ногах, когда резкий окрик остановил меня:

– Не двигайся, приятель! Иначе следующую пулю схлопочешь промеж бровей!

Откуда-то из-за больничной тумбочки выскочил неизвестно каким образом там умещавшийся парень в фиолетовой с серебром форме КИВ. Он был великолепно сложен и гибок, как пружина.

«Правильно», – отстранение подумал я, глядя в черное отверстие, зияющее в стволе большого черного пистолета-пулемета, немногим уступающего «инграму». – Еще один охранник был внутри палаты – непосредственно рядом с подопечным. Я многое упустил... Стареешь, Мистер Десант! Слишком много ошибок, просчетов, допусков! А вот этот парень сработал правильно, грамотно, профессионально. Не будь на тебе бронекостюма – беседовал бы уже с архангелами... или с чертями?»

– Виктор?! Не стреляйте, Алекс! – вскрикнула Вероника, бросаясь ко мне из самого дальнего и наиболее безопасного угла. – Это детектив из России, он...

– Мисс Кэрролл, стойте! Немедленно отойдите назад! Мне поручена ваша безопасность, и я здесь решаю...

– Заткнись, приятель! – прохрипел я, сопровождая свою реплику натужным кашлем. – Немедленно проверь систему безопасности! Почему не работают дублирующие схемы? Обрати внимание на исправность антисканнеров – своего и Ве... мисс Кэрролл. И торопись! торопись, потому что...

Мне в свою очередь договорить тоже не дали.

– ПРИМИТИВЫ, – прошелестело по палате. Или это прозвучало только в моем сознании?

– Черт! – выкрикнули мы одновременно с агентом КИВ, напряженно оглядываясь по сторонам.

Раздался громкий хлопок. От пульта управления системой безопасности повалил дым, сыпанула горсть зеленоватых искр. Датчики суматошно заморгали. «Почему не действуют дублирующие системы «СЭЙВ»?!» – билась в голове одинокая мысль. – «Почему?»

А потом мы увидели ЕГО. Вселенная и звезды! Вблизи это чудовище внушало в стократ большее отвращение и ужас, нежели при взгляде через бинокль.

«Похоже на дешевое кино!» – мелькнула в сознании нелепая и абсолютно лишняя мысль, в то время, как рука совершенно независимо от команд головного мозга поднималась вверх. Годами отработанный рефлекс, доведенный до автоматизма. То же движение, только намного быстрее выполнял и

парень, названный Вероникой Алексом. Я видел, как дрогнул на спусковом крючке его палец.

НЕВОЗМОЖНО ПРОИЗВЕСТИ ВЫСТРЕЛ – неожиданно прозвучала властная жесткая команда внутри моего черепа.

И рука послушно прекратила движение, замерла, словно манипулятор внезапно отключенного робота. Да что там рука! Я не мог шевельнуть ни единым мускулом, превратившись в думающую живую восковую фигуру! С Алексом произошло то же самое, несмотря на антисканнер, охватывающий его голову. Невероятно! Неужели это создание обладает подобной телепатической мощью?! ОН подавил сознание, не обратив внимания на предохраняющую его защиту! А впрочем, почему подавил? Я могу думать – не могу только двигаться. Элементарно – он взял под контроль нервную систему. Сигналы моего мозга и мозга Алекса просто-напросто не доходят до рецепторов! ОН точно марионеток за нитки, держит нас, «ухватив» кончики наших нервных окончаний.

Понимать, осознавать, чувствовать и быть не в силах что-либо предпринять – Боже! какая это мучительная пытка! И вдобавок ко всему я собственноручно уложил четырех агентов, которые могли бы нам как-то помочь!

КОНЕЧНОСТЬ ОПУСКАЕТСЯ

Ствол моего пистолета медленно пошел вниз. Напрягая всю свою волю, я пробовал сопротивляться инопланетнику, но все бестолку. Мне казалось, что мои нервы скручиваются в тугие клубки и лопаются, один за другим, словно гнилые нитки. Безрезультатно! Если ОН и почувствовал мое сопротивление, то оставил его без всякого внимания, либо подавил его мельком, мимоходом, шутя.

ПАЛЬЦЫ РАЗЖИМАЮТСЯ

«Нет!» – мысленно кричал я, но собственная кисть не обратила на этот отчаянный протест ровно никакого внимания. Пистолет упал на пол. Секунду спустя с глухим стуком упал пистолет Алекса.

«Неужели все?! Неужели это конец?! Но почему?! Это несправедливо! Это нечестно!.. Или мне воздается по заслугам? Но Вероника, Алекс, почему должны умереть они?!»

Инопланетный агент медленно повернул голову в сторону Вероники. Его фасеточные, похожие на стрекозьи, глаза холодно блестели, отражая мягкий свет, исходящий от ламп. Женщина, которую я так рвался спасти, должна была умереть

на моих глазах, и я даже не мог опустить веки, чтобы не видеть этого.

Глядя на Веронику с бессильным отчаянием, я внезапно заметил, как в ее необыкновенных черных глазах вспыхнул колдовской огонек, крохотная рубиновая искорка в черных зрачках! Она ударила ЕГО! Ударила его, используя свою ментальную силу, свою сверхъестественную способность! Удар Вероники был столь внезапен, что ОН, не ожидавший подобного нападения был захвачен врасплох! ОН успешно справился с нашими телами, но сознания не были ему подчинены: мы с Алексом, вооруженные тренированные Люди оказались абсолютно беспомощны против его мощи, но оружие Вероники крылось в ее голове. Зная, что она телепат пришелец все же слишком низко оценил ее способности, и это было его огромной ошибкой. Ошеломленный нападением экстрасенса, ОН вздрогнул, на мгновение ослабил контроль, выпустил нервы-ниточки...

Понятие времени исчезло. Все дальнейшее произошло молниеносно и синхронно – лейтмотив стремительных действий.

Ответный удар настиг женщину – антисканнер лишь смягчил его, но не предотвратил. Вероника вскрикнула, пошатнулась, глаза ее закатились, и она безжизненно начала падать.

Одновременно с этим я присел, чтобы подхватить пистолет.

Мои пальцы только сомкнулись на рубчатой рукоятке, когда Алекс уже выпрямлялся, вытягивая вперед руку с оружием.

...Вероника, падая, ударилась головой о ножку кровати...

...стремительный рывок, палец тянет спусковой крючок, по медленно, нестерпимо медленно...

Мысль безусловно быстрее движения, но...

БРОСЬ...

БАХ!

Первым выстрелил Алекс. Его рефлексам я мог только позавидовать. Фасеточный глаз вземлянина лопнул, разбрызгивая полупрозрачную желеобразную слизь.

Уродливая харя пришельца качнулась в сторону агента Комиссии.

Я навел пистолет и уже нажал на курок раз, затем другой...

БАНГ!

Пистолет судорожно дернулся, выбросив язычок пламени и раскаленный металлический цилиндр, несущий смерть. Потом еще раз, с опозданием на долю секунды.

БАНГ!

Обе пули вошли ЕМУ меж глаз, выбив россыпь тяжелых капель бледной лимфы. Но ОН все же успел достать Алекса – глазные яблоки агента взорвались точно две перезрелые сливы и по щекам, змеясь, поползли два ручейка кровавых слез.

БАНГ! БАНГ!

Алекс падал, прижимая к обезображенному лицу руки с судорожно скрюченными пальцами. Вероника безжизненно лежала на полу. Пришелец стоял, качаясь на подгибающихся ногах, мотая головой с наполовину снесенной черепной коробкой.

Жаркая волна жгучей ненависти и боли напалмом обожгла мой не защищенный антисканнером мозг, но она уже теряла силу. Я снова потянул пальцем спусковой крючок, и вновь услышал злобное

БАНГ! БАНГ!

ЕГО отбросило к стене, впечатало в нее спиной, но инопланетянин все еще держался на ногах, несмотря на то, что голову его начисто раздробили и снесли напрочь свинцовые осы, выплюнутые моим оружием.

Кровь отлила от головы, в потемневших было глазах прояснилось. «Сдохни же, ублюдок проклятый!» – с нескрываемым торжеством в голосе выкрикнул я, делая несколько шагов по направлению к инопланетянину, чтобы с близкого расстояния, в упор разрядить в него всю обойму своего оружия.

Это было жуткое зрелище – ОН дергался при попаданиях, словно терзаемый воображаемыми муками параноик. Влажные склизкие лоскутья его плоти летели во все стороны, оставляя мерзкие следы на полу и на стенах.

Патроны у меня давно кончились, но я не опускал руки, вооруженной пистолетом, с тупым упорством вновь и вновь спуская курок, не слыша сухих щелчков осечек. Может быть ОН и был главнее и умнее той твари, что разнесла установки, но живучестью поспорить с ней не мог. Выпущенных в НЕГО пуль оказалось вполне достаточно. Инопланетный монстр шатнулся вперед, сделал два неуверенных, теряющихся шага, на какое-то мгновение замер, слепо шаря перед собой скрюченными руками, не то пытаясь схватить меня, не то нащупывая потерянную точку опоры. Потом ОН упал, едва не задев

при этом меня. Рухнул, точно подрубленное топором лесоруба вековое дерево. Какое-то время его тело еще билось в агонии под прицелом моего опустошенного пистолета. Конвульсивные движения безголового трупа становились все тише, пока он не застыл, не подающей признаков жизни, уродливой восковой куклой. Я направил на НЕГО пистолет и еще раз зачем-то нажал на курок. Вставил новую обойму. Выстрелил. Опустил руку.

Все. Кончилось.

С кровоточащими искусанными губами я поплелся к расprostертому телу Вероники и неуклюже опустился рядом. Взяв женщину за плечи, я несколько раз с силой встряхнул ее. Голова Кэрролл безвольно мотнулась взад-вперед, жирная багровая капля соскользнула с ее лба и резво добежала до уголков губ, уменьшаясь в размерах и оставляя за собой тонкий кровавый след – Вероника разбила себе голову при падении.

Наконец, Кэрролл слабо ахнула и уставилась на меня мутными совершенно пустыми глазами.

– Мисс Кэрролл, вы меня слышите? Это я, Виктор Банев, детектив! Вероника, ответь мне!

Глаза оставались пустыми. По подбородку потекла слюна. Женщина силилась что-то сказать, но звуки вырывающиеся из ее рта напоминали гуканье идиота, которому сделали лабортмию. Неужели он разрушил ее мозг?!

– Ответь же мне! Господи! ну, пожалуйста, ответь!

– Что? – вяло прошептала женщина, делая слабую попытку меня оттолкнуть.

– Слава Богу! – воскликнул я, списывая этот жест, как неосознанный. – Я так испугался за вас! Все кончилось, мисс Кэрролл. Вы в безопасности, а это существо мертво.

Стиснув ее щеки ладонями, я повернул лицо Вероники к своему.

– Вы понимаете меня, мисс Кэрролл? Вы понимаете смысл моих слов?

Внезапно глаза женщины широко распахнулись. Ужас превратил их в две бездонные черные дыры. Наши лица были так близко, что я уловил отражение на сетчатке ее глаз.

– Не-е-е-ет!

– Ах, черт!

Я уже поднимался на ноги, разворачиваясь навстречу новой опасности, но проклятый перелом в очередной раз помешал мне – движения мои оказались недостаточно быстрыми...

Безголовое тело внеземлянина – страшного зомби, кошмарной твари – тяжело нависло над нами. В считанные мгновения осознав (какая это мука, двигаться неизмеримо медленнее, чем думать!), что мне не успеть поднять пистолет хотя бы на уровень живота, я начал стрелять еще не завершив движения – пуля попала зомби-инопланетянину в ногу, существо неуклюже дернулось, но в следующую секунду рука с уродливо скрюченной кистью, описав в воздухе широкую дугу, обрушила мощнейший удар на мой многострадальный бронекостюм. Примерно такую же дугу пришлось описать мне. Конец полета сопровождался глухим шлепком, с которым мое тело припечаталось к стене. Больно! Удар так здорово перетряхнул все мои внутренности, что на какое-то время я потерял возможность не только двигаться, но и соображать. Сломанная нога наспиговала мозг раскаленными стрелами боли.

Мысли замедлили свой бешенный бег, спутались в тугой многоцветный клубок. Лишь одна не скрылась в мешанине смутных размытых образов, упорно пробиваясь к сознанию, стучась в него, крича.

Нужно встать... Вероника в опасности... Встать... Встать, иначе смерть... Так трудно... Тело не повинуется, мышцы ослабли, превратились в кисель, в дрожащее желе... Нужно встать...

Я не сразу сообразил, что за звуки слышатся в палате, и лишь когда они смолкли до меня дошло, что это были выстрелы. Куда больше времени мне потребовалось, чтобы вникнуть в смысл слов, которые бубнил мне на ухо здоровенный тип в сером пиджаке, буквально размазавший по больничной стене полумертвое безголовое тело инопланетного агента, очередями сразу из двух крупнокалиберных пистолетов-пулеметов.

– Тоже мне, герой хренов!.. Из-за тебя чуть хозяйка не погибла... Придурок! Теперь тебе не миновать проблем от всех этих СИБ, КИВ, Бюро... Повезет, если срок не схватишь! Детективом тебе, конечно же, больше не работать, повезло, хоть сам цел остался! Ладно держись, приятель, сейчас врачи подоспеют. Мисс Кэрролл, да осторожнее вы! Он едва жив! Эгого! А еще кулаками махал!

Старательно изобразив последний вздох умирающего героя, я окончательно потерял сознание в объятиях мисс Кэрролл.

ЭПИЛОГ

– Хей, пожиратели информации! Приветствую вас! Это девятый канал новостей и с вами его бессменный ведущий Патрик Флинт! Мой далекий предок бороздил моря и океаны, а я борозжу ваше сознание и воображение! Сегодня я внесу в ваши ячейки памяти ошеломляющий рассказ о лихой заварушке с самыми настоящими кошмарными космическими чудовищами, страшные сказки, о которых любили сочинять наши прадеды! Этот рассказ достоин того, чтобы стать сюжетом сногшибательного фильма ужасов, поэтому пусть кусают ногти те, кто смотрит дешевую муру других информационных каналов!

Все это началось почти три месяца назад, но лишь сегодня репортерам нашего канала удалось-таки поднырнуть под гриф «совершенно секретно», навешанный военными ведомствами на эту клевою заварушку. Итак, три месяца назад, в памятный для многих из нас день, ведь именно тогда были растерзаны в собственном доме супруги Мишель и Тереза Лоуэлл, по предположениям наших яйцеголовых умников орбиту старушки-Терры пересекли две... как их, а вот... «сверхплотные биогранулы, несущие в себе зародыши инопланетной жизни». Ребят, вы смекнули, что это значит? Нет? Тогда возьмите научно-популярные микрофильмы, глядишь, чего-то и углядите! Короче говоря, эти самые штуковины-биогранулы заразили мужа и жену, и дремавшие в них чудовища, порожденные разумной инопланетной расой, проснулись и начали с невообразимой быстротой развиваться внутри этих несчастных ребят, Лоуэллов. Через каких-то несколько минут наших с вами соотечественников уже не существовало – вместо них появились два кошмарных чужеродных чморища, задавшихся неизвестной нам целью, несомненно несущей земному обществу очень мерзопакостные флюиды.

Началом деятельности двух инопланетных уродов, обладающих уникальными и крайне опасными телепатическими способностями (черте чё у них там в черепушках было!) стала цепь зверских убийств на территории нашего славного мегаполиса, запугавших не только старый добрый Еврюнион, но и весь мир заодно!

Забегаю вперед, приятели, сообщу вам, что точку в этой кровавой муторной заварушке удалось поставить лишь благодаря помощи женщины-экстрасенса, знаменитой Колдуньи-

Кэрролл и прыткого рвущегося в супермены детектива из России Виктора Банева. Эй, Вик, слышишь меня? Как там у вас в Москве? А впрочем, навряд ли он об этом знает. Скажу по секрету, парни, что ни у Банева, ни у Кэрролл нам не удалось взять горяченького интервью, потому что разыскать этих ребят в лоне цивилизации оказалось невозможно, но вот что странно – яхта, зарегистрированная на имя Виктора Банева недели две назад покинула свой док во Владивостоке. Смейкайте, пожиратели информации, что могут делать мужчина и женщина вдвоем на маленьком суденышке с водоизмещением в несколько тонн посреди теплого моря, а? Плюньте в мое изображение, если они не проводят там свой медовый месяц!

– Как тебе это нравится, Ронни?! Этот придурок с торчащими во все стороны волосами, выкрашенными в тошнотворо-зеленый цвет, сделал из нашего кошмара веселенький анекдотец! Современные информационные программы деградируют прямо на глазах!

С этими словами я отбросил дистанционное управление и повернулся, чтобы полюбоваться на Веронику. Белый купальный костюм сексуально контрастировал с ее смуглой бронзовой кожей. Завидуя самому себе, я едва не пустил сладострастную слюну.

Глаза Ронни вспыхнули уже знакомым мне колдовским огоньком, и отброшенная мной «лентяйка» внезапно изменила траекторию своего полета и, вопреки всяким законам физики, описала дугу, которая привела ее в руку моему любимому экстрасенсу: после смерти инопланетного агрессора телепатические возможности Вероники начали расти в геометрической профессии. То, что она вытворяла поднимало дыбом жиденькие остатки волос на лысынах достопочтимых ученых, однако, должен признать, мне больше нравились ее таланты, лежащие в несколько иной области.

– Он действительно шут, – улыбаясь, сказала Рони. – Но, по крайней мере, не лжец.

– Пожалуй ты права, дорогая, – кивнул головой я, заключая супругу в узаконенные браком объятия.

Над нашими головами завистливо закричала чайка. Наверное, самец.

Собрание сочинений
Юрия Петухова

в 8 томах:
остросюжетные фантастические,
психологические, исторические
романы и повести.

Вы можете подписаться на собрание сочинений известного русского писателя в любом отделении связи России по каталогу "Газеты, журналы" агентства "Роспечать" – см. стр. 114 каталога, индекс 73257 "Метагалактика".

Внимание! Особо рекомендуется для приобретения в библиотечные фонды как высокохудожественное и пользующееся спросом издание.

Юрий Петухов "Меч Вседержителя"
В. Обедин "Резидент и Утроба"
С. Москалев "Гардероб"

